СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ – 1976

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СТРОЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ)

В любом языке одновременно действует много факторов, стимулирующих его развитие и совершенствование, перекрещиваются тенденции, зачастую совершенно противоположные по направленности, а иногда даже нейтрализующие друг друга.

Учитывая сложность процессов, протекающих в языке, и многообразие причин, вызывающих языковые изменения, некоторые лингвисты вообще склонны отрицать наличие в этой области каких-либо закономерностей. «Два последующих состояния языка, — заявляет известный французский лингвист Ж. Вандриес, — соединены между собой не необходимой по существу связью, а только случайностью»[1]. А. Мартине утверждает, что звуковое изменение обусловлено множеством причин и различные факторы в данном случае характеризуются одним общим для них свойством: каждый из них в отдельности ничего не может изменить, и лишь их сумма приводит к тем или иным смещениям. Знание одной причины совершенно недостаточно для установления других[2]. По мнению А. Мартине, внимание диахрониста должно быть сосредоточено на поведении единиц и систем в нормальных условиях[3]. Другие лингвисты, как, например, А. Шлейхер, напротив, искали в языках мира наличие общих закономерностей изменений.

В отечественной тюркологии в этом направлении работал и Е. Д. Поливанов, предлагавший выделить из состава исторической фонетики фонетическую историологию, то есть общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах эволюции[4]. И в самом деле, в различных языках мира наблюдаются некоторые общие для них типы изменений, приводящие к более или менее одинаковым результатам.

Эти универсалии следует четко разграничить с изменениями, происходящими в родственных языках ,морфологически принадлежащих к одному типу.

К сожалению, до сих пор в тюркологической литературе эти два вида языковых изменений строго не дифференцировались, и вопрос этот вообще специально не рассматривался, хотя проблемы, связанные с грамма-

---

[1] *Ж. Вандриес.* Язык. М., 1937, стр. 52.

[2] *А. Мартине.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 56.

[3] *Там же;* см. об этом также: *Б. А. Серебренников.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

[4] *Е. Д. Поливанов.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 30.

тическим развитием слова в тюркских языках, и разрабатывались, в частности, Н. К. Дмитриевым[5]. Сам процесс эволюции от отдельного слова к аффиксу не является чем-то присущим строю только тюркских языков, хотя многое в этом процессе и характерно для каждого языка родственной группы. Тюркским языкам свойственны исторические изменения звуков и форм, наблюдающиеся и в языках иного морфологического строя: чередование конечных согласных основ типа турец. birlik 'союз' — birlij-i 'его союз'; чередование гласных типа новоуйг. at 'лошадь' — etler 'лошади'; разрушение конца слова типа su 'вода' из suγ, suv; многочисленные случаи ассимиляции согласных, ослабление геминации; развитие союзов на базе частиц; разрушение связки под влиянием семантически однородных явлений и т. д.

Следует отметить, что при историческом анализе структуры отдельных тюркских языков основное внимание исследователей обычно направляется на развитие тех или иных форм и союзов, исчезновение одних и появление других, на изменения, происходящие в сфере употребления. Разработки, осуществленные на материале отдельных тюркских языков, естественно, не могут служить основанием для выводов об общих тенденциях в развитии строя всех тюркских языков. Вместе с тем они представляют большой интерес для выявления главных тенденций в развитии тюркских языков. Таковы, например, важные положения К. Брокельмана о том, что так называемая условная форма на *-sa* в своей основе является оптативом и безличной формы глагола первоначально тюркские языки не знали[6], замечание К. Грёнбека о том, что *-lar* в ранней стадии означало не множественное число, а коллективность, собирательность[7], наблюдения А. Н. Кононова относительно склонения предложений в тюркских языках[8]. Был выявлен ряд тенденций в развитии синтаксической структуры тюркских языков, например, инверсия в составе словосочетаний и предложений, в развитии конструкций с вводными словами и обособленных конструкций, в развитии отдельных видов простого и сложного предложений[9].

Для отделения общих тенденций в развитии строя тюркских языков от прочих происходящих в них типов изменений необходима строгая методика, включающая целый комплекс приемов лингвистического анализа. Так как характеристика их является темой специальной статьи, то здесь мы их только назовем.

Это сравнительно-исторический метод, опирающийся на один из своих существенных приемов — внешнюю реконструкцию, на вероятностные обоснования, лежащие в основе многих гипотез, касающихся происхождения звуков, слов, форм, синтаксических конструкций. Важное значение имеют технические приемы, выявляющие так называемые импликации, то есть взаимную связь и обусловленность явлений. Специфичность агглютинативных языков сама во многом облегчает работу историка языка, поскольку она позволяет широко применять метод девинации. При определении тенденций развития учитываются не только типологические особенности семьи родственных языков, но и общие типологические процессы развития, наблюдающиеся в различных языках

---

[5] См.: *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 48—51.

[6] *C. Brockelmann.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

[7] *K. Grönbech.* Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, стр. 58.

[8] *А. Н. Кононов.* Тюркологические этюды. — «Историко-филологические исследования». М., 1967.

[9] *Н. А. Баскаков.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975; *А. З. Абдуллаев.* К эволюции тюркского синтаксиса. — «Основные проблемы эволюции языка», ч. II. Самарканд, 1966.

мира, — так называемые универсалии. Следует учитывать и приемы ареальной лингвистики, а также социолингвистических исследований. Наконец, для определения перспективы в развитии того или иного явления немаловажную роль играют «количественные методы».

Теперь перейдем непосредственно к самим тенденциям в развитии фонетического строя тюркских языков.

В настоящее время большинство тюркологов постулирует наличие долгих и кратких гласных в тюркском праязыке (или языке-основе). Различие между долгими и краткими гласными в настоящее время в большинстве тюркских языков исчезло. Вместе с тем этимологическая долгота сохранилась, и не только в якутском и туркменском языках. Сравнительно-исторический метод, исходя из данных ареальных исследований, выявляет этимологическую долготу, сохранившуюся в реликтовом состоянии в целом ряде диалектов тюркских языков Средней Азии, Сибири и Кавказа. Старотюркские долготы характеризуют вокализм карабулакского диалекта узбекского языка. Ср. a:t (‖a:d) 'имя', a:dy 'его имя' (но at 'лошадь', aty 'его лошадь'), a:č (‖a:ǯ) a:ša:ž 'голодный' (но ač 'отвори')[10] и др. Долготы зарегистрированы и в диалектах каракалпакского, а также азербайджанского языка (ср. кубинский, казахский диалекты и переходные говоры: sa:ry 'желтый', sary — послелог 'в сторону, к')[11].

В «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка отразились общетюркские долгие гласные первого слога: *a:, ö:, e:, ü:, i:*[12].

Различие между долгими и краткими гласными — фонетическое явление, не сохранившееся не только в тюркских, но и во многих других языках. В истории языков известны даже случаи, когда языки, различавшие в прошлом долгие и краткие гласные, позднее совершенно утрачивали это качество[13]. Причина этого заключалась в проявляющейся в различных языках общей тенденции к устранению долгих гласных, поскольку долгий гласный создает участок напряжения, связанный с повышенной затратой произносительных усилий. Можно утверждать, что нагрузки участков напряжения в различных языках приводят к одним и тем же результатам: 1) сужению долгих гласных и 2) устранению долготы гласных путем дифтонгизации. И действительно, в тюркских языках следы долгот в виде экспрессивной модуляции сохранились в ряде диалектов — одни в реликтовом состоянии, другие — будучи занесены миграцией. Так, в языке сибирских татар, в томском диалекте, барабинском подговоре зарегистрировано удлинение гласного первого слога типа pa:la 'ребенок' (ср. туркм. ba:la) (Тумашева, 1969, 37). Следствием экспрессивного удлинения гласных звуков являются нисходящие дифтонги. Ср. южные диалекты каракалпакского языка buwrynγy вм. burunγu 'прежний' (Диал. тюрк. Нас., 399); барабинский диалект сибирских татар öjlön 'трава' (Тумашева, 1969, 29); диалекты к.-балк. языка: küjgüt 'сгорел' (Диал. тюрк. Ал., 443). Взаимосвязь долготы и нисходящих дифтонгов подтверждается фактами диалектов туркменского языка. По наблюдениям Н. К. Дмитриева, долгие звуки *y* и *i* звучат в марийском диалекте как нисходящие дифтонги. Ср. gyjz 'девушка' (литер. gu:z), ijs 'запах' (вм. i:s) (Дмитриев, 1954, 39).

---

[10] *К. К. Юдахин.* Некоторые особенности карабулакского говора. — «Материалы по узбекской диалектологии» Ташкент, 1957, стр. 32—33.

[11] *Р. А. Рустэмов.* Губа диалекти. Бакы, 1962; *А. Г. Велиев.* Переходные говоры азербайджанского языка Автореф. докт. дисс. Баку, 1975.

[12] См.: *Л. С. Левицкая.* Историческая фонетика чувашского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 17.

[13] См.: *Б. А. Серебренников.* Указ. раб., стр. 101.

В тюркских языках тенденции к устранению долготы имели, кроме общих закономерностей, и специфические особенности.

Этимологическая долгота тесно связана со всей историей тюркского анлаута, и ее развитие обусловлено всей типологической структурой тюркских языков, их агглютинативным строем.

Теория первичности глухого анлаута связана с гипотезой о древнетюркском ударении, падающем на первый слог. Для того, чтобы первый слог обладал силой, необходимой для реализации гармонии гласных, он должен сохранять свои качества и быть ударным. Ф. Е. Корш совершенно справедливо связывал гармонию гласных с ударением на первом слоге и утверждал, что «исходящая от корня гармония звуков, общая всем турецким (тюркским. — *Н. Г.*) языкам и потому, очевидно, унаследованная ими от пратурецкого (пратюркского. — *Н. Г.*), могла возникнуть только при главном ударении на корне»[14].

Можно предполагать, что долгие гласные являлись хорошим дистинктивным признаком фонематического различения корней. А при глухом анлауте это была одна из форм компенсации языковых возможностей. На самом раннем этапе тюркского праязыкового состояния активно проявлялись и лингвотехнические неудобства, связанные с глухим анлаутом, экспираторным ударением и долготой на первом слоге, способствуя возникновению целого ряда тенденций. Благодаря стихийной тяге к озвончению анлаута (начало слова, несущее большую информацию, должно быть и более слышимым) ударение перемещалось на последующие слоги, а первый неударный слог подвергался самым разнообразным фонетическим трансформациям.

Так, например, в тюркских языках обнаруживается тенденция, связанная с фонетической трансформацией фонемы *а* в неударной позиции. Неустойчивость *а* первого слога проявлялась в склонности к изменениям, проявляющейся с различной интенсивностью в разных языках. Ср. соответствие *а* и *ы*, являющееся следствием разрушения противопоставленности по ряду — важного различительного признака в фонетической системе. Ср. диалекты казахского языка: tystau ~ tastau 'бросать' (Борибаев, 8); диалекты туркменского языка: ɣɣlamaq ~ aglamaq 'плакать' (Атаджанов, 5).

Тенденцией, способствующей неустойчивости звука *а*, является и склонность его к опереднению, зарегистрированная во всех тюркских языках Средней Азии. Ср. диалекты узбекского языка: säkkiz ~ sakkiz (Абдуллаев, 7), уйг. älip 'взявши'. Общую склонность *а* к изменению в неударной позиции отражает также известный фонетический процесс, связанный с оканьем. Такая неустойчивость безударного гласного *а* и характерная для него тенденция ко всякого рода позиционным изменениям, в частности, к опереднению — умлауту, последнее, вероятно, вследствие скрещения старой тюркской уйгурской системы вокализма с новой узбекской, утратившей различие двухрядности, — являются процессами сопряженными, которые могли привести к ослаблению противопоставления гласных фонем по ряду. В результате этого образовались десингармонизованные ряды, приведшие к угасанию палатального сингармонизма в тюркских языках Средней Азии не только на территории Узбекистана, где представлены максимально «иранизованные» говоры, но и в ареалах уйгурских и туркменских диалектов, а также диалектов других языков.

С вышеизложенными фонетическими процессами сопряжена и другая тенденция: угасание губного сингармонизма. Как известно, губной

[14] *Ф. Е. Корш.* Древнейший народный стих турецких племен. ЗВОРАО, т. XIX, Петербург, 1909, стр. 28—29.

сингармонизм в тюркских языках проявляется по-разному. Особенно сильно он проявляется в киргизском и алтайском языках. В зону последовательного проявления губной гармонии входят тесно соприкасающиеся с киргизскими уйгурские говоры, особенно язык лобнорских уйгуров. Характер прогрессивной гармонии, которая распространяется здесь как на губные узкие, так и широкие гласные, напоминает общекиргизско-алтайский тип. Ср. kөŋlөk 'рубашка', өdөk 'утка', boron 'ветер'. На территории Узбекистана и Каракалпакии губная гармония соблюдается менее последовательно. В остальных тюркских языках Средней Азии она вообще выражена слабо. Исключение составляют отдельные диалекты и говоры (ср. сарыкский, текинский диалекты). Последовательную губную ассимиляцию как узких, так и широких гласных можно встретить в языке западносибирских татар. Устойчиво губной сингармонизм сохраняется кое-где и на территории Кавказа и Закавказья. Ср. казахский диалект азербайджанского языка и переходные говоры.

Вместе с тем диалектологические материалы тюркских языков указывают, что даже в той зоне, где фиксируется максимально высокая степень губного сингармонизма, он имеет тенденцию к разрушению.

Представляют большой интерес отмеченные И. А. Батмановым ступени снижения степени губного сингармонизма: а) утрачивается лабиализация широких гласных (вм. *а*~*е*~*о*~*ö* возникают *а*~*е* или *а*~*ä*) сначала в третьих аффиксальных слогах, благодаря редукции гласного, в дальнейшем — во вторых и первых; б) утрачивается лабиализация узких гласных в открытых слогах с сохранением ее в слогах закрытых, например, в ряде живых диалектов киргизского языка: turdь, но turdum и т. п.; в) утрачивается лабиализация во всех слогах и остается только изменение по признаку твердости — мягкости: turdь~kөrdi (Батманов, 77). Тот же процесс разрушения губной гармонии наблюдается в алтайском языке и диалектах уйгурского и каракалпакского языков. Обычно ослабление действия закона губной гармонии объясняется контактами с языком, в котором этот закон выражен слабее, при этом определенная роль отводится книжной традиции и пр. Однако как объяснить проявление указанной тенденции в области губного сингармонизма (даже в районах его прежней концентрации), фонетического явления, которое, раз возникнув и будучи к тому же коммуникативно удобным (как всякая прогрессивная ассимиляция), имело перспективы быть устойчивым?

Несомненно, соседство тюркских языков со слабо выраженным губным сингармонизмом не создавало внешнего импульса, способствовавшего консервации максимальной губной ассимиляции. Следует учитывать также как книжную традицию, так и поток заимствований с новыми типами чередований. Все это не способствовало развитию и сохранению губного сингармонизма.

Вместе с тем коммуникативно удобное явление губной ассимиляции не имело бы тенденции к угасанию, если бы в самой системе вокализма тюркских языков не были заложены условия, благоприятствующие этому. Одним из таких условий и было наличие редуцированных гласных. Языки западнокыпчакского типа отличаются от языков огузского типа специфическим произношением гласных *i*~*y*, *ö*~*ü*, *o*~*y*, которые здесь более неустойчивы.

Вероятно, по этой причине максимальная губная гармония укоренилась в некоторых диалектах туркменского языка, где долгие гласные отличаются большой устойчивостью. Ср. сарыкский диалект o:boloro 'в деревни' вм. obalara. То же следует сказать и о некоторых диалектах азербайджанского языка, например, переходных говорах, в которых долгота

и последовательно выдержанная губная гармония сосуществуют. В этом плане понятен устойчивый характер губного сингармонизма в якутском языке, изобилующем долгими гласными.

Процесс сужения широких гласных и уже отмеченная нами редукция гласного *а* в первом слоге, сопровождающаяся приобретением артикуляционно-акустических оттенков узкого *у*, образуют определенную фонетическую тенденцию. Диалектологический материал тюркских языков показывает, что процесс сужения *а* как последовательная тенденция наблюдается и во втором и в третьем слогах. Ср. казахск. ajyrmysy вм. ajyrmasy 'различие'.

Процесс сужения гласных *а*∼*у*, *е*∼*і*, *о*∼*и* может быть общей универсалией, проявляющейся в диалектном материале самых различных тюркских языков, а может быть и выражением системно-обусловленной тенденции, как, например, в тюркских языках поволжского ареала. Так, перебой губных гласных диалекта сибирских татар, по наблюдениям Д. Г. Тумашевой, состоит из двух взаимосвязанных процессов сужения *о, ӧ* и расширения *и, ӥ* (Тумашева, 1969, 19).

Велярный *q* с сильной задней артикуляцией оказался в тюркских языках неустойчивым. В турецком, кумыкском, казахском и якутском, а также в мишарском диалекте татарского языка он перешел в простой *k*. Даже в таких тюркских языках, как, например, узбекский, каракалпакский, казахский, для которых задненёбный *q* характерен, обнаруживается тенденция к его ослаблению. Уместно напомнить замечания Е. Д. Поливанова о неоднородном характере фонем *k* и *g*: «Так называемая неказакизованная (йокающая) подгруппа хорезмских, собственно узбекских говоров, занимающих территорию между севернохорезмскими и южнохорезмскими, обнаруживает целую гамму постепенных вариаций от более или менее палатализованных мягких *k'*, *g'* к максимально твердым *k* и *g*, если продвигаться с юга на север. Относительная мягкость их в южных районах данной подгруппы говоров объясняется влиянием южнохорезмской огузской группы и, в частности, хивинского говора»[15]. Многие современные узбекские диалектологи[16] (Решетов, Абдуллаев) отмечают, что в узбекских говорах, распространенных на территории Хорезма, заднеязычные *k* и *g* имеют более передний характер.

В тюркских языках наблюдается тенденция ослабления заднеязычного *q* в *х*. Так, например, в чувашском и азербайджанском языках звуку *q* других тюркских языков может соответствовать *х*. Ср. чувашск. *хур*∼общетюркск. qāz 'гусь'; чувашск. хӑг∼общетюркск. kyz 'девушка'. Аналогичное явление наблюдается и в якутском языке. Ср. якутск. хāп∼общетюркск. qan 'кровь'; якутск. хār∼общетюркск. qar 'снег', якутск. хās∼общетюркск. qaz 'гусь'. Сохранившиеся надписи на языке камских булгар позволяют предполагать, что переход *q* в *х* был типичен и для этого языка.

Если привлечь материал всех диалектов тюркских языков, то можно констатировать устойчивую тенденцию, направленную на ослабление *k* в *х* в различных позициях. Ср. кумыкские диалекты (терский, кайтакский): хъart вм. литер. qart 'старик', хъuš вм. quš 'птица'; азербайджанские диалекты (азербайджанские говоры Басаргечарского района): al-

---

[15] *Е. Д. Поливанов.* Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. Ташкент, 1933, стр. 11.

[16] См.: *В. В. Решетов.* Изучение узбекских народных говоров. — «Материалы по узбекской диалектологии». Ташкент, 1957, стр. 9; *Ф. Абдуллаев.* Кыпчакский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1957, стр. 12.

max вм. almag 'взять'; туркменские диалекты (кырачский, каракалпакский): sovux вм. sovuq 'холодный', dodax вм. dodaq 'губы'; карачаево-балкарские диалекты (верхнебалкарский, хуламо-безенгийский): zorlux вм. zorluq 'насилие', bycax вм. bycaq 'нож'; ногайские диалекты (акногайский): xaryndas вм. qaryndas и др.

Историческая тенденция к изменению *q* в *x* наблюдается и в монгольских языках. Велярный *q* некогда существовал в общемонгольском языке. В письменном монгольском языке он сохранялся примерно до XIV в. В более поздних источниках появляется *k*. Из современных монгольских языков он сохраняется только в могорском, а во всех остальных превратился в *x* или в простой *k*, в *s*, *t* и т. д.[17].

Заднеязычный носовой согласный ŋ не отличается в тюркских языках исторической устойчивостью и обнаруживает тенденцию к исчезновению или замене другим согласным. В чувашском языке ŋ превратился в *n*, в некоторых случаях — в *m*. В турецком литературном языке ŋ, как правило, переходил в *n*, то же наблюдается в балканском и западном анатолийском диалектах. Для азербайджанского литературного языка так называемый *сагырнун* не характерен. В реликтовом состоянии он сохранился в говорах западных районов Азербайджана, а также в азербайджанских говорах Армении и Грузии. Даже в тех тюркских языках, где велярный *n* стал литературной нормой, его склонность к колебаниям сохранилась особенно в диалектах, давая невелярное *n*. Ср. туркменск. литер. maŋa 'мне', но диал. хасарли mənə, или литер. jaŋadan, но диал. эрсаринск. jeneden и т. д.

В отдельных случаях в тюркских языках ŋ после зубного согласного переходит в *m*. Ср. тур.: domuz 'свинья'<toŋuz, ног. sömäk, азерб. sömük 'кость'<süŋük, тат. söjäk. Во многих тюркских языках личное окончание 2-го лица множественного числа -ŋyz, -ŋiz изменяется в -γyz, -giz[18].

В различных тюркских языках наблюдается тенденция к выпадению *r* в ауслауте и закрытом слоге. Обычно в тюркологической литературе эта фонетическая особенность связывалась с карачаево-балкарским языком, поскольку она проявляется и в его литературном варианте. Ср. studentle 'студенты', kelelle 'идут'; или хуламо-безенгийск. bolu 'будет', keli 'он придет'~литер. bolur, kelir (Аппаев, 30).

Ауслаутное *r* имеет тенденцию к выпадению и в диалектах кумыкского языка. Ср. терский, кайтакский диалекты: kimdi 'кто он'~литер. kimdir; alγanny‖alγandy 'наверное, он взял'~литер. alγannyr (Керимов, 118). Выпадение *r* наблюдается и в диалектах азербайджанского и туркменского языков. Ср. кубинский, ордубадский диалекты азербайджанского языка: gojulla, juxdu, диал. алили туркм. gojullo(r) и т. д. Аналогичное явление встречается в таких среднеазиатских языках, как узбекский (ошский, наманганский, джизакский, ташкентский и другие говоры) и уйгурский. Ср. ədämlä 'люди' (Решетов, 1957, 11).

В тюркских языках наблюдается устойчивая тенденция к аффрикатизации начального *j*. Многие тюркские языки, от Средней Азии до Кавказа, обнаруживают неустойчивость анлаутного *j*. Так, например, диалекты и говоры Узбекистана совмещают в себе все три возможных фонетических варианта: йеканье, джеканье и жеканье. Те же типы фонетической трансформации *j* наблюдаются в диалектах казахского, каракалпакского языков, а на Северном Кавказе — в диалектах ногайского язы-

---

[17] *N. Poppe.* Introduction to mongolian comparative studies. — «Memoires de la societé finno-ougrienne». 110. Helsinki, 1955, стр. 133.

[18] *М. Рясянен.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 169—170.

ка. Следы фонетической стадии аффрикатизации хранят и такие языки, как азербайджанский и карачаево-балкарский. Ср. казахский диалект азербайджанского языка или зангеланский говор, в которых зарегистрированы фонетические варианты: denä<jenä, döndäm<jöndäm (Бехбудов, 9), dumrux<jumrux, или карачаево-балкарск. диал. dulduz~žulduz ~zulduz 'звезда'.

Если в различных тюркских языках начальный *j* в положении перед гласными довольно часто превращается в *ǯ*, сохраняя ранние промежуточные ступени в виде *j*>*d*/*d'*, то это уже не может считаться случайностью, а является определенным типовым направлением видоизменения звука в этой позиции, то есть определенной типологической фреквенталией, которая может быть положена в основу вероятностного обоснования гипотезы о первичности начального *j* в тюркских языках.

Существование тенденции, связанной с аффрикатизацией *j*, поддерживается целым рядом косвенных показателей, в том числе и лингвопсихологическими. Если начальные элементы слова несут основную информацию, то начало слова должно быть более слышимым. Поэтому язык стремится к тому, чтобы в начале слова располагались более слышимые звуки — свистящие спиранты, аффрикаты, звонкие согласные. Конечно, это не означает, что в начале слова должны быть звуки только этого типа, но подобная тенденция ясно прослеживается. Аффрикатизация *j* отражает, на наш взгляд, общую тенденцию к озвончению тюркского анлаута. Кроме общей тенденции к замене слабого начального *j* более слышимой аффрикатой, в тюркских языках могут существовать факторы, не благоприятствующие такому преобразованию. Так, например, наличие в языке или диалекте фонемы *c* вместо *č* не способствует аффрикатизации. Исключение составляет башкирский язык, где аффрикаты вообще отсутствуют, хотя ассимиляция развита довольно сильно. В языках, уже имеющих *č* и *ǯ*, как, например, в турецком и азербайджанском, *j* менее подвержен аффрикатизации. В языке типа татарского, в котором существует аффриката *č* с сильно ослабленной смычкой и редко встречается *ǯ*, имеет место частичная аффрикатизация *j*.

В различных тюркских языках наблюдается фонетическая тенденция, связанная с цоканьем. Ср. диалекты азербайджанского языка (нахичеванская группа, ордубадский диалект, айрумский, шахбузский и другие говоры) caj вм. čaj, cox вм. čox (Ширалиев, 1962, 77), cičäx вм. čičäk (Садыхов. Вопр. диал., 179); цоканье широко представлено в диалектах карачаево-балкарского языка во всех позициях: хуламо-безенгийск. cana вм. čana 'сани', kece вм. keče 'ночь'; верхнебалкарск. ac вм. ač 'открой' (Аппаев, 28—29). Цоканье зарегистрировано и в северных диалектах Киргизии: caj вм. čaj, pece вм. peče 'сколько' (Бат. Сев. диал., 23).

Данное фонетическое явление широко распространено в языке татар Западной Сибири, например, в тюменском говоре: citän вм. čitän 'плетень', oc вм. oč 'конец' (Тумашева. Тюменск., 112). Ср. еще томский говор: cakmak вм. čakmak 'огниво', ickil вм. ičkil 'пей' (Дульзон, 341). Цоканье зарегистрировано в мишарском диалекте татарского, а также в диалектах турецкого языка.

Сопутствующей цоканью фонетической тенденцией является дзеканье. Ср., например, нахичеванскую группу диалектов азербайджанского языка, в которой цоканье сосуществует с дзеканьем: dzorab вм. ǯorab, udza вм. uǯa (Ширалиев, 1962, 79); аналогичное явление наблюдается и в диалектах карачаево-балкарского языка: dzyl вм. žyl/zyl 'год', dzyr вм. žyr 'песня' (Мат. балк. диал., 15).

Однако следует особо подчеркнуть, что в языке действуют различные закономерности, зачастую противоположные по своей направленности. В частности, в тюркских языках (как и в других языках) постоянными являются тенденции к облегчению произношения, при этом параллельно создаются новые участки напряжения.

Так, например, наряду с тенденцией, связанной с аффрикатизацией *j*, в тюркских языках существует тенденция к упрощению и устранению аффрикат, произношение которых требует больших усилий по сравнению с простыми согласными. В литературном татарском языке, основанном на казанском говоре, наблюдается ослабление смычки при произношении аффрикат *č* и *dž*. Фонетически эти аффрикаты произносятся как *š* и *ž*. В некоторых говорах западного диалекта татарского языка вместо *dž* произносится *z*[19]. В диалектах уральских татар отмечено произношение *s* вместо аффрикаты *č*[20]. Ослабление аффрикат свойственно тюркским языкам Средней Азии. Ср. ккалп. ЮЗ džaqsy ~ СВ žaxsy (Баскаков, 1952, 86—87). Дезаффрикатизация, в частности, ослабление *ǯ* в *ž*, весьма характерна для диалектов азербайджанского языка. Это — регулярное явление для инлаута и ауслаута. Ср. až вм. ač, haży вм. haǯy, goža вм. goǯa (Ширалиев, 1962, 89—96). В каракалпакском, ногайском и казахском языках первоначальное *č* превратилось в *š*. Фонема *č*, как отмечает С. Е. Малов, для каракалпакского языка довольно редкий звук, в большинстве случаев он замещается звуком *š* в разных его видах[21]. Тенденция к ослаблению *č* в *š* наблюдается в анлауте и инлауте в кумыкском языке (Ср. čogra ~ šogra 'суп'), в инлауте и ауслауте в азербайджанском, туркменском, турецком языках (ср. aš вм. ač 'открывай', seški вм. sečki 'выборы' и т. д.). М. Рясянен фонетическую трансформацию *č* > *š* отмечает для качинского, кызыльского, койбальского, карагасского, а в конце слова и для тувинского языка[22]. В башкирском и якутском языках аффриката *č* через промежуточную ступень *ts* превратилась в *s*. В чувашском древнее *č* изменилось в *ś*[23].

Следует подчеркнуть, что общие тенденции фонетического развития обусловлены в известной мере общностью данных самой фонетической системы тюркских языков. Несомненно, наряду с общностью действуют и фреквенталии, то есть потенциально возможные изменения звуков и форм в отдельных языках, обнаруживающие сходство с фреквенталиями других языков мира (ср. дезаффрикатизацию, ослабление конца слова, озвончение и пр.). Вместе с тем тенденции в развитии фонетической структуры тюркских языков выступают вполне определенно. Поскольку внешне сходные фонетические явления могут быть системно обусловлены всей типологической структурой тюркских языков. Например, проявляющаяся в последних тенденция к ослаблению сингармонизма не смогла привести и не приведет к разрушению агглютинативного строя, который в определенной степени его (сингармонизм) поддерживает.

Кроме того, следует учитывать, что не всякое фонетическое изменение указывает на общую тенденцию развития. Многочисленные фонетические процессы, связанные с ассимиляцией, не образуют мотивированной тенденции фонетического развития. Поэтому лингвистические понятия «изменение» и «развитие» следует использовать дифференцированно и не отождествлять их, ибо не каждое изменение приводит к развитию.

---

[19] *Л. Жәләй.* Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 100.
[20] *Там же,* стр. 119.
[21] *С. Е. Малов.* Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966, стр. 19.
[22] *М. Рясянен.* Указ. раб., стр. 156.
[23] *Б. А. Серебренников.* Указ. раб., стр. 135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абдуллаев — Ф. Абдуллаев. Кыпчакский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1957.

Аппаев — А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.

Атаджанов — М. Атаджанов. Салырский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1959.

Баскаков, 1952 — Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. М., 1952.

Батманов — И. А. Батманов. Северные диалекты киргизского языка, вып I. Фрунзе, 1938.

Бехбудов — С. М. Бехбудов. Зангеланский говор азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966.

Борибаев — А. Борибаев. Языковые особенности урдинских казахов. Алма-Ата, 1966.

Диал. тюрк. Ал. — У. Б. Алиев. Диалекты карачаево-балкарского языка. — «Диалекты тюркских языков». М., 1968 (рукопись).

Диал. тюрк. Нас. — Д. С. Насыров. Диалекты каракалпакского языка. — «Диалекты тюркских языков». М., 1968 (рукопись).

Дмитриев, 1954 — «Туркменские народные сказки Марыйского района» (вводные статьи и примечания Н. К. Дмитриева). М.—Л., 1954.

Дульзон — А. П. Дульзон. Диалекты татар — аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. XV, 1956.

Керимов — И. А. Керимов. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.

Мат. балк. диал. — «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». Нальчик, 1962.

Решетов, 1957 — В. В. Решетов. Изучение узбекских народных говоров. — «Материалы по узбекской диалектологии». Ташкент, 1957.

Садыхов. Вопр. диал. — Б. П. Садыхов. О некоторых кыпчакских элементах в айрумском говоре азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966.

Тумашева, 1969 — Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. докт. дисс. М., 1969.

Тумашева. Тюменск. — Д. Г. Тумашева. Язык татар Западной Сибири (тюменский говор). — «Ученые записки Казанского государственного университета», т. 116, кн. II. Казань, 1956.

Ширалиев, 1962 — М. Ш. Ширәлиев. Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары. Бакы, 1962.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

А. М. ЩЕРБАК

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМЫ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1,1. Форму условного наклонения в тюркских языках образует аффикс *-sa ~ -so ~ -za ~ -zo*, в башкирском языке — *-ha*. Более древняя разновидность его, прослеживаемая в якутском языке и в древнейших письменных текстах, оканчивается на *r* ср. якут. *-tar ~ -tor ~ -dar ~ -dor ~ -lar ~ -lor ~ -nar ~ -nor;* др.-тюрк. *-sar*. К этому ряду, возможно, примыкают также чувашские формы типа vărza 'ударив' и vărzan, vărzassăn 'если ударит'[1], не присоединяющие к себе ни личных показателей, ни показателей множественного числа. Правда, последние две из этих форм оканчиваются на элементы *-n, -săn,* которые И. П. Павлов возводит соответственно к притяжательному и лично-предикативному показателям 2-го лица единственного числа[2].

Аффикс условного наклонения присоединяется непосредственно к основе и предшествует показателям лица; лишь в тувинском языке установилась иная последовательность: аффикс *-sa ~ -za* занимает место после личных показателей, ср. barzymsa 'если пойду', barza 'если пойдет'. Правда, аффикс *-sa ~ -za* в нем — второй показатель условного наклонения (*<esä*, от вспомогательного глагола *er-*), дублирующий аффикс *-sy ~ -zy*, который выступает в типичной для тюркских языков позиции, перед личными показателями.

1,2. Архетип аффикса условного наклонения надежно реконструируется в виде **-sar*. По мнению большинства тюркологов он — довольно позднего происхождения и поэтому попытки связать его историю с историей других форм не случайны. Как известно, В. В. Радлов, В. Банг и Г. И. Рамстедт считали, что в аффиксе *-sar* сочетаются два компонента: два причастных аффикса (*-syq* и *-ar,* например, ačsyq 'открывающий')[3]

---

[1] Иной точки зрения придерживались Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров и Г. И. Рамстедт. См.: *Н. И. Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. 313—314; *его же.* Опыт исследования чувашского синтаксиса, II. Симбирск, 1923, стр. 108; *В. Г. Егоров.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Докт. дисс. (рукопись). Чебоксары, 1948, стр. 481 и сл.; *Г. И. Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 121.

[2] *И. П. Павлов.* К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке. — «Ученые записки [Чувашского) НИИЯЛИЭ», XIV. Чебоксары, 1956, стр. 255 и сл.; *его же.* Деепричастия. — В сб.: «Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Морфология». Чебоксары, 1957, стр. 248; см. также: *Н. З. Гаджиева.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 328.

[3] *W. Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. СПб., 1897, стр. 96.

или причастный аффикс *-ar* и аффикс *-sa,* восходящий, согласно предположению В. Банга, к глаголу sa- 'думать, считать'[4], а по мнению Г. Рамстедта, — к глаголу se- 'желать, хотеть', 'говорить', 'делать' (см. в тунгусо-маньчжурских языках), не имеющему ничего общего с тюркским глаголом sa- и заимствованному из китайского языка[5]. Приблизительно к такому же выводу пришел и Н. А. Баскаков, указавший, что форма условного наклонения исторически представляет собой причастие настояще-будущего времени на *-ar* ~ *-yr* ~ *-r* «от производного глагола с модальным значением желания, влечения, пристрастия» типа barγγsa-(bar-yγ-sa-)[6]. По сравнению со своими предшественниками Н. А. Баскаков значительно расширил границы поисков и намного увеличил число морфологических образований, объединяемых общим происхождением с формой условного наклонения. Иную позицию по вопросу о праформе условного наклонения в тюркских языках занял Э. Р. Тенишев, реконструировавший морфемный архетип в виде **-sa*[7], по существу не объяснив причины появления в древнейших письменных памятниках разновидности с конечным *r*. Аналогичную позицию занимает и Н. З. Гаджиева, которая считает аффикс *-sar,* подобно чувашскому аффиксу *-san,* дериватом аффикса *-sa* (конечный *r* — показатель аориста, *n* — показатель причастия)[8]. Вместе с тем Н. З. Гаджиева в этимологизации искомой формы идет значительно дальше Э. Р. Тенишева, усматривая в ней продукт «контаминации» двух оптативных форм: на *-s* и на *-a*[9].

Наиболее конструктивным из того, что говорилось до сих пор относительно природы формы условного наклонения, является высказывание В. В. Радлова о ее причастном происхождении (ср. у В. Банга: *-sar* — причастная форма настоящего времени на *-r* от глагола sa-)[10]. Кстати, В. В. Радлов квалифицирует форму на *-sar* как причастие и в языке орхоно-енисейских рунических надписей[11], в отличие от П. М. Мелиоранского, который не без оснований относил ее к деепричастным образованиям[12]. Попутно следует заметить, что в языке рунических надписей форма на *-sar* не присоединяет к себе личных показателей, ср. ol jergärü barsar türk bodun öltäčisän 'если пойдешь в ту страну, ты, тюркский народ, погибнешь' (КТм$_8$), bir todsar ačsyq ömäzsän 'если ты насытишься раз, то уже не разумеешь голодных' (КТм$_8$), ben özüm qazγanmasar el jemä bodun jemä joq ertäči erti 'если бы я сам не приобретал, то ни племенной союз, ни народ не существовали бы' (Тон$_{55}$). Далее, даже в относительно поздних текстах встречаются случаи употребления формы на *-sar* как причастия, ср. в «Кысас ал-анбия» (XIV в.): közüηüz jüzümgä

---

[4] *W. Bang.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2. Über das Verbum *al-* «nehmen» als Hilfszeitwort. — «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften», XXXVII. Berlin, 1916, стр. 920; *его же.* Das negative Verbum der Türksprachen. — «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften», XVII. Berlin, 1923, стр. 116, 117 (kälsär<kälä-sär, käli-sär). См. также: *C. Brockelmann.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, стр. 211, 240.

[5] *G. J. Ramstedt.* Zum türkischen Konditional. — «Finnisch-ugrische Forschungen», XXIX, 1—3. Helsinki, 1946, стр. 123, 125, 126.

[6] *Н. А. Баскаков.* К вопросу о происхождении условной формы *на -ca/-ce* в тюркских языках. — В кн.: «В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 53.

[7] *Э. Тенишев.* К истории тюркского условного наклонения. — В кн.: «Studia Turcica». Bibliotheca Orientalis Hungarica, XVII. Budapest, 1971, стр. 449.

[8] *Н. З. Гаджиева.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, стр. 333—334.

[9] *Там же,* стр. 329.

[10] *W. Bang.* Das negative Verbum der Türksprachen, стр. 117.

[11] *W. Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, стр. 108—113.

[12] *П. М. Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, стр. 85, 90.

tutsar bolsa 'если ваши глаза будут смотреть на мое лицо'[13]. Возможно также, что в составе аффикса *-sar* — два компонента, один из которых восходит к глаголу sa- 'думать, считать'. Уместно в связи с этим напомнить об идентификации Махмудом Кашгари упомянутого глагола и компонента *-sa* в глаголах ičsä- 'хотеть пить', ursa- 'хотеть ударить' (МК I 276), alsa- 'желать взять' (МК I 278), qačyrsa- 'желать обратить в бегство' (МК III 247), satsa- 'хотеть продать' (МК III 284), keligsä- 'хотеть прийти', körsä- 'хотеть увидеть' (МК III 285), satyγsa- 'хотеть продать', baryγsa- 'хотеть пойти' (МК III 333). Ср.: körügsäjürbiz 'желаем видеть' (Man I 10_{10}), kirigsäjürmän 'хочу войти' (КР 21_7), köŋülsädi 'он имел склонность' (Сл. Замахшари, II, 355, 360), teŋriŋ körüwsäp sen susadyŋ 'желая увидеть своего бога, ты испытывал жажду' (Cod. Cum. 70 $г_{17}$), qutqaruwsap 'пожелав освободить', tabuwsap 'пожелав найти' (Cod. Cum. 76 $г_4$). Ср. также в современных тюркских языках: азерб. susa- 'хотеть пить', 'иметь жажду', γäribsä- 'хотеть близких'[14]; тофал. ölürüksä- 'хотеть убить', körüksä- 'желать видеть'; тув. suqsa- 'хотеть пить', čoruqsa- 'хотеть идти', baryqsa- 'хотеть пойти', kelikse- 'хотеть прийти'. Правда, грамматическое содержание приведенных глаголов («желание, намерение совершить действие») заметно отличается от лексического значения глагола sa-, и все же нельзя, пренебрегать возможностью их сближения.

Специально следует остановиться на соотношении двух разновидностей аффикса условного наклонения *-sar* и *-sa*. В последнее время была предпринята попытка несколько обособить указанные разновидности и даже разграничить их по типам спряжения: «местоименное» спряжение для *-sar,* ср. barsarmän, barsarsän, barsarbiz, barsarsiz, и «притяжательное» — для *-sa,* ср. barsam, barsaŋ, barsaq, barsaŋyz. Решающую роль в этом сыграло предположение о действии аналогии; вначале форма условного наклонения была неспрягаемой, «безличной», затем она стала включаться в глагольную парадигму и так как являлась *r*-овой формой, то уподобилась настоящему времени на *-r*[15]. Однако можно с уверенностью сказать, что никаких принципиальных различий в плане спряжения между формами на *-sar* и *-sa* в письменных памятниках нет, так как и форма на *-sa* присоединяет к себе лично-предикативные показатели[16], ср. др.-тюрк. barsarmän 'если пойду' (КР 34_5), tegsärsiz 'если достигнете' (КР 38_1), bulsamän 'если найду' (КР 76_5), ersämiz 'если будем' (QBH 182_2). Более того, и в современных языках обнаруживаются следы «местоименного» спряжения формы на *-sa:* алт. barzabys, хак. parzabys, узб. (диал.) borsowuz 'если пойдем'. Правомерно говорить лишь о существовании связи между процессом выпадения конечного *r* и переходом от «местоименного» спряжения

[13] См.: *W. Radloff.* Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, стр. 226, 305 (примечание С. Е. Малова). Ср.: *C. Brockelmann.* Указ. раб., стр. 240.

[14] См.: *Э. В. Севортян.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 299 и сл.; *М. Ш. Рагимов.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1966, стр. 68.

[15] См.: *Э. Тенишев.* Указ. раб., стр. 446.

[16] А. К. Боровкову казалось возможным разграничить типы спряжения самой формы на *-sa* по содержанию, опираясь на материалы тефсира: «притяжательный» — при выражении условия, «местоименный» — при передаче просьбы, пожелания, цели, ср. ägär jüz evürsäŋiz 'если отвернетесь', tilimdäki tükünni tutčylykny jaza bergil ne kim men sözläsä män 'устрани косноязычие моего языка, чтобы я заговорил', bolγajmu kim bu eldin aδyn jergä barsa sän 'возможно ли, чтобы ты отправился в другое место из этой страны?'. Но и для такого разграничения нет достаточных оснований, что признал сам А. К. Боровков, приведя ряд примеров употребления формы на *-sa* с лично-предикативными показателями в собственно условном значении, ср. kolsa sän 'если попросишь', siliksä siz 'если встряхнете'. — См.: *А. К. Боровков.* Очерки истории узбекского языка, II. — «Советское востоковедение», VI. М.—Л., 1949, стр. 47—48.

условных форм к их «притяжательному» спряжению. И то, что в якутском языке при сохранении «местоименного» спряжения употребляется разновидность с конечным *r*, ср. bardarbyn 'если пойду', является убедительным свидетельством наличия подобной связи.

1, 3. Поиски прототипа формы условного наклонения нередко приводят тюркологов к вопросам, относящимся к истории старотурецкой формы будущего времени на *-ysar*. Данная форма — фонетическая разновидность формы на *-yγsar*, о чем предположительно писал еще П. М. Мелиоранский. Так, указывая на формы прошедшего категорического baryγsady 'он просился пойти', gäligsädi 'он просился прийти' и на соответствующие формы будущего времени baryγsar, gäligsär, он счел необходимым заметить: «Не представляет ли из себя архаическое османское будущее на *„cap, cäp"* или *„ысар, ісäр"* несколько видоизмененный остаток этой формы»[17]. Заметим, что О. Прицак называет старотурецкую форму будущего времени на *-ysar* условным причастием (participium conditionale)[18], а М. Ш. Рагимов, как и М. Рясянен[19], ставит знак равенства между ней и формой условного наклонения. «... С XIII в. древний архетип условной формы -сар, -сäр в виде -їсар, -ісäр, — указывает он, — выступает в огузской группе тюркских языков в значении будущего категорического»[20]. Более осторожно высказывается А. Бодроглигети, возводя форму будущего времени на *-ysar* и форму условного наклонения к одному прототипу: герундию на *-y, -u*+ аористная форма глагола sa- 'думать, считать', ср. kel-i-sär, bol-u-sar. Вначале, как полагает он, одна и та же форма выражала и условие совершения действия и время его протекания, затем выделились формы на *-sa* и *-ysa* и, далее, аффикс *-sa* стал показателем условного наклонения, а аффикс *-ysar* — показателем будущего времени[21].

Будущее типа alysar — эпизодическое явление в тюркских языках, которое возникло как следствие своеобразной направленности развития общетюркской формы. Его распространение ограничено как в пространстве (огузский ареал)[22], так и во времени (XIII—XVI вв.)[23], и само наименование данной формы — старотурецкая, или староогузская, — в полной мере характеризует ее. Примеры употребления формы на *-ysar* в старотурецких и золотоордынских текстах: görisärmän 'увижу' (Qiṣṣa'i Jūsuf, 87_{11}), edisärsin 'будешь делать' (Qiṣṣa'i Jūsuf, 53_{14})[24],

---

[17] *П. М. Мелиоранский.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. LVI. См. также: *J. Deny.* Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 1118.

[18] *O. Pritsak.* Die Herkunft des tschuwaschischen Futurums. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 56. Wien, 1960, стр. 150.

[19] *M. Räsänen.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — «Studia Orientalia», XXI. Helsinki, 1957, стр. 214.

[20] *М. Ш. Рагимов.* Указ. раб., стр. 77; см. также: *Н. З. Гаджиева.* Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках. — В кн.: «Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1968, стр. 33—34.

[21] *A. Bodrogligeti.* Finite Forms in *-ïsar, -isär* in Fourteenth Century Turkish Literary Documents. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XXIII, 2. Budapest, 1970, стр. 176, прим. 40.

[22] А. Бодроглигети убедительно доказал, что в золотоордынских текстах будущее на *-ysar* появилось под влиянием старотурецкого языка: форма на *-ysar* употребляется в них чрезвычайно редко (в «Мухаббат-нāме» — два случая, в «Gulistān» — около десяти), лишь в поэтических произведениях и только в 3-м лице. — *Там же*, стр. 173.

[23] В староазербайджанском языке употребление формы на *-ysar* датируется более поздним временем, однако и для староазербайджанского языка, как и для языка золотоордынских текстов она, по-видимому, нетипична. См.: *Һ. Мирзəзадə.* Азəрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы. Бакы, 1962, стр. 252.

[24] См.: *C. Brockelmann.* 'Alī's Qiṣṣa'i Jūsuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur. — «Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1916, Nr. 5. Berlin, 1917, стр. 34.

kylysardur 'будет делать' ('Āšyqpāšā)[25], sorysaram 'спрошу' (Feraḥ-nāme, 53r$_{13}$), verisärin 'дам', kylmajysar 'не будет делать' (Feraḥ-nāme, 93v$_{11}$)[26], ču ben gidisärvänin kim kalysar 'если я пойду, кто останется?' (Suhajl u Navbahār)[27], bir kač ögüt verisärvän 'я дам несколько советов', ölüm aẓysyn dadysar 'он вкусит горечь смерти', šol gülistan kim ičindä kalmajysarsyn äbäd 'тот цветник, в котором ты не останешься вечно', verisärlärdur 'дадут' (Kalīla va Dimna)[28], jatysaruz 'будем лежать'[29], sorylysarsyz 'будете спрошены'[30]; ičäli badäni güllär sulysar/tänimiz 'akybat toprak bolysar 'выпьем-ка вина, ведь увянут розы, /и тела наши в конце концов станут прахом' (Муҳаббат-нāме, 173r)[31], ölgünčä ol er nijaz ičindä bolysar 'до смерти тот муж будет жить в бедности' (Gulistān, 106r)[32].

Ограниченность распространения формы на *-ysar* в значении будущего времени, а также ее внешняя и, отчасти, семантическая близость к форме условного наклонения позволяют рассматривать гипотезу о происхождении формы будущего на *-ysar* и формы условного наклонения из одного прототипа (имя действия на *-yγ+sa-+-r*) как имеющую основания.

Из изложенного можно заключить, что причастие на *-r* от основы на *-sa* в древнетюркском языке вначале имело значение будущего времени с оттенком желания, намерения совершить действие, а затем преобразовалось в форму условного наклонения. В староогузском языке на основе первоначального содержания формы на *-y(γ)sar* наряду со значением условного наклонения развилось и значение будущего времени, не осложненного модальными оттенками, причем в дальнейшем показатель условного наклонения, в отличие от показателя будущего времени, утратил конечный *r (-ysa∼-sa)*.

Предлагаемое гипотетическое построение, являющееся в значительной своей части традиционным, находит опору не только в результатах анализа фактов, относящихся к истории формы на *-y(γ)sar,* но и в истории других глагольных форм, прежде всего формы желательного наклонения, и, по-видимому, от него необходимо отталкиваться в поисках окончательного ответа на вопрос о происхождении рассматриваемой формы.

2,1. Действие, выражаемое формой условного наклонения, обычно квалифицируется по его отнесенности к какому-либо отрезку времени и с точки зрения реальности-нереальности его совершения.

О возможности выражения времени формой на *-sa(r)* и количестве временных форм условного наклонения существуют разные мнения, излагать которые здесь широко и подробно нет необходимости. Достаточно сказать, что явно превалирует взгляд, согласно которому выделя-

[25] См.: *C. Brockelmann.* Altosmanische Studien, I. Die Sprache 'Āšyqpāšā's und Aḥmedī's. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 73. Leipzig, 1919, стр. 17.

[26] См.: *J. Németh.* Das Feraḥ-nāme des Ibn Ḥaṭīb. — «Le Monde Orientale», XIII. Uppsala, 1919, стр. 153—154.

[27] См.: *J. H. Mordtmann.* Suheil und Nevbehâr, romantisches Gedicht des Mes'ûd b. Aḥmed. Hannover, 1925, стр. 28.

[28] См.: *A. Zajączkowski.* Studja nad językiem staroosmańskim. I. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny. Kraków, 1934, стр. 171—172.

[29] См.: *A. Bodrogligeti.* Finite Forms in *-ïsar, -isär* in Fourteenth Century Turkish Literary Documents, стр. 173.

[30] См.: *M. Mansuroğlu.* Das Altosmanische. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 179.

[31] См.: *А. М. Щербак.* Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме. М., 1959, стр. 147.

[32] См.: *A. Bodrogligeti.* A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dī's Gulistān (Sayf-i Sarāyī's Gulistān bi't-Turkī). Budapest, 1969, стр. 115.

ются две временные формы условного наклонения, настояще-будущее и прошедшее, и так называемые формы условной модальности, передающие временные и модальные оттенки. Согласно другому, менее распространенному, взгляду, «само по себе условное наклонение ... не имеет определенного грамматического времени»[33]. Сопоставление изложенных взглядов на фоне анализа конкретных фактов позволяет отдать предпочтение последнему из них.

Форма на *-sa(r)* не выражает определенного грамматического времени. Так, др.-тюрк. barsam можно соотнести и с будущим («если пойду»), и с настоящим («если иду»), и с прошедшим («если я пошел», «если бы я пошел») временем. Соотнесенность условия с каким-либо временным отрезком предопределяется и уточняется временем совершения действия, передаваемого сказуемым главного предложения: др.-тюрк. Kül tegin jok ersär kop öltäči ertigiz 'если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы' (КТб$_{50}$), küjär erdim otta küdäzmäsä ol 'я сгорел бы в огне, если бы он не уберег' (QBH 23$_{15}$), tyn buzγakka ičürsär edgü bolur 'если напоить этим [лекарством] при нарушении дыхания, будет хорошо' (Rach I$_{60}$); ног. turna kelse kïs bolmas 'если прилетят журавли, зимы не будет'; тур. ben gitsem burada ne olaǯak 'если уйду, что будет здесь?', kendisini tutmasa bašyny jerlere vuraǯakty 'если бы он не сдержал себя, стал бы он биться головой о землю'; якут. kördörbün biliem ete 'если бы я увидел, то узнал'.

Для выражения времени используются сочетания, состоящие из форм изъявительного наклонения и вспомогательных глаголов[34]. В форме условного наклонения в таких сочетаниях выступает чаще всего второй компонент, ср. др-тюрк. kelir ersär kü er ükülür 'если придут, [число] славных мужей увеличится ' (Тон$_{32}$), udyr erdiŋ ersä tur 'если ты спал, вставай' (QBH 14$_{17}$), ölür erdi ersä kamuγ iglägän/kiši kalmaγaj erdi ruzy jegän 'если бы умирали [прежде] все больные, /не осталось бы человека, вкушающего хлеб насущный' (QBN 91$_{15}$); гаг. aldyjsam 'если я взял', alyrsam 'если возьму', alaǯejsam 'если (непременно) возьму'; карач.-балк. keldi ese, kelgen ese 'если он приходил', kele ese 'если идет сюда', kelir ese 'если (возможно) придет', kellik ese 'если (обязательно) придет'; тув. körgen bolza 'если он видел', körer bolza 'если будет видеть'; узб. jozgan bŭlsa 'если он написал', jozar bŭlsa 'если напишет'. В говорах башкирского языка сложная форма условного наклонения, образованная путем сочетания прошедшего категорического на *-dy* с вспомогательным глаголом, соотносится не с прошедшим, а с будущим временем, ср. bartïnähä (<bartï inï ihä) 'если пойдет'[35].

Квалификация действия, передаваемого формой условного наклонения, с точки зрения реальности-нереальности его совершения, производится с учетом содержания условного периода в целом. Различаются два типа: реальный и ирреальный[36], или три: реальный, ирреальный и пред-

---

[33] См.: *Е. И. Коркина.* Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 173; см. также: *К. М. Мусаев.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 293; *L. Bazin.* Les classes du verbe turc. — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», LXI, 1, 1966, стр. 278.

[34] См.: *И. Х. Уруспиев.* Категория времени глагола в современном карачаево-балкарском языке. — В кн.: «Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1968, стр. 53.

[35] См.: *Х. Г. Юсупов.* Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 160.

[36] См.: *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 268.

положительный[37]. Эту классификацию, носящую отпечаток влияния грамматики индоевропейских языков, нельзя признать удачной. Ни по содержанию самой формы на *-sa(r)*, ни по содержанию сказуемого главного предложения реальные действия четко не отграничиваются от нереальных. «Если он пойдет», или «если он пошел», не значит, что «он непременно пойдет», или «он непременно пошел». Иными словами, противопоставление реальных и нереальных действий не образует семантической оппозиции в рамках условного периода. Условие, как таковое, всегда реально, действие же, выражаемое формой условного наклонения, не является реальным, потому что грамматическое своеобразие указанной формы заключается в ее модальном значении. Понятие осуществимости, реальности действия появляется как результат аналитического подхода, как следствие констатации того, что содержание условного периода не исключает возможности совершения действия, выраженного модальной формой.

Основная семантическая нагрузка условного периода — в выражении причинно-следственной связи двух действий, которая может быть категорической и вероятностной. При категорической причинно-следственной связи одно действие выступает как обязательная предпосылка другого действия, ср. узб. borsa oladi 'если пойдет, возьмет', borgan bŭlsa oldi 'если пошел, взял', при вероятностном — обусловленность одного действия другим менее категорична, она как бы постулируется, ср. узб. borsa olardi или borsa edi olardi 'если бы пошел, взял'. Вторая разновидность отличается от первой формой глагола либо только в главном предложении (аподозис), ср. др.-тюрк. aldačy erti, ст.-узб. alγaj edi, кум. alar edi, тур. alaǯakty 'взял бы он', либо и в главном (аподозис) и в зависимом (протазис). При этом в составе зависимого предложения используются сочетания самостоятельных и вспомогательных глаголов, как и в случае с категорической причинно-следственной связью, однако аффикс условного наклонения присоединяется обычно не ко второму, а к первому компоненту, ср. башк. kilhä inĭm ~ kilhäm inĭ 'если бы я пришел'; карач.-балк. ǯazsa edim 'если бы я писал'; тат. barsa idĭm 'если бы я пошел'.

Для содержания формы условного наклонения характерна четко и регулярно проявляющаяся тенденция к смещению в направлении форм других наклонений. Особенно часто форма на *-sa(r)* сближается с формами повелительного и желательного наклонений[38], что находит выражение, в частности, в присоединении к ней сопутствующих частиц и императивных слов, ср. алт. barza-čy 'пошел бы он, пойти бы ему'; гаг. gŏrseniz-ä 'взгляните-ка'; казах. ajtsam-šy 'скажу-ка', körse γoj 'взял бы он, взять бы ему', körsek γoj 'взять бы нам'; кирг. kelse-či 'пришел бы он'; тур. oturşanyz-a 'садитесь-ка'.

Форма условного наклонения может использоваться для передачи неожиданного, внезапно совершаемого действия, вслед за которым сразу же происходит другое действие, например, туркм. gözüni ačsa howa jaγtylypdyr 'когда (~как только) открыл глаза, оказывается, уже рассвело'; узб. karasam bir kiši keladi 'смотрю, кто-то подходит'. В хакас-

[37] См.: *В. А. Гордлевский.* Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 111; *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка, стр. 197—200; *П. И. Кузнецов.* Условное наклонение в турецком языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 155 и сл.; *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 527 и сл.

[38] См.: *М. Ш. Рагимов.* Из истории формы на *-са/-сə* в азербайджанском языке. — В кн.: «Вопросы азербайджанского языкознания». Баку, 1967, стр. 66 и сл.; *Р. Омуралиева.* Условный период в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1970, стр. 6.

ском языке в подобных случаях форму условного наклонения сопровождает частица *ox:* čatsox 'как только ляжет'.

Многие дополнительные значения формы на *-sa(r)* обусловлены особенностями контекста. Так, она имеет значение будущего времени изъявительного наклонения, когда оказывается после союзов *ke, kim* и после вопросительных местоимений и наречий. В сочетании с вопросительными местоимениями и наречиями форма на *-sa(r)* выражает также абстрактную, или вневременную, условность, например, др.-тюрк. peča bersä dünja tügär alγupuγ 'сколько ни дает мир, [все] приходит к концу, исчезает'. Основным значением формы условного наклонения при употреблении ее с модальным словом keräk 'надо, нужно' является долженствование, переходящее в предположительность, ср. ст.-азерб. varsam gäräk 'надо мне идти'; ст.-узб. ol kujaš keräk bolsa 'то должно быть солнце'; башк. kilhä käräk 'должно быть, придет'; казах. kajtsa kerek 'наверно, вернется'; кирг. ǯaštar bolso kerek 'молодые, должно быть'; туркм. gelse gerek 'должно быть, придет'. В сочетании с глаголом bol- 'быть, становиться' форма на *-sa(r)* выражает преимущественно ситуативную возможность совершения действия (с отрицанием — невозможность, при двойном отрицании — необходимость), то есть возможность в смысле разрешения, ср. др.-тюрк. tylyγ söksä bolmas 'язык ругать нельзя'; ст.-узб. jolny kylawuz bilä tapsa bolur 'с проводником можно найти дорогу', bu jazukdyn any öltürsä bolmas 'за этот грех его нельзя убивать'; тур. bu adalara hič gitmedim, desem olaǯak 'я, можно сказать, никогда не посещал эти острова'; туркм. gitmesem bolmaz 'мне нельзя не пойти', gepleše bolar 'можно говорить'. При глаголах istä-, tilä- 'хотеть, желать' в староузбекском языке форма на *-sa* используется в качестве приглагольного дополнения (ср. персидский аорист): istäräm közgüdä körsäm jar 'aksin bir nafas 'хочу (хоть) на мгновение увидеть в зеркале отражение возлюбленной', tilärmän kim jüzüŋgä saǯda kylsam 'хочу поклониться твоему лику'; с деепричастием на *-p* от глагола te- 'говорить' она передает значение цели: jegügä aš azuk alyp kelsä tep 'чтобы принес пищи поесть'.

С частицами *da, ham* (<ар.) форма условного наклонения выражает уступительность: башк. kilhäm dä 'если и приду', 'хотя и приду'; кирг. ölsö da 'если и умрет', 'хотя умрет'; ккалп. barsa da kelmes 'если и пойдет, не вернется'; тув. bilze-dä 'хотя и знает'; узб. jozsa ham 'если и напишет'; хак. parsa dä 'хотя и пойдет'; якут. bilbeterbin da 'хоть и не знаю'.

2, 2. Определением основных ступеней развития семантики формы на *-sa(r)* тюркологи занимаются давно и к настоящему времени установились примерно одинаковые взгляды на все вопросы, связанные с эволюцией ее содержания.

Как указывалось выше и как отмечали многие исследователи, у формы условного наклонения наряду с собственно условным значением прослеживается оптативное. И поскольку оно типично для формы на *-sa(r)* в большой группе тюркских языков, правомерно отнести его к числу древних значений. Именно оптативность могла предшествовать условности, так как она вплотную примыкает к этимологическому содержанию формы условного наклонения, восстанавливаемому путем сближения аффикса *-sa(r)* с глаголом sa- 'думать, считать'. Семантика глагола sa- легко преобразуется по линии выражения различных смысловых оттенков, объединяемых значением «намереваться, хотеть», и это служит дополнительным доказательством того, что оптативность одно из древних значений рассматриваемой формы.

Как происходил переход от значения «намереваться, хотеть», или непосредственно от значения «думать, считать», к значению условного наклонения, не совсем ясно, хотя интентивность, оптативность и условность лежат, по существу, в одной плоскости. А. ф. Габен представляет себе его как переосмысление противительной связи двух действий, из которых одно предваряет другое, например, kalsar sän men ƀarajyn ‘ты думаешь остаться, [а] я пойду’, и затем — ‘если ты останешься, я пойду’[39]. По мнению Н. З. Гаджиевой, значение условности развилось в результате взаимодействия оптативного значения с временны́м[40]. По-видимому, допустимы оба варианта, которые, кстати, принципиально не отличаются друг от друга: желание, намерение совершить действие обязательно предшествует его совершению и таким образом временно́е значение (предшествование) оказывается тесно связанным с желательным и даже вытекающим из него. Иными словами, выражение причинно-следственной связи двух действий всегда предполагает наличие согласования времен в рамках условного периода. Более того, определенный тип согласования времен сам по себе может стать основой для возникновения причинно-следственных отношений. Мы имеем в виду конструкцию с различными именами действия в форме местного падежа. Примеры: башк. (диал.) h̆iδ wakўtўnda kilgändä jakšў bulўr ini ‘было бы хорошо, если бы вы пришли вовремя’; узб. u kelganda boškača bŭlar edi ‘если бы он пришел, было бы иначе’; уйг. sän biz bilän barɣanda jaxši bolatti ‘если бы мы пошли с тобой, было бы хорошо’; якут. bardaxpуna ‘если (когда) пойду’, barbyt buollaɣуna ‘если (когда) он уходил’, olordoxputuna ‘если (когда) сядем’.

Следующая ступень развития семантики формы на *-sa(r)* характеризуется утратой многозначности и регулярным использованием ее только в значении условного наклонения[41].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КТ, *Тон.*	— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, м — малая надпись, б — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).
Сл. Замахшари	— Монгольский словарь Мукаддимат Ал-адаб, I—II. М.—Л., 1938.
Cod. Cum.	— Codex Cumanicus, in Faksimile herausgegeben und mit einer Einleitung von K. Grönbech. Copenhague, 1936.
KP	— P. Pelliot. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara. — «T'oung Pao», XV. Leide, 1914, стр. 225—272.
Man I	— A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho, I. Berlin, 1911.
MK I, III	— T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1941 (III).
Rach I	— G. R. Rachmati. Zur Heilkunde der Uiguren. — «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl.», XXIV. Berlin, 1930, стр. 451—473.
QBH, *QBN*	— Kutadgu bilig tıpkıbasım. Istanbul, 1942 (I, Viyana nüshası — H), 1943 (II, Fergana nüshasi — N).

---

[39] *A. von Gabain.* Das Alttürkische. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 39.

[40] *Н. З. Гаджиева.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, стр. 331.

[41] См.: *М. Ш. Рагимов.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, стр. 78.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ПОРЯДКА СЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из наиболее характерных черт синтаксиса тюркских языков считается, как известно, твердый порядок слов в предложении, согласно которому каждый зависимый член предложения предшествует главному. Установлено, в частности, что в повествовательном предложении существует определенный порядок слов, нарушение которого всегда должно быть мотивированным[1]. Этот определенный порядок слов выражается в следующем: 1) сказуемое стоит на последнем месте в предложении, 2) определение стоит перед определяемым, 3) примыкающее дополнение и обстоятельство — перед сказуемым[2].

Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой в тюркских разговорных языках и диалектах (в отличие от письменно-литературных языков) порядок слов в предложении является «свободным». Так, например, в статье М. Джафарзаде[3], посвященной этому вопросу, приводятся многочисленные примеры предложений со «свободным» порядком слов из диалектов азербайджанского и других тюркских языков. В результате сопоставления автор статьи приходит к заключению, что «модели» свободного порядка слов в азербайджанских диалектах и говорах, с одной стороны, и в гагаузском, караимском языках, туркменских диалектах и письменном памятнике «Китаби деде Коркуд», с другой стороны, полностью совпадают. Это наблюдение доказывает, по мнению автора, что «свободный» порядок слов в гагаузском и караимском языках не является результатом длительного влияния славянских языков, а представляет собой естественный и нормальный порядок слов, свойственный тюркским разговорным языкам и диалектам.

Возникновение «свободного» порядка слов в диалектах тюркских языков М. Джафарзаде связывает с постановкой логического ударения на том или ином члене предложения[4]. Таким образом, в данной статье речь идет о типах **инверсионного** предложения, а не о «нейтральном», обычном порядке слов; рассматриваются, хотя и очень частые в диалектной речи, но все же **отклонения** от стандартной для тюркских языков модели порядка слов. В этом состоит принципиальное отличие «свобод-

[1] *Н. К. Дмитриев.* Детали простого предложения. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, III. Синтаксис». М., 1961, стр. 19.

[2] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 433.

[3] *М. Чәфәрзадә.* Азәрбајчан диалект вә шивәләриндәки сәрбәст сөз сырасы һаггында. — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1973, № 3.

[4] *Там же,* стр. 57.

ного», то есть инверсионного порядка слов в диалектах тюркских языков от обычного порядка слов в предложении в гагаузском и караимском языках, что и доказывается в предлагаемой статье.

Н. К. Дмитриев в свое время отметил, что в гагаузском языке «порядок частей предложения вполне совпадает с русским, как будто бы только в русском предложении отдельные слова заменены гагаузскими»[5]. Т. Г. Калякина-Каледина, посвятившая исследованию порядка слов в гагаузском языке специальную монографию, пришла к выводу о том, что в гагаузском языке почти полностью нарушен традиционный порядок слов и возник другой тип словорасположения, аналогичный порядку слов во флективных языках, например, в русском языке. По наблюдениям Т. Г. Калякиной-Калединой, в гагаузском языке схема обычного порядка слов в простом предложении такова: 1) обстоятельство места и времени, 2) подлежащее, 3) другие обстоятельственные слова, 4) сказуемое, 5) дополнение прямое и косвенное[6].

Подобное изменение прежнего порядка слов произошло под влиянием славянских и в караимском языке, где, по данным К. М. Мусаева, утвердился следующий обычный порядок слов в предложении: сказуемое — подлежащее — дополнение — обстоятельство, каждое с предшествующим или последующим определением[7].

Какими же языковыми факторами можно объяснить системную перестройку традиционного тюркского порядка слов в предложении, происшедшую в гагаузском и караимском языках в процессе их контактирования со славянскими языками? Т. Г. Калякина-Каледина, исходя из функциональной роли порядка слов в тюркских языках, дает этому явлению в гагаузском языке следующее объяснение: «К порядку слов в тюркских языках вполне применимо определение Пешковского, сделанное им в отношении русского языка — „синтаксическое средство второго ранга"»[8]. По мнению Т. Г. Калякиной-Калединой, интенсивность синтаксической функции порядка слов в тюркских языках невелика, и не ею определяется твердый характер этого порядка. Значительная роль здесь принадлежит традиции. Именно поэтому облегчается проникновение влияния соседних языков в сферу порядка слов, что может привести к полному изменению последнего, как это и произошло в гагаузском языке.

Чтобы судить, насколько обоснованным является данный вывод, необходимо хотя бы кратко остановиться на функциях порядка слов в тюркских языках, пока еще недостаточно изученных как в современном, так и в историческом аспектах.

Традиционно в тюркских языках выделялись две функции порядка слов: грамматическая и стилистическая, что нашло отражение в грамматиках различных тюркских языков. В ряде последних работ выделяется еще одна, третья функция — коммуникативная, связанная с актуальным членением предложения[9]. Наконец, высказывается еще мнение о том,

---

[5] *Н. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 268.

[6] *Т. Г. Калякина-Каледина.* Порядок слов в простом предложении гагаузского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 16—17.

[7] *К. М. Мусаев.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 16.

[8] *Т. Г. Калякина-Каледина.* Указ. раб., стр. 19.

[9] *Ф. С. Сафиуллина.* К вопросу о порядке слов в татарском языке. — «Вопросы татарского языкознания», кн. 2-я. Казань, 1965; *Л. Ю. Тугушева.* О порядке слов в тюркских языках. — «Тюркологический сборник к 60-летию А. Н. Кононова». М., 1966; *А. Н. Баскаков.* Функциональная значимость инверсии в современном турецком предложении. — «Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР», т. XXXI. М., 1972.

что в татарском и других тюркских языках порядок слов имеет четыре функции: структурную, чисто грамматическую, смысловую и стилистическую[10].

Хотя тюркологи еще не пришли к единому мнению о количестве и качестве функций порядка слов в тюркских языках, но несомненно одно: в этих языках порядок слов выполняет как грамматические, так и неграмматические функции и таким образом не только выражает синтаксические отношения, но и является средством актуализации того или иного члена предложения в данном контексте и одним из средств передачи эмоциональной нагрузки фразы. Этими свойствами порядок слов принципиально отличается от морфолого-синтаксических (форм словоизменения) и лексико-синтаксических средств (служебных слов), выполняющих в предложении только грамматические функции. Следовательно, изучение порядка слов в плане языковых контактов требует иного подхода, нежели исследование чисто грамматических средств языка.

Двойственность функций порядка слов (грамматические и неграмматические) объясняется двойственной природой самого предложения как минимальной коммуникативной единицы языка и речи. «Реализуясь в конкретной речевой ситуации, языковая модель предложения подвергается разнообразным изменениям, преобразованиям, усложнениям — в основном это касается порядка слов и интонации. Эти изменения обусловлены дополнительными, речевыми функциями предложения — композиционно-синтаксической, которая обязательна для каждого предложения, и экспрессивно-оценочной, которая факультативна»[11]. Грамматические функции порядка слов принадлежат, таким образом, предложению как определенной структурно-семантической модели данного языка, а неграмматические относятся к предложению как к единице речи. Так, коммуникативная функция порядка слов отражает композиционно-синтаксическую функцию предложения в речи (его так называемое актуальное членение), а эмфатическая функция порядка слов обусловлена другой речевой функцией предложения — экспрессивно-оценочной.

При исследовании изменений порядка слов в одном языке, возникающих под влиянием другого языка, необходимо, на наш взгляд, прежде всего учитывать проявления грамматических и неграмматических функций порядка слов в предложении каждого из данных языков, так как от значимости и соотношения этих функций зависит, по-видимому, и проницаемость порядка слов в условиях контактирования языков различных систем.

Соотношение грамматических и неграмматических функций порядка слов в тюркских языках удобнее всего рассмотреть на материале простого повествовательного предложения, где порядок слов наиболее изучен. В какой же степени в простом повествовательном предложении грамматически обусловлен твердый, «стандартный» порядок слов? Как известно, грамматическая роль порядка слов проявляется только в тех случаях, когда одни и те же словоформы выступают в функции различных членов предложения. Так, конечная позиция сказуемого грамматически обусловлена только тогда, когда оно выражено словоформой, способной выступать в функции и других членов предложения или словосочетания, например: тур. *güzel at* 'красивая лошадь', *at güzel* 'лошадь —

---

[10] *Ф. С. Сафиуллина.* Татар телендә сүз тәртибе. Казан, 1974, стр. 75.

[11] *Г. А. Золотова.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 331.

красива'; *gelmiş tren* 'прибывший поезд', *tren gelmiş* 'поезд, оказывается, прибыл'; *şimdi saat iki* 'сейчас два часа', *iki saat çalıştı* 'он работал два часа'[12].

В приведенных примерах слова *güzel, gelmiş, iki* в препозиции выступают в функции определения, а в постпозиции — сказуемого.

Примыкающие определение и обстоятельство различаются лишь по тому слову, к которому они примыкают, например: тур. *iyi çocuk okuyor* 'хороший ребенок читает', *çocuk iyi okuyor* 'ребенок хорошо читает'[13]. Слово *iyi* в функции определения примыкает к имени существительному *çocuk,* а в функции обстоятельства — к глаголу *okuyor.*

В тех же случаях, когда тот или иной член предложения имеет и определенное грамматическое оформление (сказуемое принимает так называемые аффиксы сказуемости, дополнение — падежные аффиксы, определение выражается именем существительным в родительном падеже и т. д.), он может менять свое обычное место в предложении, то есть происходит инверсия. «Причины инверсии лежат вне грамматики как таковой. Прежде всего инверсия является средством усиления так называемого фразового ударения или логического акцента»[14]. Оперируя понятиями современного языкознания, инверсию можно определить как средство проявления неграмматических (речевых) функций порядка слов: коммуникативной и стилистической. Очень важно отметить, что инверсия может выполнять свое назначение только при наличии обычного, типового порядка слов в предложении и только на фоне этого обычного, «нейтрального» порядка слов. В зависимости от норм обычного порядка слов инверсия имеет определенную специфику в данном языке или группе родственных языков. Так, не вызывает сомнения, что типы инверсии в тюркских и русском языках не совпадают, так как нормы «прямого», обычного порядка слов в предложении в тюркских и русском языках совершенно различны. Это можно доказать сопоставительным изучением порядка слов в указанных языках, уже проводящимся на материале татарского языка[15].

Инверсия наиболее широко используется в разговорной, особенно диалектной, речи, где она сочетается с интонационными средствами, жестами, мимикой. При этом инверсия всегда воспринимается говорящими на тюркских языках как отклонение от обычного, «прямого» порядка слов, вызванное определенной речевой ситуацией или требованиями стиля, иначе инверсия не могла бы выполнять свои речевые функции. Инверсия получила широкое распространение и в современных литературных тюркских языках в связи с развитием их разнообразных стилей[16]. Сильная тенденция к развитию инверсии наблюдается и в современном турецком литературном языке, что связано с общественным движением за «обновление» турецкого языка. В статье Л. Базена[17], посвященной этому явлению, рассматриваются основные виды инверсии, встречающиеся в произведениях определенной группы турецких писателей. Наиболее типичны: а) инверсия подлежащего и сказуемого в повествовательных

---

[12] *А. Н. Кононов.* Указ. раб., стр. 433.

[13] *Там же.*

[14] *Н. К. Дмитриев.* Детали простого предложения, стр. 20.

[15] *И. Распопов, К. Закирьянов.* Основные функции порядка слов в русском языке. — «Русский язык в национальной школе». М., 1965, № 4.

[16] *Н. А. Баскаков.* О некоторых типологических изменениях в синтаксисе современных тюркских литературных языков. — «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова». М., 1966, стр. 20.

[17] *L. Bazin.* Tendances nouvelles de la syntaxe de position dans la prose turque (de Turquie) contemporaine. — «Rocznik orientalistyczni», t. XXXI, z. 2. Warszawa, 1968.

предложениях, б) инверсия определения в родительном падеже (в изафете 3-го типа), в) инверсия прямого дополнения в винительном падеже, г) инверсия косвенного дополнения и обстоятельств в пространственных падежах или с послелогами, а также обстоятельств, выраженных формами наречий.

В результате функционального анализа инверсии в современном турецком предложении А. Н. Баскаков пришел к выводу о том, что нарушение прямого порядка слов в современном турецком литературном языке может быть объяснено, по крайней мере, тремя факторами: эмфатическим ударением, стилизацией речи и актуализацией[18].

Развитие инверсии в тюркских литературных языках, как и широкое использование ее в устной речи, свидетельствует о том, что прямой, «стандартный» порядок слов в предложении почти не обусловлен (исключение представляют указанные выше ограничения). Следовательно, он сохраняется в современных тюркских языках по традиции, которая, однако, должна иметь историческое обоснование. В этой связи приведем мнение Б. А. Серебренникова, считающего, что твердый порядок слов «определение+определяемое» является основой агглютинативного строя тюркских языков, «поскольку исторически каждое сочетание корня с суффиксом может быть сведено к простейшему сочетанию двух слов, находящихся в отношении определения и определяемого»[19]. По-видимому, имеется в виду такое древнее состояние грамматического строя тюркских языков, когда главным способом выражения синтаксических отношений в них было примыкание[20], то есть грамматические значения и функции слов в предложении, а также связь предложений выражались в основном с помощью контекста и порядка слов. Вместе с тем Б. А. Серебренников считает, что и в современных тюркских языках порядок слов играет определяющую роль как один из основных факторов сохранения их агглютинативного строя: «Однако порядок слов, создающий необходимое условие для возникновения агглютинативных прилеп, сам в свою очередь активно поддерживается теми многочисленными следствиями, которые вытекают из природы агглютинативного строя. Поэтому указанные два фактора самым тесным образом между собой связаны, они взаимно поддерживают друг друга»[21]. Н. З. Гаджиева также считает, что твердый закон порядка слов «определение+определяемое» проявляется в структуре всех синтаксических категорий и, таким образом, для строя тюркских языков характерен последовательно выдержанный изоморфизм. Синтаксическая структура тюркских языков, объясняющаяся особенностями морфологической структуры слова, сама поддерживает устойчивость агглютинативного строя[22].

Думается, что на ранних этапах развития агглютинативного строя тюркских языков, когда происходил, согласно приведенной гипотезе, процесс преобразования самостоятельных корней в служебные слова и аффиксы, твердый порядок слов действительно должен был играть решаю-

[18] *А. Н. Баскаков.* Функциональная значимость инверсии в современном турецком предложении, стр. 369.

[19] *Б. А. Серебренников.* О причинах устойчивости агглютинативного строя. — «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 55.

[20] *Н. З. Гаджиева.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 207.

[21] *Б. А. Серебренников.* Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965, стр. 21.

[22] *Н. З. Гаджиева.* Агглютинация как определяющий фактор развития синтаксической структуры тюркских языков. — В сб.: «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967, стр. 180—184.

щую грамматическую роль в структуре предложения. Предполагается, в частности, что в пратюркском языке-основе предложение имело рамочную конструкцию: подлежащее — второстепенные члены предложения — сказуемое — подлежащее[23].

Однако по мере развития морфологических показателей словообразования и словоизменения грамматическая функция порядка слов неизбежно должна была сокращаться. Таково объективное соотношение различных синтаксических средств в любом языке: «Роль морфолого-синтаксических и чисто синтаксических средств связи находится в обратно пропорциональном отношении. Так, развитие морфологических средств связи (синтаксическая значимость разных форм слов) уменьшает (или сводит почти до нуля) синтаксическую роль порядка слов и наоборот»[24]. В современных тюркских языках, обладающих развитой системой аффиксального словоизменения, а также разнообразными служебными словами (послелогами, союзами, союзными словами, частицами), то есть различными морфолого- и лексико-синтаксическими средствами, порядок слов, естественно, уже не может служить основным синтаксическим средством, и его синтаксическая функция, как было показано выше, невелика. Из этого следует, что твердый порядок слов, сыгравший, возможно, решающую роль в историческом процессе становления и развития агглютинативного строя тюркских языков, постепенно утратил свою грамматическую обусловленность в структуре предложения и сохраняется как синтаксическая норма в основном по традиции. Синтаксическая функция порядка слов постепенно сузилась, а неграмматические его функции, соответственно, расширились, что находит свое выражение в широком использовании инверсии.

Благодаря своей большой подвижности, вариативности порядок слов сравнительно легко проницаем в тех тюркских языках, которые длительное время функционируют в иноязычной среде. Так, на примере гагаузского и караимского языков можно видеть, что изоморфизм структуры слова и структуры словосочетания и предложения, исторически основанный на твердом порядке слов «определение+определяемое», оказался коренным образом нарушенным. Структура слова, естественно, осталась той же, а структура предложения существенно изменилась (в гагаузском сказуемое не занимает конечной позиции в предложении: развились постпозитивные определительные, обстоятельственные и сравнительные обороты и т. п.)[25]. Каким же образом произошла системная перестройка синтаксических норм порядка слов в этих языках? По нашим наблюдениям, она является результатом постепенного калькирования в гагаузском языке типов словосочетания и предложения соседних неродственных языков. Длительное употребление двуязычными гагаузами синтаксических конструкций, построенных по иноязычным образцам, и, одновременно, угасание конструкций, отсутствующих в болгарском, русском, молдавском языках, привело к общему изменению порядка слов в гагаузском языке. Примерно такой же процесс, происходящий под влиянием ряда славянских языков, наблюдается в синтаксической структуре караимского языка[26].

---

[23] *М. З. Закиев.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 393.

[24] *Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев.* Универсальность и неуниверсальность синтаксических категорий и средств. — «Универсалии и их место в типологических исследованиях. Мещаниновские чтения. Тезисы докладов». М., 1971, стр. 13.

[25] См.: *Л. А. Покровская.* Краткий очерк грамматики гагаузского языка. — «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973, стр. 661.

[26] *К. М. Мусаев.* Общенародное двуязычие и синтаксис родного языка. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 230.

Подобные изменения порядка слов наблюдаются при контактировании языков и других систем. Так, Ж. Вандриес писал, что «калькируют даже самые типы фраз, и этим путем порядок слов в некоторых языках иногда заимствуется соседними языками. Немецкий язык в Австрии под влиянием соседних языков разрешает себе большую свободу в порядке слов»[27]. Случаи калькирования типов предложений имеются в целом ряде тюркских языков, а также письменных памятников. В частности, «нетюркский» порядок слов характерен для документов XVI в., написанных на половецком языке каменец-подольских армян. Характеризуя этот язык, Т. И. Грунин отмечал, что «в области синтаксиса армяно-половецкий язык претерпел огромное влияние индоевропейских, в частности, славянских языков. Это выражается преимущественно в использовании подчинения (посредством союза ki) вместо сочинения, а также в инверсии членов предложения (например, в постановке определения после определяемого, дополнения после сказуемого и т. п.)»[28].

В современных тюркских литературных языках калькирование осуществляется в основном через переводную литературу и благодаря воздействию таких средств массовой информации, как радио, телевидение, кино. Так, Н. К. Дмитриев привел любопытный случай инверсии, основанной на явном подражании русскому синтаксису: «Радиопередачи в Ашхабаде ежедневно начинаются такой фразой: *геплейэр Ашгабат,* что буквально (вплоть до формальной стороны) соответствует русскому „говорит Ашхабад". Между тем подобная инверсия сказуемого, внутренне не мотивированная, является для туркменского языка большой новостью; лучше было бы сказать: *геплэйэн Ашгабат* 'говорящий Ашхабад есть', что полностью передавало бы смысл и не противоречило бы нормам туркменского языка. Ср. также азерб.: *данышыр Бакы* вместо правильного *Бакы данышыр* 'говорит Баку'»[29].

Подобные кальки являются лишь отдельными вкраплениями в синтаксис предложения тюркских литературных языков народов СССР, сохраняющий свою традиционную специфику и на ее фоне развивающий различные литературные стили. Однако в гагаузском и караимском языках традиционные нормы порядка слов сменились качественно другими нормами словорасположения под влиянием длительных речевых контактов двуязычных гагаузов и караимов с носителями славянских языков. Это произошло благодаря внутренним, функциональным свойствам порядка слов в тюркских языках, являющегося главным образом коммуникативным и стилистическим средством и лишь в небольшой мере — грамматическим. Поэтому порядок слов следует считать наиболее проницаемым элементом структуры предложения тюркских языков.

---

[27] *Ж. Вандриес.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, стр. 265.

[28] «Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)». Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортяна. Статья Я. Р. Дашкевича. М., 1967, стр. 112.

[29] *Н. К. Дмитриев.* Детали простого предложения, стр. 24.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АФФИКСОВ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА *-l-, -yl-/-il-, -n-, -yn-/-in-* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В специальной тюркологической литературе, так же как и в работах по алтаистике, содержится весьма немного сведений, касающихся истории происхождения аффиксов страдательного залога в тюркских языках. Можно без преувеличения сказать, что этот вопрос до сих пор, остается открытым.

«Производные глаголы на *-l*, — замечает Г. И. Рамстедт, — встречаются во всех алтайских языках, исключая, однако, корейский. В современном тюркском с помощью этого суффикса образуется страдательный залог. Однако это образование не может являться особо древним по своему происхождению, так как оно еще отсутствует в чувашском языке, где могут быть обнаружены лишь единичные его примеры»[1].

В работах В. Котвича вообще нет никаких сведений о происхождении аффиксов страдательного залога в тюркских языках.

О. Бётлингк высказал предположение, что один из показателей страдательного залога — суффикс *-n(-yn-)* возник из местоимения[2]. Однако эта гипотеза оставляет без ответа вопрос, почему именно местоимение оказалось наиболее пригодным для выполнения этой функции.

Как уже упоминалось выше, Г. И. Рамстедт считал категорию страдательного залога в тюркских языках относительно поздним образованием и стремился доказать, что суффикс, являющийся показателем страдательного залога, первоначально был словообразовательным. Эта идея впоследствии получила развитие в работах советских тюркологов, в которых история категорий залога тесно связывается с формированием категории переходности и непереходности глаголов. «Чем больше мы углубляемся в историю тюркских языков, — замечает в одной из своих статей Э. В. Севортян, — тем неустойчивей становится граница между переходными и непереходными глаголами... Первообразные глаголы во многих (если не во всех) случаях исторически не имели постоянного значения переходности. Один и тот же глагол был переходным и непереходным, ср., например, *toγ-*, означающее в древнетюркских памятниках родить и родиться»[3].

Э. В. Севортян утверждает, что категории переходности и непереходности глаголов исторически предшествуют представления об активности

---

[1] *Г. И. Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 149.

[2] *О. Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St.-P., 1895, стр. 482.

[3] *Э. В. Севортян.* Об историческом положении категории переходности и непереходности в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2, стр. 26—27.

и пассивности предметов, явлений, признаков и свойств, выражаемых исходными именными основами. В категорию активных предметов включаются все составные элементы, из которых складывается реальное производительное действие, и в центре всех представлений об активности оказывается деятельность человека. Категория активности никак не тождественна переходности, хотя и является ее предшественницей. Она менее грамматична и более реальна, более конкретна, чем переходность[4].

Понятие об активности и пассивности сложилось уже тогда, когда категории переходности в языке еще не было и активное или пассивное значение именной основы непосредственно входило в лексическое значение глагола. Это позволило довольно строго и последовательно создавать обозначения действий, направленных на объект, равно как и действий, ограниченных рамками субъекта[5].

Исторически страдательный залог обозначал действие, навязываемое пассивному грамматическому субъекту внутренним (имманентным) или внешним источником, первоначально физическим лицом. Таково содержание тюркского медиопассива, насколько можно судить о нем по материалам древнейших памятников тюркской письменности. Здесь нет еще строгого разграничения действия, совершающегося само по себе, и действия, навязываемого извне. Большая часть страдательных форм в енисейско-орхонских и наиболее древних уйгурских памятниках имеет медиопассивное значение, которое сохранялось в некоторых тюркских языках и в более позднее время[6].

Э. В. Севортян, как и Г. И. Рамстедт, утверждает, что залоговые формы первоначально имели словообразовательное значение, но при этом вносит очень важное дополнение: это значение, по-видимому, было значением учащательности или интенсивности. Учащательность и интенсивность, замечает Э. В. Севортян, являются непременным значением почти всех аффиксов глагольного словообразования, когда они употребляются для производства глагола от глагола[7].

К сожалению, Э. В. Севортян в своих работах не показал детально, каким образом на базе значения многократности действия могло развиться залоговое значение.

Как известно, одним из показателей страдательного залога в тюркских языках является аффикс *-l-*. В различных тюркских языках имеются наглядные примеры того, что аффиксы, содержащие элемент *-l,* действительно могут выражать многократное действие, ср. узб. *қўв-ла-моқ* 'преследовать энергично' от *қўвмоқ* 'преследовать', *буқ-ла-моқ* 'складывать' от *буқмоқ* 'гнуть', *сава-ла-моқ* 'стегать, хлестать' от *савамоқ* 'бить прутом', *қайт-ала-моқ* 'возвращаться часто' от *қайтмоқ* 'возвращаться'[8], тур. *dur-ala-mak* 'запинаться' от *durmak* 'вставать', *eş-ele-mek* 'разрывать' от *eşmek* 'рыть'[9], тат. *сыйпа-ла-* 'поглаживать' от *сыйпа-* 'гладить', *ку-ала-* 'погонять' от *ку-* 'гнать', *сиб-әлә-* 'накрапывать' от *сиб-* 'лить'[10]. В чувашском языке это значение особенно наглядно проявляется в так называемых интенсивных формах глаголов, характеризующихся аффиксом *-ала-,* например, *хăв-ала-* 'гонять' от *ху-* 'гнать', *чав-ала-* 'раскапы-

[4] *Э. В. Севортян.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 94.

[5] *Там же,* стр. 95.

[6] *Там же,* стр. 499.

[7] *Там же,* стр. 487.

[8] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 270. Здесь и далее в примерах сохранена транскрипция цитируемых источников.

[9] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 209.

[10] «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 287.

вать' от *чав-* 'копать' и т. д.[11]. Глаголы этого типа имеются также в казахском и киргизском языках, ср. казах. *сыг-ала-у* 'подглядывать, подсматривать', *шаб-алу-у* 'беспрестанно лаять'[12], кирг. *жаска-ла* 'отмахиваться, махать' от *жаска-* 'замахнуться'[13].

Если рассматривать состояние субъекта, осуществляющего многократное действие, с точки зрения степени его активности, то легко можно заметить, что при реализации многократности действия субъект менее активен. Это особенно наглядно проявляется при сравнении двух русских глаголов *ходить* и *прохаживаться*. Первый указывает на более высокую активность субъекта.

Таким образом, ослабление активности субъекта действия при многократном действии создало условие для возникновения у фреквентативного суффикса залогового значения, в данном случае значения страдательного залога.

Следует отметить также и другое явление, в значительной мере способствовавшее образованию страдательного залога в тюркских языках. Аффикс *-la* в различных тюркских языках мог использоваться для образования глаголов, обозначающих постепенное накопление определенного качества.

Для выражения процесса нарастания какого-либо качества тюркские языки использовали довольно простой способ: аффикс, содержащий элемент *-l,* прибавлялся к прилагательному, обозначающему какое-либо качество. В более редких случаях он мог присоединяться к имени существительному, характеризующемуся определенным качеством. Образованные таким путем отыменные глаголы оказались способными довольно ясно и удобно выражать становление качества. Отыменные глаголы этого типа встречаются почти во всех тюркских языках: ср. азерб. *азалмаг* 'уменьшаться' от *аз* 'малый', *бошалмаг* 'пустеть' от *бош* 'пустой', *гысалмаг* 'сокращаться' от *гыса* 'короткий', *даралмаг* 'становиться тесным, узким, суживаться', *дирилмək* 'воскресать, оживать' от *дири* 'живой, живучий', *кичилмək* 'уменьшаться' от *кичик* 'маленький'[14], узб. *секин-ламоқ* 'замедлять' от *секин* 'тихий, медленный', *енгилламоқ* 'облегчаться' от *енгил* 'легкий', *музламоқ* 'леденеть, замерзать' от *муз* 'лед'[15], тур. *kısalamak* 'сокращаться' от *kısa* 'короткий', *incel-mek* 'становиться тонким' от *ince* 'тонкий', *daralmak* 'суживаться' от *dar* 'узкий', *gençelmek* 'помолодеть' от *genç* 'молодой', тат. *сирəклə-* 'разрежать' от *сирəк* 'редкий', *түгəрəклə-* 'закруглять' от *түгəрəк* 'круглый', чув. *ватăл-* 'стареть' от *ватă* 'старый', *кивел-* 'стареть, ветшать' от *кивĕ* 'старый', *кĕскел-* 'укорачиваться' от *кĕске* 'короткий', *хурал-* 'чернеть' от *хура* 'черный', *самăрăл-* 'жиреть' от *самăр* 'тучный, жирный', *мăкал-* 'тупиться' от *мăка* 'тупой', *шурăл-* 'белеть' от *шурă* 'белый', *сывал-* 'выздороветь' от *сывă* 'здоровый', *шĕвел-* 'становиться жидким' от *шĕвĕ* 'жидкий', *йунел-* 'дешеветь' от *йун* 'дешевый'[16], кирг. *арыкта-* 'худеть' от *арык* 'худой, тощий', *алсыздан-* 'слабеть' от *алсыз* 'слабый', *жеңилде-* 'становиться легким' от *жеңил*

---

[11] «Материалы по грамматике современного чувашского языка», часть первая. Чебоксары, 1957, стр. 183.

[12] «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 258.

[13] *Э. В. Севортян.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 92.

[14] *Там же,* стр. 274—275.

[15] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 247.

[16] «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957, стр. 161.

'легкий', *ирилен-* 'становиться крупным' от *ири* 'крупный', казахск. *жуан-да-у* 'становиться толстым' от *жуан* 'толстый'.

Нетрудно заметить, что в предложениях, содержащих глаголы этого типа, субъект действия фактически является пассивным, ср. русск.: «Человек худеет». В данном случае процесс обычно происходит независимо от желания субъекта. Это обстоятельство создавало определенную базу для развития в тюркских языках категории страдательного залога. Пассивность субъекта послужила импульсом для переосмысления суффикса *-la,* обозначавшего становление или увеличение степени определенного качества в показатель страдательного залога. Суффикс получил новую функцию — показывать, что кто-то производит или производил определенное действие над субъектом, причем сам субъект остается при этом пассивным, ср. тат. *хат языла* 'письмо пишется' и т. д. Стремление формально дифференцировать две функции одного и того же аффикса привело к тому, что возник особый аффикс страдательного залога *-yl-, -il-.*

Особенность данного аффикса в тюркских языках состоит в том, что он тесно взаимодействует с аффиксом *-n-,* который во многих случаях может выполнять аналогичные функции, хотя этот последний чаще употребляется для выражения возвратного и медиального залогов.

Возникает проблема: каким образом аффикс *-n-* мог приобрести все эти значения?

Есть основание полагать, что аффикс *-n-* в тюркских языках прошел сходный путь развития.

Показатель страдательного залога *-n-* в тюркских языках, по-видимому, возник на основе аффикса многократного действия *-n-.*

Э. В. Севортян приводит примеры, где аффикс *-n-* имеет значение интенсивности, что подтверждает, по его мнению, первичные слогообразовательные функции залогового показателя *-n-,* ср. азерб. *кəзинмək* 'прохаживаться, расхаживать, разгуливать' и *кəзмək* 'ходить, гулять'[17], *гыснамаг* 'прижимать' и *гыснак* 'жать', *кəрнəшмəг* 'потягиваться' и *кəрмəг* 'вытягивать'[18].

Аффикс *-n-* в татарском языке также может выражать значение повторяемости действия, ср. *сөйлə-н-* 'говорить несколько раз' от *сөйлə-* 'говорить', *кара-н-* 'посматривать' от *кара-* 'смотреть', *сайлан-* 'выбирать по нескольку раз' от *сайла* 'выбирать' и т. д.[19].

Многократность действия, как уже говорилось выше, создавала впечатление меньшей активности действующего субъекта, что способствовало развитию у аффикса *-n-* залоговых значений.

Имеются некоторые факты, свидетельствующие о том, что аффикс *-n-,* как и аффикс *-l-,* мог обозначать постоянное образование определенного качества, ср. якутск. *элбэн-* 'увеличиваться' от *элбэх* 'много', *сырдан-* 'светлеть, делаться светлым' от *сыр-дын* 'рассвет', *сырдых* 'светлый'[20], тат. *агар-ын-* 'сильно побледнеть' от *ак* 'белый', *кызар-ын-* 'сильно покраснеть' от *кыз-ыл* 'красный'[21].

Обращает на себя внимание также особая склонность аффикса *-n-* к соединению с аффиксом *-la-,* который, как указывалось выше, может иметь значение становления качества, ср. тат. *тупас-лан-* 'грубеть' от *тупас* 'грубый', *кыюлан-* 'смелеть' от *кыю* 'смелый', азерб. *јашланмаг* 'становиться старше' от *јаш* 'возраст', *пијлəнмək* 'разжиреть' от *пиј* 'жир' и т. д.

---

[17] *Э. В. Севортян.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 487.
[18] *Там же,* стр. 337.
[19] «Современный татарский литературный язык», стр. 211.
[20] *Л. Н. Харитонов.* Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, стр. 89.
[21] «Современный татарский литературный язык», стр. 211.

Отличительная особенность суффикса *-n-*, как известно, состоит в том, что он нередко выступает в роли показателя возвратного залога. Кроме того, довольно часто, особенно в якутском языке, он выражает так называемое медиальное значение, ср. якут. *от тиэнэбин* 'я вожу себе сено'[22], *маста кэрдин* 'наруби себе дров', *уута баһын* 'натаскай себе воды', *дьиэтэ булун* 'найди себе квартиру' и т. д.[23].

Можно предполагать, что значение медиального залога у аффикса *-n-* развилось на основе его первоначального значения многократности действия.

Некоторый свет на этот вопрос проливает история залоговых показателей в пермских языках. В удмуртском языке есть многократный суффикс *-śk-*, которому соответствует в языке коми многократный суффикс *-ś-*. Позднее эти суффиксы превратились в показатели возвратного залога, ср. удм. *мисьтаськыны* 'умываться', *дисяськыны* 'одеваться', *воштиськины* 'изменяться', коми-зыр. *мыссьыны* 'мыться', *сынасьны* 'причесываться'. В этих языках глаголы с рассматриваемыми суффиксами могут иметь также значение «делать что-либо постоянно в силу привычки или жизненной необходимости», ср. удм. *вуриськыны* 'постоянно заниматься шитьем', *дуриськыны* 'заниматься кузнечным делом', соответственно в языке коми *вурсьыны* 'портняжничать', *дорсьыны* 'заниматься кузнечным ремеслом' и т. д.

Если действие совершается регулярно, каждый день, то это чаще всего происходит в тех случаях, когда действие имеет особо важное значение для человека, его совершающего, ср. удм. *дуриськыны* 'заниматься кузнечным делом'. Действие совершается в интересах самого субъекта, занимающегося этим делом.

Такого рода случаи могли послужить базой для возникновения значения «делать что-либо в свою пользу».

По всей видимости, аффикс *-n-* в тюркских языках прошел ту же самую фазу развития, что и залоговые суффиксы *-śk-* и *-ś-* в пермских языках. Только этим можно объяснить возникновение медиального значения у аффикса *-n-*.

В дальнейшем на базе медиального значения могло легко развиться значение возвратного залога. Возможно, что значение страдательного залога развилось из значения возвратного залога. Примеры, доказывающие возможность такого развития, можно найти в истории различных языков.

Таким образом, в тюркских языках возникли самостоятельным путем фактически два аффикса страдательного залога *-l-* и *-n-*. Сферы их употребления скрестились. В некоторых тюркских языках произошло их чисто техническое размежевание: аффикс *-l-* употребляется в татарском языке от глаголов, содержащих в своей основе звук *l*, например, *ал-ын-* 'быть взятым', *эшлә-н-* 'быть сделанным'. В остальных случаях обычно употребляется аффикс *-l-, -yl-, -el-*, например, *языл* 'быть написанным' и т. д.

В связи с вышесказанным нам хотелось бы возразить против общего вывода, сделанного Л. Н. Харитоновым по поводу происхождения формы страдательного залога. «По-видимому, суффиксы *-н(-ын-)* и *-л(-ыл-)*, замечает Л. Н. Харитонов, вначале являлись показателями пассивности или непереходности действия»[24]. Следует заметить, что выражение пас-

[22] *Л. Н. Харитонов.* Указ. раб., стр. 78.
[23] *Там же,* стр. 79.
[24] *Там же,* стр. 119.

сивности или непереходности действия не было первоначально коммуникативным заданием залоговых показателей. Залоговое значение возникло на базе переосмысления значений глагольных словообразовательных аффиксов, употребление которых было связано или с фактической пассивностью субъекта действия, или с его ослабленной активностью. Оно развивалось, наконец, из медиального значения, вовсе не предполагающего пассивности субъекта, например, «рубить дерево для себя». Такова, по нашему мнению, сложная история показателей страдательного залога в тюркских языках.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

А. К. АЛЕКПЕРОВ

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА

В современном языкознании все более утверждается мнение, что дальнейшее развитие грамматической теории находится в прямой зависимости от изученности глубинных процессов, протекающих в слове: его фоно-морфологической и лексико-семантической структуры, исходной категориально-грамматической принадлежности, взаимодействия и взаимопроникновения лексического и грамматического в слове, соотношения в нем линейно-дистрибутивных и симультанно-оппозитивных элементов, дискретного и недискретного начал, продуктивных и реликтовых моментов и т. д. При этом наибольшую сложность представляет, по-видимому, систематическое обозрение лексики, сводимой к разнородным и пересекающимся группам слов.

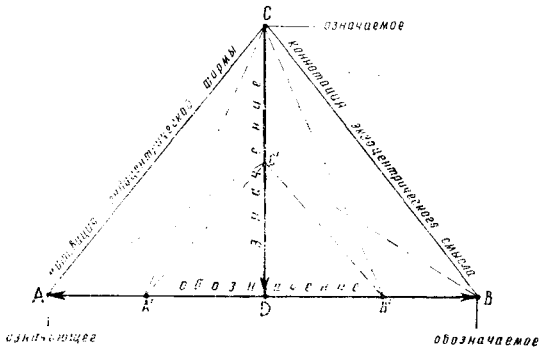
Хотя соотношение лексического и грамматического значений является центральной и узловой проблемой в комплексном изучении слова, до сих пор не выработана терминологическая система, способная достаточно строго и четко выражать все необходимые связи и опосредствования, взаимоотношения содержания и формы (в широком смысле слова) основных единиц лингвистического анализа. В данном случае имеется в виду не только и не столько терминологический разнобой или предпочтительность использования определенных терминов, сколько последовательное истолкование сущности значения двусторонней языковой единицы в синтезе лексического и грамматического и т. д.

В отличие от одноплановых структур, ориентированных либо на план выражения («означающее»), либо на план содержания («означаемое»), — семиологическая (или семиотическая) структура выявляется на базе языкового знака как единства «означаемого» и «означающего», то есть словесного знака[1]. Словесный знак потому-то и является знаком, что он призван нечто означать, либо же нечто обозначать.

Во всех существующих лингво-семиотических концепциях учитываются три основных элемента семиозиса: языковая форма, мир действительности и отражение его в сознании. Иначе говоря, «означающее» (символический носитель словесного знака), «обозначаемое» (предметный денотат) и «означаемое» (понятийный сигнификат) составляют необходимые вершины семиологического треугольника словесного знака, ибо означающее не может что-то означать, ничего не обозначая, или, наоборот, что-то обозначать, ничего не означая.

[1] См.: *Ю. С. Степанов*. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 248.

Функционально-семиологическая схема словесного знака



В предлагаемой нами динамической модели семиологического треугольника ABC с равными подвижными сторонами AC и CB и высотой CD (см. схему) геометрические точки A, B, C как три указанных выше основных элемента семиозиса дают начало системе функциональных линий, очерчивающих контуры эндоцентрической структуры плана выражения (ACD) и экзоцентрической структуры плана содержания (DCB). Линия AB (основание треугольника, символизирующего словесный знак в целом) выражает отношение обозначения, существующее между означающим A (символическим фонемным составом имени) и обозначаемым B (денотатом как объектом обозначения, «предметным представлением»[2]). Отношение обозначения, с точки зрения математической логики, может рассматриваться как бинарная функция, то есть функция двух аргументов (A и B). В отличие от обозначения, значение представляет собой сингулярную (однозначную) функцию (функцию означаемого C)[3]. Линия AC, схематически представляющая мотивацию внутренней формы словесного знака, призвана символизировать функцию структуры плана выражения, а линия BC (смысловая коннотация) — функцию структуры плана содержания. С постоянной (неизменной) геометрической точкой D мы условно связываем совокупность грамматических категориальных констант, присущих тем или иным частям речи, классам и подклассам слов.

Эвристичность данной функционально-семиологической модели словесного знака мы усматриваем в том, что такое моделирование структуры слова позволяет выдвинуть, в частности, нижеследующие гипотезы.

1. Значение слова (CD) имеет стержневой характер, обеспечивающий как функциональное единство плана выражения (ACD) и плана содержания (BCD), так и структурный гомоморфизм[4] между формой и смыслом словесного знака.

2. При одном и том же означаемом (C) никакие изменения мотивации формы (AC) и коннотации смысла (BC), связанные со сдвигами и смещениями означающего (A—A^1) и обозначаемого (B—B^1), не могут привести к изменению значения. Изменение же значения CD в C^1D, изоморфное переходу означаемого C в означаемое C^1, автоматически вызывает также изменения в структурах формы выражения и смыслового содержания слова, хотя при этом отнюдь не обязательны перемены означающего и обозначаемого.

---

[2] См.: *А. А. Уфимцева.* Типы словесных знаков. М., 1974, стр. 101—102.

[3] О понятиях функции, функциональности, функциональной зависимости см.: *Н. И. Кондаков.* Логический словарь-справочник. М., 1975, стр. 655.

[4] «Логика научного исследования». М., 1965, стр. 97.

3. В соответствии с положением Ф. де Соссюра о принципиальной немотивированности подвижного характера взаимоотношений между планом выражения и планом содержания, вошедшим в науку о языке в формулировке С. Карцевского как «асимметричный дуализм лингвистического знака»[5], — описанная нами выше динамическая модель дает основание (благодаря подвижным сторонам треугольника, схематически представляющим различные меры структур формы и смысла) постулировать релевантные для семасиологического анализа различные комбинации материально-формального (субстанционально-структурного) и семантического (мыслительно-смыслового) начал в целостном единстве словесного знака, а также проводить системно-полевые сравнительно-сопоставительные наблюдения в области определенных разрядов слов (ср., напр.: $A^1CD \cdot BCD$ и $ACD \cdot B^1CD$, AC^1B^1 и BC^1A^1 и др.).

В настоящей статье, для обоснования предложенной нами функционально-семиологической модели словесного знака, приводятся лишь некоторые примеры с азербайджанским базисным глаголом.

Для конкретного анализа соотношения плана выражения и плана содержания непроизводного глагола в азербайджанском языке мы выбрали одну из лексико-семантических групп, а именно — глаголы зрения. Собственно говоря, «простых глаголов зрения ... всего три»[6]: *көрмәк* 'видеть', *бахмаг* 'смотреть', *сүзмәк* 'окидывать взглядом'[7]. Если учесть периферийность и метафорически обусловленную вторичность глагола *сүзмәк,* то фактически остаются всего два непроизводных (базисных) глагола: *көрмәк* и *бахмаг.*

С точки зрения структуры плана выражения корневые морфемы *көр-* и *бах-* характерны тем, что если вторая из этих глагольных морфем абсолютно немотивирована, то первая, на наш взгляд, обладает паронимической мотивировкой фонемного состава благодаря возможности выделения в ней элементов *кө* и *р.* Возможность же эта находится в прямой зависимости от того, что с указанными элементами мы можем связать какие-то содержательные моменты, пусть даже самого общего и не совсем определенного характера. Уже одно то обстоятельство, что в языке, кроме *көр-,* существует также *көз* 'глаз', позволяет вычленить три потенциальных знаковых элемента: *кө, р, з.* Чему же они в таком случае соответствуют в плане содержания? По-видимому, элемент *кө*‖*көр* первоначально ассоциировался с признаком округленной формы предмета; ср.:

көбәк — 'пуп, пупок',
көвдә — 'ствол'; 'торс',
көдән — 'утроба',
көкә — 'колобок'; 'коржик'.
көмбә — 'калач, пышный хлеб',
көпәшик — 'волдырь' и др.

Эта «внутренняя форма» (как призначная) легла в основу наименования предмета: *көз* 'глаз', специфическая функция которого связана с *көр-* 'видеть'.

Мы предполагаем, что в гипотетических корреляциях элементов *з* и *р* в исходе корневых морфем *з* мог символизировать пассивность, воз-

---

[5] См. об этом: *Н. А. Слюсарева.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975, стр. 42.

[6] *С. А. Рзаев.* Семантические разряды глагола в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970, стр. 15.

[7] Словарные материалы почерпнуты из «Толкового словаря азербайджанского языка» (т. I — Баку, 1966, т. II — в печати, картотека словаря — в отделе лексикографии Института языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР).

вратность и т. п., а *р* — активность, фактитивность и другие недифференцированные семы грамматического характера. Следующие сопоставления в какой-то мере оправдывают это предположение:

сүз- 'парить, плавно нестись' — *сүр-* 'погонять, водить',
кәз- 'гулять' — *кәр-* 'распростереть',
кизли 'скрытый', *кизлән-* 'прятаться' — *кир-* 'входить',
чыз- 'чертить; царапать' — *чыр-* 'рвать, разорвать'.

Таким образом, вне зависимости от существующих в алтаистике доводов в пользу первичности *r* или *z*, встречающихся в одних и тех же морфонологических позициях[8], можно говорить в ряде случаев об их функциональной дифференциации в качестве конечного согласного глагольного корня.

При анализе лексико-семантической структуры многозначного слова отправным пунктом служит обычно то или иное лексикографическое (словарное) определение его основного номинативного значения. И это естественно, ибо всякого рода сравнения и сопоставления, параллели и аналогии в содержательном плане лексических единиц предполагают прежде всего выделение и строгое разграничение их главных и побочных, первичных и вторичных значений. Не подлежит сомнению, что основные значения глаголов *бахмаг* и *көрмәк* — те же, что и у русских глаголов *смотреть* и *видеть*, то есть соответственно *устремлять взгляд* и *воспринимать зрением*[9]. Уже это элементарное лексикографическое толкование основных значений *бахмаг* — *смотреть* и *көрмәк* — *видеть* позволяет постулировать в структуре их лексической семантики минимум два содержательных компонента, один из которых является общим, отождествляющим (зрительная деятельность человека), а другой — специфицирующим, дифференцирующим («направлять взор» и «воспринимать зрением»). При этом *бахмаг* и *көрмәк*, рассматриваемые в паратагматическом аспекте[10], характеризуются определенной последовательностью: *бахмаг* выступает всегда как антецедент, *көрмәк* — как консеквент, ибо восприятие предполагает обращение к предмету восприятия, но не наоборот (*бахыб көрдүм* или *бахдым көрдүм, бах көр* и т. д.). Таким образом, различительный компонент основного значения глагола *көрмәк* как бы имплицитно включает в себя различительный компонент глагола *бахмаг*, подобно тому как в паратагматической паре *ахтарыб тапмаг* 'отыскать' (*досл.*: 'поискав найти') *тапмаг* (нахождение) предполагает *ахтармаг* (поиск), который может привести не только к положительному, но и к отрицательному результату.

Сравнительный анализ лексико-семантических структур глаголов *бахмаг* и *көрмәк* во всей совокупности их спрягаемых и залоговых форм позволяет вывести определенные закономерности, связанные либо с нейтрализацией противопоставления указанных выше дифференциальных компонентов основных значений, либо с распространением действий, содержащихся в дифференциальных компонентах, на другие — ассоциативно обусловленные и социально-исторически закрепленные сферы человеческой деятельности. Так, основное значение каузатива от *көрмәк*, выступающего в формах *көстәрмәк* или *көрсәтмәк* (в просторечии также

---

[8] См.: *Б. А. Серебренников.* Что было первичным: r² или z? — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 14—15.

[9] «Словарь современного русского литературного языка»; М.—Л., т. 13, 1962; т. 2, 1951.

[10] Под паратагматикой мы понимаем синтагматическую связь в речи таких единиц, которые могут быть охарактеризованы парадигматическими отношениями в языке. См.: *А. К. Алекперов.* О системно-структурном подходе к лексической семантике. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 23, 25.

көркәзмәк), сводится к основному значению глагола «показывать». И хотя это значение в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 10, 1960) определяется как «давать смотреть.., представлять для рассматривания, разглядывания...», то есть связывается с основными значениями глаголов типа «смотреть», «глядеть», «рассматривать», «разглядывать» и т. п., мы тем не менее усматриваем здесь нейтрализацию противопоставления дифференциальных компонентов основных значений глаголов *бахмаг — смотреть* и *көрмәк — видеть.* И в самом деле, ведь «показывание» — это только каузация «обозревания», и в данном значении не содержится указания ни на каузацию устремления взора, ни на каузацию восприятия зрением; ср., например: *Гапыны ачыб бајыры она көстәрдим* 'Я открыл дверь и показал ему наружу (чтобы тот посмотрел? чтобы тот увидел?)'. И основное значение не только глагола *көрмәк,* но и глагола *бахмаг* не имеет каузативной залоговой формы.

С другой стороны, в производно-номинативных значениях глаголов *бахмаг* 'смотреть' и *көрмәк* 'видеть' прослеживается полное расхождение лексико-семантических структур этих глаголов. Данное явление, отчасти сходное в азербайджанском и русском языках, может быть объяснено следующим образом. В производно-номинативных значениях обоих глаголов зрения возрастает семантический вес дифференциальных компонентов их основных значений. Эти как бы «окрепшие» и ставшие самостоятельными, независимыми от зрительного чувства семы избирают (каждая в соответствии со своей лексико-семантической природой) определенные сферы, на которые распространяется их действие. Тем самым утрачивается общий компонент, объединявший эти глаголы в их основных значениях в группу глаголов зрения. В подтверждение можно привести следующие лексикографические факты, относящиеся к производным значениям глагола *бахмаг:*

а) осматривать, обозревать, просматривать, прочитывать, выслушивать и т. п. с целью ознакомления, проверки, поиска: *филмә б.* 'смотреть фильм'; *корректураја б.* 'просматривать корректуру'; *хәстәнин нәбзинә б.* 'выслушать пульс больного'; *һәр јерә б.* 'смотреть всюду';

б) обращать внимание, придавать значение, принимать во внимание, считаться с кем-либо, чем-либо, брать пример с кого-либо: *сөзә б.* 'слушаться'; *өз јолдашларына бах!* 'бери пример со своих товарищей!';

в) расценивать, считать, относиться к чему-либо: *Бу ишә сән нечә бахырсан?* 'Как ты смотришь на это дело?';

г) рассматривать, обсуждать: *мәһкәмә ишә бахачаг* 'суд рассмотрит дело';

д) смотреть за кем-либо, чем-либо, осуществлять надзор, попечение, заботиться: *ушаглара б.* 'смотреть за детьми'; *баға бахарсан — баг олар, бахмазсан — даг олар* 'будешь следить за садом — будет сад, не будешь следить — будет гора' (т. е. дикое, заброшенное место).

В противоположность основному значению, во всех указанных выше, реализуемых (так же как и основное значение) без аномалии в субъектно-объектных отношениях и ограничений в формах спряжения, глагол *бахмаг* может выступать также в форме страдательного залога *(бахылмаг).* Исключение же (в потенции) показателя страдательного залога для производных значений данного глагола как бы сигнализирует об ограничениях, накладываемых на его субъектно-объектные отношения и спрягаемые формы. Таковы, в частности, следующие вторичные значения глагола *бахмаг:*

а) без объекта. Подумать, обдумать, взвесить: *Бахарсан, истәсән кәләрсән.* 'Посмотришь, захочешь — придешь';

б) субъект и объект — неодушевленные предметы (только в 3-м лице). Быть обращенным, направленным куда-либо: *Евин гапы-пәнчәрәси шәргә бахыр* 'Двери и окна дома смотрят на восток';

в) неличный субъект и личный или причастный к лицу объект (только в 3-м лице). Зависеть от кого-либо, находиться в чьем-либо ведении, входить в чью-либо компетенцию: *Гәрарын мәзмуну әксәриjjәтин рә'jинә бахыр* 'Содержание постановления зависит от мнения большинства'.

Весьма широка также сфера экстраполяции зрительного восприятия: доминируя среди всех остальных форм чувственного восприятия окружающего мира, оно легко и свободно замещает их; ср., например, замещение слухового восприятия: ... *сәсини бу мәртәбәjә галдырдығыны көрмәмишди* (Б. Бajрамов) '... он (еще) не видел, чтобы тот настолько повысил свой голос'; ...*данышдығыны көрдү* (Мир Чәлал) '... он увидел, что тот разговаривает'. Кроме того, такое особое значение глагола *көрмәк,* как «получать, знавать, испытывать, претерпевать и т. п.», реализуемое в сочетаниях со словами типа *хеjир* 'польза', *зиjан* 'вред', *ағры* 'боль', *хәстәлик* 'болезнь', *jахшылыг* 'добро', *пислик* 'зло' и другие, по-видимому, всецело обусловлено именно обобщенным чувственным восприятием. Представляя чувственное восприятие вообще, *көрмәк* может охватывать в области отвлеченных понятий также его умственные следствия, благодаря чему обретает такие изозначения, как:

а) осознать, постичь, убедиться в чем-либо: ... *көрдүзмү дә вичданымызы?* (Сабир) '... и увидели ль вы нашу совесть?';

б) усматривать, находить: ... *бир мәнтигсизлик көрүрдү* (С. Һүсеjн) '... он видел некий алогизм';

в) узнавать, быть осведомленным: ... *башлар һесаб етмәjәки, көрсүн газанчы нә олуб...* (Ч. Мәммәдгулузадә) '... начнет подсчитывать, чтобы посмотреть, каков барыш...' и т. п.

Все эти изозначения могут быть объединены в одно общее значение умственного восприятия. Таким образом, мы видим, что общие законы психической деятельности человека в полном соответствии с исторической и логической преемственностью обусловливают стратификационную направленность элементов лексико-семантической структуры глагола *көрмәк:* зрительное восприятие → обобщенное чувственное восприятие физического мира → умственное восприятие духовного мира.

Разумеется, в лексико-семантической структуре глагола *көрмәк* (как и большинства многозначных слов в любом языке) содержатся также смысловые элементы, представляющиеся с синхронной точки зрения немотивированными, то есть идиоматическими. Важно, однако, обратить внимание на то обстоятельство, что случаи смысловой немотивированности или недостаточной мотивированности, как правило, компенсируются прежде всего конструктивной обусловленностью, иначе говоря специфическим для идиоматического смысла характером синтагматических связей дистрибутивных элементов. Так, например, особенностями логико-синтаксической сочетаемости, обычно сопряженной с лексической и/или морфологической сочетаемостью, маркированы и в какой-то мере оправданы следующие производные значения глагола *көрмәк,* носящие более или менее идиоматический характер:

а) субъект — провиант, объект — лицо. Хватать, быть достаточным: *евимиздәки чај, гәнд, jағ бир ај бизи көрәр* 'чая, сахара, масла в нашем доме хватит нам на месяц';

б) только с косвенным объектом — лицом в исходном падеже *(кимдән).* Подозревать: *Адамлар һәмишә бир фәлакәтә... дүчар оланда кор шejтандан көрәрдиләр (Мир Чәлал)* 'Люди всегда, когда оказывались ... в бедствии, подозревали слепого беса';

в) прямой объект (как и субъект) — только лицо; при предикате допустимы кванторы, характеризующие меру полноты действия. Подкупить, дать взятку: *Дөвләтли габагчадан газыны нечә лазымдыр көрмүш имиш* («Молла Нәсрәддин лятифәләри») 'Богач, оказывается, заблаговременно как следует подкупил судью'.

До сих пор речь шла о глаголе *көрмәк* как о полнозначном слове. Но в современном азербайджанском языке существует также омонимичный ему вспомогательный глагол *көрмәк,* функционирующий в абстрактном грамматизованном значении «делать, совершать, выполнять, осуществлять и т. п.»; например: *Араг өз ишини көрмүшдү* (И. Мусабәјов) 'Водка сделала свое дело...'; *Һеч бир иш көрмүр* 'Не выполняет никакой работы'; *Тәдарүк көрмәк* 'Делать приготовления, припасы, заготовку и т. п.'. Для решения вопроса о разграничении самостоятельного глагола в одном из его фразеологически связанных значений и вспомогательного глагола-омонима требуются четкие формальные критерии. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить *мәсләһәт көрмәк* 'советовать, рекомендовать' и *тәһсил көрмәк* 'получить образование'. Здесь совершенно неясно, почему «давать» (совет) и «получать» (образование), будучи семами одного и того же порядка, не в состоянии обеспечить одинаковость места указанных сочетаний в глоссеме *көрмәк.* По нашему мнению, решающим критерием квалификации глагола *көрмәк* как вспомогательного должен послужить такой надежный индикатор: возможность образования формы страдательного залога *көрүлмәк,* исключаемой во всех остальных случаях. Поэтому *көрмәк (көрүлмәк)* в *мәсләһәт көрмәк (көрүлмәк)* следует считать вспомогательным, а *көрмәк* в *тәһсил көрмәк* — самостоятельным глаголом, хотя и с фразеологически связанным значением. С другой стороны, фразеологически связанное значение вовсе не предполагает собственно фразему (в понимании Н. Н. Амосовой), для наличия которой необходимо существование постоянного, стабильного контекста с его единственно возможным указательным минимумом[11]. И на наш взгляд, существенными признаками фразеологической единицы являются не только единичность ключевого слова, но и интегративность значения фразеологизма, невозможность эксплицитного выражения и раскрытия содержания (лексикографического определения) семантически реализуемого слова, то есть вычленения значения глагола в составе фраземы. Таковы, например, *күн көрмәк* 'жить в довольстве', *чох көрмәк* 'лишить' и некоторые другие фразеологические единицы, каждая из которых характеризуется в индивидуальном порядке мерой своей идиоматичности, обязательными и факультативными элементами дистрибуции. И вполне понятно, что фразема как основная единица собственно фразеологического уровня не может рассматриваться в одном ряду с лексемой как основной единицей сугубо лексикологического уровня. Пожалуй, еще более неоправданным является включение в целостную лексико-семантическую структуру глагола *көрмәк* изолированных, отпочковавшихся и застывших спрягаемых форм типа *көр, көрәк, көрүм, көрәсән* и других в функциях модальных слов. Между тем в словаре модальное значение каждой такой формы преподносится как отдельное лексическое значение глагола *көрмәк,* снабженное единственной лексикографической пометой — порядковым номером (13, 14, 15). А ведь в задачу толкового словаря входит не только определение границ отдельных слов и суммативное выстраивание их значений, но и нерархическое

[11] *Н. Н. Амосова.* Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 27—28, 34, 58—59, 64.

упорядочение, систематизация различных типов значений, не говоря уже о выделении и размежевании омонимов. В этой связи нельзя не согласиться со следующей формулировкой одной из основных задач лексикографического описания: «Осуществляя семантическую характеристику слов в словаре, следует опираться на определенную концепцию лексического значения...»[12].

Дальнейший сравнительный анализ других многозначных глаголов, выявление регулярных черт, связанных с их структурно-семантической организацией, позволят установить важные для тщательного изучения строя языка закономерности, дать более глубокую и всестороннюю интерпретацию сущности отдельного лексического значения, лексико-семантических тождеств и различий в рамках предпринятого нами функционально-семиологического моделирования двуплановой динамической структуры слова. Возвращаясь в заключение к упомянутой модели и вербально эксплицируя приведенное выше графическое изображение, мы можем определить лексическое значение слова как социально-исторически обусловленную и закрепленную в языке функцию виртуальной концептуальной сущности, призванную семиологически соотносить в каждом акте речи индексально-символическую форму словесного знака с актуальным контенсивным смыслом последнего.

[12] *Н. З. Котелова.* Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975, стр. 31—32.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

М. И. БОРГОЯКОВ

ОТНОШЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ К ЯЗЫКУ САРЫГ-ЮГУРОВ

Наличие общего для хакасского и сарыг-югурского языков классификационного фонетического признака послужило основанием для включения сарыг-югурского языка в «северо-восточную» группу тюркских языков. По мнению А. Н. Самойловича, этот язык вместе с хакасскими диалектами составляет подгруппу *z*-диалектов (языков)[1]. С. Е. Малов отмечал, что, кроме желтых уйгуров (то есть сарыг-югуров), к этой же языковой подгруппе принадлежат из числа тюркских народов также хакасы и шорцы[2]. Согласно классификации Н. А. Баскакова, хакасский язык относится к уйгуро-огузской подгруппе тюркских языков, внутри которой он вместе с языками камасинским (ныне не существующим. — *М. Б.*), шорским, сарыг-югурским и северными диалектами алтайского языка образует еще особую хакасскую подгруппу[3]. По наблюдениям Э. Р. Тенишева, в середине имен и в конце глагольных основ в сарыг-югурском языке встречается *z* (вместо уйгурского *j*): azaq 'нога', pezyk 'большой', qoz- 'положить'. Эта черта, по его мнению, вполне определенно отделяет сарыг-югурский от уйгурского, объединяя его с хакасским, шорским и чулымско-тюркским языками[4].

Следует отметить, что сходство сарыг-югурского языка с языками Южной Сибири, в частности с хакасским и шорским, заключается не только в наличии *z* в середине слова, но и в других общих признаках как фонетических, так и морфологических. Остановимся на некоторых из них.

Морфологические параллели. Как известно, в тюркских языках спрягаемые слова обычно принимают личные аффиксы. Однако в сарыг-югурском языке, как отмечают С. Е. Малов и Э. Р. Тенишев, существует безаффиксное спряжение. Лицо определяется по местоимению, стоящему перед глаголом:

мен пылты 'я знал';
сен пылты 'ты знал';
ол пылты 'он знал' и т. д.[5]

---

[1] *А. Н. Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

[2] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 126.

[3] *Н. А. Баскаков.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 328. О классификациях тюркских языков в трудах отечественных тюркологов см.: *А. Н. Кононов.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 242—246.

[4] *Э. Р. Тенишев.* Принципы выделения диалектов уйгурского языка. — «Вопросы языкознания», 1974, № 5, стр. 126.

[5] См.: *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 6.

По мнению С. Е. Малова, это «безличное» спряжение можно считать достаточно древним явлением, во всяком случае — предшествующим личному спряжению[6].

Спряжение глагола в сарыг-югурском языке более подробно рассмотрено Э. Р. Тенишевым. Приведем некоторые из его примеров:

мен (мыстер) алған 'я взял', 'мы взяли';
сен (силер) алған 'ты взял', 'вы взяли';
гол (голар) алған 'он взял', 'они взяли'[7].

Автор считает, что сарыг-югурский язык во временных формах утратил способность к изменению по лицам и числам. По его мнению, разрушение общетюркской временной парадигмы в сарыг-югурском непосредственно связано с исчезновением различий в лице и числе форм принадлежности и сказуемости. Идентичная структура временных форм имеется в саларском языке[8].

В связи с этим необходимо отметить, что безаффиксное спряжение наблюдается в некоторых диалектах и говорах сибирских тюркских языков, в частности в говорах западно-сибирских татар. Приведем примеры Д. Г. Тумашевой (на причастие прошедшего времени):

мин парған (вместо *барганмын);*
син парған (вместо *баргансын);*
ул парған (литер. татарск.: *ул барган);*
пес парған (вместо *барганбыз)* и т. д.[9]

В современном хакасском языке (во всех его диалектах) спряжение аффиксальное. Однако в диалектных материалах XVIII в. наблюдаются расхождения в способах спряжения. Так, в кангатском диалекте (говоре) аффикс лица при спряжении принимает только первое лицо единственного числа, в остальных лицах он отсутствует, в то время как в диалекте «красноярских татар» (то есть качинцев) этот аффикс присутствует, так же как и в современных диалектах[10]. В языке (диалекте) «кузнецких татар» (то есть современном шорском языке или диалекте) во всех лицах спряжение безаффиксное[11]. В современных шорских диалектах, как известно, спряжение аффиксальное.

Как свидетельствуют диалектные данные, безаффиксное спряжение можно наблюдать и в говорах мишарского диалекта татарского языка (по сообщению Л. Т. Махмутовой). Оно, возможно, свойственно и другим тюркским диалектам.

Э. Р. Тенишев считает, что в сарыг-югурском и саларском языках существовавшие в древности аффиксы лица впоследствии исчезли под влиянием внешних причин, так как в условиях отсутствия письменности на этих языках иноязычное окружение и двуязычие могли содействовать либо развитию безаффиксной формы спряжения, либо сохранению его более древнего вида. Что же касается других указанных тюркских языков (диалектов), то, вероятно, они сохранили древний

---

[6] См.: *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров, стр. 7.
[7] См.: *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева.* Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 28.
[8] *Там же,* стр. 25.
[9] См.: *Д. Г. Тумашева.* Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 47.
[10] См.: *М. И. Боргояков.* Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. — В сб.: «Диалекты хакасского языка». Абакан, 1973, стр. 118.
[11] См.: Центральный государственный архив древних актов, ф. 199, портфели Миллера 513, №№ 1 и 22.

безаффиксный способ спряжения, некогда существовавший в тюркских языках. Это предположение подкрепляется в какой-то мере данными монгольских языков, в которых, как отмечает Э. Р. Тенишев, дело обстоит как раз наоборот: в большей их части личного спряжения нет[12]. В связи с этим напомним также сообщение В. Котвича о том, что в более ранних памятниках монгольского языка («Сокровенное сказание монголов» и др.) не встречается еще никаких «притяжательных личных аффиксов», однако уже заметно начало их возникновения... В современный период, как пишет автор, о завершении этого процесса можно говорить только в отношении диалектов бурятского и калмыцкого языков. В отдельных диалектах наблюдаются хронологически различные фазы, представленные литературными памятниками разных эпох[13].

Подобные случаи известны и в истории тюркских языков, например, употребление безличных условных форм в орхонских и манихейских текстах, сообщение Махмуда Кашгари о безличном спряжении глагола в языке огузов, кыпчаков и суваров[14].

На основании приведенных фактов можно предположить, что в рассматриваемых случаях некоторые сибирские и другие тюркские диалекты сохранили более древний безаффиксный способ спряжения слов. Поскольку он распространялся как на глаголы, так и на имена, можно полагать, что это явление исконно тюркское. Оно было свойственно бесписьменному периоду развития языков и встречается в диалектах, в литературных же (письменных) тюркских языках, насколько нам известно, не отмечается. Сохранившийся безаффиксный способ спряжения в указанной группе языков, возможно, носит ареальный, генетически не обусловленный характер.

В тюркских языках и диалектах Южной Сибири и сарыг-югурском некоторые послелоги имеют фонетическое и семантическое сходство. Например, в хакасском языке активны послелоги *чіли* (в качинском диалекте) и *чілеп* (в сагайском) со значением «как», «подобно»: *той аяхтарны чіли...* 'как глиняные чашки...', *тас чіли (чілеп)* 'как камень' и т. д. В чулымском диалекте встречается послелог *чылап: айыт мэн чылап* 'скажи, как я'; в шорском языке — *чилеп и чылап: Ааң сööгі таг чилеп чатты* 'Его кости лежали, как гора'; *Ол куюн чилеп (чылап) полды* 'Он был, словно вихрь'; *Калык чакшы пу черде чыш чилеп (чылап) турча* 'Народ на этой земле стоит, словно тайга (хвойный лес)'[15]. В диалекте черневых татар (Туба-кижи): *темир чилеп* 'как железо', *сӱг ӱнген чилеп* 'как будто образовался'[16]. Вариантами этого послелога в сарыг-югурском языке являются *чельеп* 'как', *челье* (или *чыла*) 'быть величиной с кого-либо', 'быть похожим на кого-либо'. Например: *от чельеп кельгенны...* 'пришедшую, как огонь...', *тас чельеп кельгенны...* 'пришедшую, как камень...'[17]. В тоджинском диалекте тувинского языка ему соответствует слово *шылай: улуг шылай* 'как ребенок, подобно ребенку'[18]. Рассматриваемый послелог по значению близок к аффиксу *-ча/-чэ*. Ср., например, в памятнике в честь Кюль-Тегина: *Қаның субча йӱгӱрти, сӧӊӱкӱӊ таґча йадты* 'Твоя кровь бежала, как вода, твои кости лежали, словно гора'[19].

---

[12] *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева.* Указ. раб., стр. 26.

[13] *В. Котвич.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 159, 161.

[14] См.: *А. М. Щербак.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 156.

[15] См.: *Н. П. Дыренкова.* Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 241—242.

[16] См.: *Н. А. Баскаков.* Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (Туба-кижи). М., 1966, стр. 54.

[17] См.: *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967, стр. 151.

[18] См.: *З. Б. Арагачи.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, стр. 95.

[19] См.: *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности, стр. 31.

Некоторые фонетические параллели. Общей особенностью сарыг-югурского, хакасского, шорского, чулымско-тюркского языков является глухое начало слова. Ср.:

Хакасский, шорский	Сарыг-югурский[20]
пас (хак.), *паш* (шор.) 'голова'	*пас* и *паш*
паға (хак.), *пага* (шор.) 'лягушка'	*пақа, пага*
пағ (хак.), *паг* (шор.) 'веревка'	*паг*
палға- (хак.) 'связывать', 'привязывать'	*палға-* (то же самое)
пар (хак., шор.) 'есть'	*пар*
паар 'печень'	*пағыр*
парған (хак.), *парган* (шор.) 'ушедший'	*пар-* 'идти'
пычак (шор.), *пычах* (хак.) 'нож'	*пычақ*
пу (хак.), *по* (шор.) 'этот'	*по* и *пу*
пӧрӱк (шор.), *пӧрік* (хак.) 'шапка'	*пӧрӱк* и др.

Словарные материалы, собранные Г. Ф. Миллером и другими авторами, показывают, что в отдельных хакасских диалектах XVIII в. превалировали слова со звонким начальным согласным (напр., *б, ч*). В современном же хакасском языке преобладают диалекты и говоры с глухим началом слова. В прошлом этот признак (начальный *п* вместо *б*), очевидно, был присущ и некоторым говорам киргизского языка, на что обратил внимание И. А. Батманов. По его мнению, в киргизском языке в Тянь-Шанский период начальный согласный *б* возникал из *п*. Это прослеживается в словах арабо-иранского происхождения, вошедших в северные говоры киргизского языка из узбекского, таджикского, татарского, а также и в некоторых, заимствованных из русского (в предоктябрьский период). Ср. *пайда* (из *файда*) >*байда* 'польза', *пил* (из *фил*) >*бил* 'слон' и т. п.[21].

Этот признак (глухой начальный *п*) мог возникнуть в киргизском языке под влиянием языков Саяно-Алтая или Центральной Азии, так как в составе киргизов имеется этнос, общий с саяно-алтайцами. Так, например, киргизский этноним *азык,* восходящий к хакасскому языку, может быть переведен как «медведь». В этом термине, по-видимому, сохранился *z*-признак в середине слова, присущий некогда также древнекыргызскому (хакасскому) разговорному языку. Среди кызыльских хакасов указанный этноним бытовал в виде *ажығ (Улуғ ажығ, Кічіг ажығ),* его вариантом является тувинский этноним *адыг,* что также значит «медведь». Здесь он бытует с *d*-признаком в середине слова. В других тюркских языках в соответствии с чередованием *j/d/z(s)* это слово встречается в виде ajyg, ajyq, ajy, aju.

Э. Р. Тенишев предполагает, что в древности язык сарыг-югуров был таким же, как и литературный уйгурский *d*-язык, тесные же контакты сарыг-югуров с древними кыргызами, носителями народного *z*-языка, наиболее близкого к современным хакасскому, шорскому и чулымско-тюркскому, привели к тому, что сарыг-югурский язык к VIII—IX вв. приобрел тот же признак — *z* (azaq, koz- вместо adaq, kod-)[22]. В связи с этим можно предположить, что в древности признаки *d*-языка, по-видимому, были присущи и разговорным языкам (диалектам) населения Южной Сибири (Хакасско-Минусинской котловины), но впоследствии

---

[20] Сарыг-югурские примеры взяты из кн.: *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.

[21] См.: *И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин.* Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962, стр. 64.

[22] См.: *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева.* Указ. раб., стр. 9.

были вытеснены признаками *z*-языка (диалекта). Далеким отзвуком *d*-языка является, очевидно, хакасский (сагайский) глагол *адып-* со значением «широко раскрывать рот». В качинском диалекте ему соответствует *азуп-* или *ас-*.

В сарыг-югурском языке границы между передними и задними гласными размыты. Подобное явление наблюдается и в хакасских диалектах XVIII в. Ср.:

Сарыг-югурский	Хакасские диалекты XVIII в.
йыл и *йіл* 'год'	*джил* (кач. д.), *чил* (саг. д.) и *чыл* (бельт.)
йілан и *йылан* 'змея'	*чылан* (во всех диал.)
йілтыс 'корень (дерева)'	*джелтыс* (кач. д.), *илтыс* (кыз. д.) 'корень' и 'звезда'
йыныр, йінер, йіңыр 'вечер'	*иир* (во всех диал.)
йығыт, йігіт 'юноша, молодец'	*чиит* 'молодой' (во всех диал.)
тыс 'зуб', *тісте-* 'кусать зубами, грызть'	*тыш* (кыз. д.), *тис* (кач. д.).

Сарыг-югурские *сыла-* и *сіла-* (<*сыйла-*) 'угощать' соответствуют в современных диалектах: *сила-* (кач. д.) и *сыйла-* (саг. д.) 'угощать', 'дарить что-либо'.

В хакасских диалектах XVIII—XIX вв. встречаются: *тыгир* (кыз.), *тегир* (кач.) 'небо'; *тыл* (кыз.), *тил* (кач.) 'язык'; *кыш* (кыз.) и *киш* (кач.) 'соболь' и т. д. Эти различия частично сохраняются и в современных диалектах. Ср.: в сагайском диалекте — *сыбырға,* а в качинском — *сібірғі* 'метелка, веник'; сагайское *сыыр-* соответствует качинскому *сир-* 'проглатывать' и т. д. Следы приведенного соответствия звуков наблюдаются и в топонимике Хакасии: ср. гидронимы *Сыр* и *Сир, Сый* и *Сий (Сее)* и др.

Гармония гласных в сарыг-югурском языке не выдерживается из-за отсутствия четких границ между передними и задними гласными. Так, наряду с правильными формами (нёбная гармония) существует множество отклонений: *тастар* 'камни', *ереннер* 'мужчины', но: *аналер* 'матери', *герлар* 'чашки', *улғаннар* 'дети'[23]. Ср. в хакасском: *тастар, иреннер, олғаннар* (в саг. д.: *улғаннэр* 'дети'). В хакасском литературном языке гармония гласных в основном выдерживается. Однако в шорском диалекте наблюдаются отклонения от нормы. Ср.: *абазы* (лит.) и *абезы* (шор.) 'его отец'; *палазы* (лит.) и *палезы* (шор.) 'его ребенок'; *халас* (лит.) и *халеш* (шор.) 'хлеб'; *пілбаанчам* 'не знаю' вместо литер. *пілбинчем*[24] и др. В сарыг-югурском: *колум* 'моя рука', *ӱзӱ/узу* 'сам', но: *ломның* 'канона', *суны* 'воду', *гёзды* 'глаз'. В хакасском: *холым* (лит.) и *холум* (диал.) 'моя рука', *позы* 'сам'; *суғны* 'воду' и т. д.

В сарыг-югурском языке существуют прогрессивная и регрессивная ассимиляции согласных. Хакасскому же языку в целом присуща прогрессивная ассимиляция согласных, хотя иногда наблюдается и регрессивная (неполная)[25]. Ср.:

Сарыг-югурский	Хакасский
маллар 'животные'	*маллар*
улғаннар 'дети'	*олғаннар (улғаннэр)*

[23] *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева.* Указ. раб., стр. 12.

[24] См.: *Н. Н. Межекова.* Шорский диалект. — В сб.: «Диалектика хакасского языка». Абакан, 1973, стр. 51.

[25] См.: «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 41.

тастар 'камни'	*тастар*
суның 'воды'	*суғның*
пісекты 'кусочек'	*кизекті*
йырла 'петь'	*ырла*
аңна 'понимать'	*оңна*
тісте 'кусать'[26]	*тісте.*

В сарыг-югурском языке прогрессивная ассимиляция происходит внутри слова и на стыке двух слов: *какырык кел* (<*какырып кел*) 'пригласи'. Ср. в хакасском диалекте (саг.): *аккил* (<*ал кил*<*алып кил*) 'принеси'. Как замечает Э. Р. Тенишев, перечисленные черты гармонии согласных сближают язык сарыг-югуров с хакасским, шорским и тувинским языками[27]. В то же время из-за утраты различий между звонкими и глухими согласными в сарыг-югурском имеется много отступлений от гармонии согласных. Например, за гласными и сонорными могут следовать не звонкие, а глухие согласные: *ара-та* 'в середине', *йылта* 'в гору'[28] и т. д. Подобные отклонения от нормы наблюдаются и в хакасских диалектах: *отыс* 'тридцать', *отых* 'огниво', *отах* (кач.), *одаг* (саг.) 'шалаш'; *хатыг* 'твердый', *алты* 'шесть' и 'низ, нижняя часть чего-либо'; *палты* 'топор' и др.

Для сарыг-югурского и качинского диалекта хакасского языка общим признаком является переход *š, s* в *č* в позиции между гласными: *паш* 'голова' и *пачын* 'его голову' (сарыг.-югурск.) и *ағас* 'дерево', *ағачы* 'его дерево' (кач. д.)[29] и др.

Таковы некоторые фонетические и морфологические параллели, существующие в интересующей нас группе тюркских языков. Указанные ареальные совпадения в сравниваемых языках могли, конечно, возникнуть под влиянием различных причин и существовать независимо друг от друга. Не исключено, однако, что некоторые сходные фонетические явления (напр., *з*-признак) обусловлены генетическими факторами, древней миграцией населения в Центральной Азии и Саяно-Алтайском регионе. Так, по данным Э. Р. Тенишева, примерно пятая часть родо-племенных подразделений сарыг-югуров имеет соответствия среди родов и племен хакасов, шорцев, тувинцев, алтайцев и некоторых тюркоязычных народов западной ветви[30]. Ср. этнонимы:

Сарыг-югурские	Хакасские
Кулин	*Куль*
Вай и *Пей*	*Байғудо* и гидронимы
Пайат	*Бай, Пай*
Сокалыг	*Сохы*
Туман	*Тумат*
Коң	*Хаң*

Этноним *сарыг* бытует среди тувинцев, хакасов и др.

Народы Саяно-Алтая с древних времен поддерживали связи с населением Центральной Азии. Так, например, известно, что в 758 г. н. э. уйгуры подчинили себе кыргызов Енисея и почти сто лет саяно-алтай-

---

[26] Примеры взяты из указанной выше книги Э. Р. Тенишева и Б. Х. Тодаевой.

[27] *Там же,* стр. 15—16.

[28] *Там же,* стр. 16.

[29] См.: *М. И. Боргояков.* О переходе *s* в *č* в качинском диалекте хакасского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 3.

[30] *Э. Р. Тенишев.* Этнический и родо-племенной состав народности Юйгу. — «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 65.

ские племена жили в тесном контакте с уйгурами. Происходили перемещения родо-племенных групп в пределах территории Уйгурского каганата и Древнекыргызского (хакасского) государства. Но, как сообщают источники, около 840 г. племенной вождь [по имени] Цзюйлу-Мо-хэ (Кюлюг-Бага) — один из уйгурских военачальников — объединился с кыргызами и со своей стотысячной конницей штурмовал уйгурскую столицу. Столица каганата была предана огню, а населявшие его племена рассеялись[31].

С. Е. Малов замечает, что язык сарыг-югуров трудно считать уйгурским. Это — либо окиргизившийся в давнее время (какой-то) уйгурский, либо же совсем другой язык[32]. К аналогичному заключению пришел и Э. Р. Тенишев, отметивший, что в IX в. сарыг-югуры вместе с племенами древних уйгуров переселились на территорию Китая и Центральной Азии[33]. Ни чагатайский, ни новоуйгурский языки, замечает автор, не были распространены среди сарыг-югуров... Это совершенно самостоятельный язык[34]. Вместе с тем, как было указано выше, отдельные специфические признаки сближают его с тюркскими языками (диалектами) Южной Сибири. В связи с этим можно полагать, что предки носителей сарыг-югурского языка когда-то отделились от носителей тюркского языка, имевшего *z*-признак в середине слова.

---

[31] См.: *А. Г. Малявкин.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, стр. 27.

[32] *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров, стр. 7.

[33] *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева.* Указ. раб., стр. 38.

[34] *Э. Р. Тенишев.* Принципы выделения диалектов уйгурского языка, стр. 127.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

ОНОМАСТИКА

Л. Г. ГУЛИЕВА

ТЮРКСКАЯ ГИДРОНИМИЯ КУБАНИ

Ареал тюркской гидронимии на Кубани охватывает ее правобережную часть — Прикубанье, распространяясь далее (в нижнем течении Кубани) на левобережную часть и Черноморское побережье, Таманский полуостров, предгорную полосу Закубанья (территория Краснодарского края). Далее ареал включает верховья Кубани в Карачаево-Черкесии, Северо-Кавказские степи в Ставрополье, а на Севере — бассейн Дона, распространяется на южную часть Украины и Крым.

В настоящее время на большей части территории Кубани тюркоязычное население почти полностью отсутствует, и многие тюркские названия подверглись в большей или меньшей степени адаптации в соответствии с фонетическим строем русского языка. Тюркские же названия верховьев р. Кубани в Карачаево-Черкесии, где большинство составляет тюркоязычное население, претерпели незначительные изменения.

Для гидронимов Прикубанья характерно то, что тюркские основы сохранились только в названиях относительно больших водных объектов[1] (реки, заливы).

Морфологический анализ тюркских гидронимов Кубани позволяет подразделить их на две группы: 1) одноосновные: реки *Чохрак, Сасыка, Агач, Аганлы, Сахрай, Кирпили, Калалы, Нахар, Кукуртлю, Сингили* и др.; 2) двуосновные: реки *Челбаш, Бейсуг, Коксу, Адагум, Малбаш, Учкуль*, л. *Чубурголь*, ер. *Буганкол* и др.; р. *Кара-Кубань, Кумли-Кубань*, озеро *Ахтар-Бахтар*, р. *Кугo-Ея*, р. *Сасык-Ея*, озеро *Кучук Тузла* и др.

Гидронимы обеих групп, выраженные существительными, прилагательными, числительными и глагольными формами (в основном причастиями), рассматриваются нами в их современном звучании (адаптированном).

Одноосновные тюркские гидронимы неоднородны по своему составу, среди них выделяются: 1) гидронимы непроизводные — топонимизированные апеллятивы, то есть апеллятивы, ставшие гидронимами без каких-либо словообразовательных формантов (реки *Агач, Чохрак, Аюк, Буу* и др.); 2) гидронимы производные, то есть образованные путем прибавления топонимических формантов (реки *Чамлык, Алмалы, Аганлы, Кизинчик, Бугунджа* и др.).

Многие непроизводные гидронимы выражены существительными, образованными от апеллятивов, например, географических терминов,

---

[1] *Л. Г. Гулиева.* О названиях реки Кубань. — «Топонимика Востока». М., 1969, стр. 135—140

превратившихся в собственные имена: реки *Чохрак* и *Чехрак* из čohraq 'источник'[2], р. *Дарья* — из därja[3] 'бездна', *дəрья* 'река' («Каракалпакский словарь»), р. *Нахар* — из *нахр* 'река' (Мурзаевы), р. *Хантах* — из *хандак* 'ров, яма' (Радлов), р. *Шунк* — возможно, из *шунъкыр* 'яма, омут' («Ног.-русск. словарь»), р. *Сахра* (вар. *Сахрай*) — из *сəhра* 'степь' (Радлов), р. *Тарана* (вар. *Тарама*) — из *тарам* 'разветвление реки у устья, дельта' (Радлов).

Примечательны гидронимы, основа которых восходит к именам людей, названиям растений и животных: например, р. *Буу* 'олень', р. *Агач* 'дерево', р. *Аюк* 'медведь', р. *Джангир,* р. *Баба-Ханжибий* и др. Все они выражают отношение, принадлежность при отсутствии каких-либо формантов. Подобные образования не характерны для славянской гидронимии[4]. В тюркских же языках, как известно, нет формальных различий между прилагательными и существительными[5], поэтому гидроним *Буу,* например, может переводиться на русский язык как р. *Оленья* (а не *Олень*) и т. д.

Возможно также, что эти названия в результате усечения утратили формант *-су* 'вода, река'. Независимо от присутствия этого форманта-термина, название реки переводится как *Оленья.* Аналогичные явления встречаются в тюркской гидронимии Северного Кавказа, Средней Азии и др.

Гидронимы, выраженные прилагательными и числительными, обычно содержат обозначение какого-либо свойства или качества; например, р. *Кисил* (qyzyl 'красный'), р. *Кура* (kur 'сухой'), р. *Аман* (aman, jaman 'плохой'), р. *Сасык*‖вар. *Сосык, Сасыка* (от sasyk 'гнилой, вонючий'), р. *Беш* (beš 'пять'), ср. в Крыму р. *Беш-Терек* 'пять источников' и др.

Являются ли гидронимы типа р. *Кисил,* р. *Сасык* названиями эллиптическими? Б. А. Серебренников отмечает нетипичность эллиптических образований для тюркской и финно-угорской топонимии[6].

В то же время многое зависит от периода образования географических названий и особенностей территории. Г. Е. Корнилов полагает, что одним из древнейших типов топонимообразования является употребление географических терминов в качестве собственных имен, затем следует тип «определение-определяемое» (то есть атрибутивная синтагма в топонимическом употреблении) и самые поздние топонимы — эллиптированные названия с утратой либо определяющего, либо же определяемого компонента[7].

---

[2] Все русские значения тюркских гидронимов даются по следующим источникам: *В. В. Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911; *Н. А. Баскаков.* Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1949; «Ногайско-русский словарь» под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963; «Краткий каракалпакско-русский словарь». М., 1962; *Э.* и *В. Мурзаевы.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.

[3] Арабские и персидские элементы в гидронимии Кубани проникли на Кубань в составе тюркских гидронимов. Поэтому они рассматриваются здесь в системе тюркских гидронимов; например, реки *Дарья, Сахра, Нахар* и др.

[4] См.: *В. А. Никонов.* Введение в топонимику. М., 1965, стр. 64—65.

[5] *А. И. Соболевский.* Лингвистические и археологические наблюдения. — «Русский филологический вестник». Варшава, 1910.

[6] *Б. А. Серебренников.* О методах изучения топонимических названий. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 39; ср.: *А. С. Битанова.* Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области. — В сб.: «Вопросы топономастики», вып. I. Свердловск, 1962, стр. 42; К. Ф. Гриценко при анализе структуры якутских гидронимов пришла к выводу о преобладании усеченных названий над полными, см.: *К. Ф. Гриценко.* Названия рек и озер Якутии. Автореф. канд. дисс. Томск, 1968, стр. 7.

[7] *Г. Е. Корнилов.* Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 13—14.

Гидронимы типа *Кисил* во всех источниках отмечаются без географического термина. Свидетельствует ли это об их эллиптической форме? По-видимому, будучи поздними образованиями, они возникли по аналогии с более ранними эллиптическими формами и, следовательно, ничего не утрачивали. Возможно также, что в данных названиях термины типа *су* 'вода, река' были опущены уже в русском употреблении.

О. А. Султаньяев, говоря об эллиптических топонимах, разграничивает их в названиях населенных пунктов и в гидронимии: «Но вряд ли есть основания относить к эллиптическим формам простые топонимы, обозначающие населенные пункты ... такие названия по происхождению представляют собой личные имена или нарицательные существительные без классифицирующих слов (детерминативов)»[8].

Другая подгруппа гидронимов (производных) была образована с помощью формантов. Обращает внимание ограниченное число употребляемых аффиксов, особенно по сравнению со славянскими гидронимами, отличающимися разнообразием аффиксов. В большинстве случаев используются следующие форманты: *-ly (-li, -lü), -lyq (-liq, -luq, -lüq), -ty, -čiq, -an, -dyr, -ća.*

Основное значение формантов *-ly (-li, -lü)* 'изобилие, наличие предмета'[9]; они обозначают также название признака по предмету обладания[10]; например: р. *Кирпили* — 'река с мостом, мостовая' (köpür 'мост'), р. *Наратлы* — 'сосновая' (narat 'сосна'), р. *Балаклы* (вар. *Балыклы)* — 'рыбная' (balyk 'рыба'), р. *Кукуртлю* — 'серная' (kükürt 'горючая сера'), р. *Кумлы* — 'песчаная' (kum 'песок') и др.

Форманты *-lyq (-liq, -luq, -lüq),* как и предыдущие, указывают наличие признака; например: р. *Таллык* (tal 'ива', tallyk 'место, поросшее ивняком, тальником), река, протекающая по месту, поросшему тальником'; р. *Чамлык* (čamlyk 'сосновый, еловый лес'), речка, протекающая через сосновый, еловый лес, или же «сосновая речка» и др. Форманты *-ly* и *-lyk,* как и их фонетические варианты, имея одинаковые значения, продуктивны в образовании тюркских гидронимов Кубани.

Близок по значению к этим формантам и формант *-ty* (значение наличия или обладания). Однако Е. Койчубаев считает, что аффиксы *-ty/-dy* не всегда обозначают наличие или обладание. В таких топонимах, как Алматы, Моинты и др., *-ty* может быть не аффиксом, а компонентом словосложения, одним из фонетических вариантов слова tau 'гора', так как вместо *-ty* в указанных названиях не может быть принят какой-либо иной вариант аффикса (например, *алмалы)*[11]. Однако довод Е. Койчубаева о тождестве *-ty* и *-tau* представляется сомнительным и требует дальнейшего изучения.

В настоящее время на Кубани этот формант отмечен только в пяти гидронимах: р. *Кочеты* (из *Кошты*) — название четырех речек (*Кочеты* и ее притоки: *Первая Речка Кочеты, Вторая Речка Кочеты, Третья Речка Кочеты)*[12] и р. *Каяршакты.* Формант *-ty* широко распространен в

---

[8] *О. А. Султаньяев.* Именные конструкции в казахской топонимике Кокчетавской области. — «Вопросы топономастики», вып. 3. Свердловск, 1967, стр. 67.

[9] *Н. А. Баскаков.* Очерк грамматики ногайского языка (фонетика, морфология, синтаксис). — «Ногайско-русский словарь». М., 1963, стр. 511.

[10] *Э. В. Севортян.* Из истории прилагательных в тюркских языках. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 62.

[11] *Е. Койчубаев.* Основные типы топонимов Семиречья. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967, стр. 11.

[12] От названия речек происходят и названия хуторов, расположенных на речках: х. *Первая Речка Кочеты,* х. *Вторая Речка Кочеты,* х. *Третья Речка Кочеты* (ныне х. *Суворовский*).

тюркской гидронимии Кавказа[13], Казахстана[14], Западной Сибири[15]. Возможно, что территория Кубани в тюркской гидронимии является западной областью ареала форманта *-ty*.

К редко встречающимся формантам относятся *-dyr* [(р. *Бугундыр(ь)*], *-čiq, -žiq* [р. *Кизинчик*, р. *Инджик* (совр. *Большой Зеленчук*)], *-ča, -ža* (р. *Бугунджа*). Форманты *-čik, -žik* и *-ča, -ža* несут противоположные функции: первые — это своего рода деминутивные тюркские аффиксы (в нарицательных словах привносят оттенок ласкательности), а вторые — имеют значение «полноты признака». В отличие от *-ly* и *-lyk* распространение данных формантов ограничено не только территориально, но и во времени (предполагается, что оба они были продуктивны в древнюю эпоху).

Рассмотренные выше типы тюркских гидронимов образовались от существительных и прилагательных.

Одноосновные глагольные гидронимы представлены в основном причастными формами на *-an:* р. *Абаран* (араган 'уносящая'), р. *Булан* (река «со смешанной, мутной, взболтанной» водой), р. *Кубань* (из qoban 'взбешенная, взбушевавшаяся'), р. *Киаздыран* 'роющая', 'вырытая' и др.

В тюркской гидронимии Кубани преобладают двуосновные названия. Компонентами данных гидронимов выступают сочетания «имя+имя», например: рр. *Бейсуг, Челбас, Коксу, Албаш, Усункол, Чирюкол, Учкуль, Уч-дере, Учкулан* и др. Чаще всего это сочетание прилагательного и существительного (р. *Карасу*, р. *Чирюкол* и др.).

Сложные тюркские гидронимы Кубани отличаются характерной особенностью: вторая часть большинства из них — это местные географические термины, употребляемые как в прямом значении (когда они непосредственно связаны с водными объектами), так и в значении семантически сдвинутом. Подобные гидронимы часто содержат характеристику ландшафта данной местности в прошлом и представляют поэтому большой интерес для географов, историков, археологов.

Рассмотрим гидронимы по тем индикаторам (терминология Б. А. Серебренникова)[16], которые составляют ядро названий.

Su (-suq, -sun) 'вода, река': р. *Апайсу*, р. *Балансу*, р. *Бейсуг*[17], р. *Карасу*, оз. *Карасун*, р. *Карасун*, р. *Коксу* (совр. *Кукса*), р. *Кыльянсу*, р. *Чессу (Чепсу)*, р. *Ямансу* и др.

Одним из вариантов общетюркского термина *-su* 'вода, река' является *-suq* (встречается в шорском, койбальском и сагайском наречиях. — См.: В. В. Радлов, IV, стр. 755).

Весьма интересной представляется форма гидронима на *-sun* (озеро и река *Карасун*), где *-сун* скорее всего аффикс *sun*. Возможно, в прошлом этот гидроним имел форму *Караусун*, где *усун* → *usun* восходит к монгольскому *и* 'вода'+*-sun* (аффикс). Г. И. Рамстедт подчеркивает, что «образования на *-sun*, встречающиеся в тюркском, являются заимст-

---

[13] *Д. Д. Пагирев.* Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913, кн. 30.

[14] *Г. К. Конкашпаев.* Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963; *В. Н. Попова.* Гидронимия Павлодарской области (лингвистический анализ). Автореф. канд. дисс. Томск, 1966.

[15] *О. Т. Молчанова.* Тюркские названия озер Западной Сибири. — В сб.: «Языки и топонимия Сибири». Томск, 1966, т. I.

[16] *Б. А. Серебренников.* Указ. раб., стр. 37.

[17] Ср.: р. *Евсуг*, р. *Койсуг (Косуга)*, хутор *Койсуг* на Дону, р. *Аксуг* — левый приток реки *Кемчик* левого притока Енисея и др.

ваниями из монгольского языка позднего периода»[18] (разрядка наша. — *Л. Г.*).

Такая версия приемлема[19], тем более, что в тюркской гидронимии Кубани встречаются и другие заимствования из монгольского (ср.: *-us* и др.). Первая часть гидронимов данного типа содержит, как правило, какую-либо характеристику объекта, например, реки *Ямансу* — 'плохая вода', *Коксу* — 'синяя (зеленая) вода', *Карасу* — 'черная вода'[20] и др.

Baš (bas) *букв.* 'голова': р. *Албаш (Албаши)*, р. *Акбаш*, р. *Ертелбаш*, р. *Малбаш*, р. *Субаши*, р. *Челбаш (Челбас, Челбасы, Челбаска)*. «Широко употребляется для обозначения горных вершин, выступающих скал, утесов, верховьев рек, истоков (разрядка наша. — *Л. Г.*), часто — источников, дающих начало ручьям, рекам. Как географический термин характерен для всей Средней Азии, Анатолии, Украины, Поволжья, Центральной черноземной полосы»[21], Северного Кавказа.

Qol 'речка, рукав реки': р. *Амин-кол*, р. *Абракол*, р. *Балкол*, р. *Билкол*, ер. *Буган-кол*, р. *Джалал-кол*, р. *Усун-кол*, р. *Кыр-кол*, р. *Ташлыкол* и др.

Köl′ (köl) kul′ (gol′) göl′ 'озеро': р. *Каракуль*, оз. *Каракель*, р. *Кёркель*, р. *Туманлы-гёль*, р. *Учкуль*, оз. *Хорла-гёль*, л. *Чубурголь*.

Такая вариантность терминов, обозначающих 'озеро', не удивительна для территории Кубани, где тюркская гидронимия — создание не одного, а нескольких тюркских языков или наречий. И действительно, термин göl с географическим вариантом gol турецкого происхождения (röl, Радлов, II, 2, 1599), kul — татарского (kӳl, Радлов, II, 2, 1465), göl (kel) — общетюркского (алт., тел., леб., шорск., саг., койбал., караим., кирг., уйгур., джагат. и др. — Радлов, II, 2, 1267—1268).

Qum (qum) 'песок, земля': р. *Адагум* (вар. *Атагум)*, л. *Ташкум* и др.

Us 'вода' (монг.)[22], или **üs, ös, auz** тюрк. 'рот, отверстие, устье' (Радлов, I, 1741), р. *Калаус*, ер. *Калаус* (вар. *Калауз*), р. *Алаус* (вар. *Алоус*).

Отмеченные нами названия на *-us* не могут быть поставлены в один ряд с названиями типа *Кердус, Чарус, Урдус* и другими, встречающимися в Поволжье[23]. Они отличаются от поволжских названий местом ударения (на последнем слоге). В. А. Никонов также исключает возможность тюркского происхождения поволжских топонимов на *-us*. В данном случае налицо явление омонимии (а не тождества) топонимических формантов. Э. М. Мурзаев, отмечая топонимы на *-us* в монгольском языке, считает, что «монгольское *ус*, восходящее к орхоно-енисейскому *ӱгӱз* в географических названиях употребляется в значениях: „речка", „канал"»[24].

С. Атаниязов среди давно вышедших из употребления архаизмов туркменского языка, сохранившихся в топонимии Юго-Восточного Тур-

---

[18] *Г. И. Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 199—200.

[19] Возможно и другое объяснение, согласно которому появление *-n (su+n)* в подобных гидронимах есть результат славянской адаптации и является вторичным образованием из прилагательного *Карасунский (Карасунский → Карасун)*. Данное объяснение представляется не совсем убедительным, тем более, что во многих случаях названия на *-su* в форме прилагательного оканчиваются на *-sujskij, -suskij* (ср.: *Карасуйский* в Ошской области, *Аксуский* в Талды-Курганской области, *Суйский* и др.).

[20] В настоящее время сочетание *Карасу* является географическим термином со значением «река, питающаяся водами подземных источников» (Мурзаевы), «родник, ключ» (Радлов) и т. д.

[21] *Э.* и *В. Мурзаевы.* Указ. раб., стр. 37.

[22] *Там же*, стр. 240.

[23] *В. А. Никонов.* Неизвестные языки Поочья. — «Вопросы языкознания», 1960, № 5.

[24] *Э. М. Мурзаев.* Центральноазиатские топонимические миниатюры. — В сб.: «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 13.

кестана, указывает слова *угуз (өгуз)* в значении «речка»[25]. Аналогичное же значение *угуз (ügüz)* 'река' отмечено С. Е. Маловым в древнетюркских языках[26].

Пока не установлено, восходит ли элемент *-us* в гидронимии Кубани к uguz 'река' или же к us, os, auz 'рот, отверстие, устье'. Оба слова являются древнетюркскими, близкими по значению и, возможно, занесены на Кубань в варианте *-us* кочевыми племенами из Центральной и Средней Азии.

Однако, если учесть, что речки с названиями на *-us* протекают на территории, граничащей с Калмыкией, то можно предположить, что на Кубань термин *us* попал из языка калмыков (монголов). Таким образом, можно заключить, что, тюркский по происхождению, термин *us* привнесен в язык прикубанских тюркских племен через посредство монгольского языка, в который он был заимствован из древнетюркского.

В гидронимии Кубани отмечены также следующие термины, обозначающие водные объекты: **čaj** — 'река': р. *Адачай,* р. *Карачай*[27], р. *Серочай,* р. *Ташичай* и др.; **gir** — 'речка, ручей'[28] (д. *Калагир,* л. *Талгир (Талгирский),* **čohraq** — 'источник' [р. *Кошчахрик* (вар. *Кошчохрак*) р. *Бей-Мурза-Чохрак* и др.], **bulaq** — 'родник' (р. *Ачи-Булак).*

Примечательно употребление оронимических терминов в гидронимах. Обычно это реки горные или стекающие с гор на равнину.

Tübe, tau — 'гора, пригорок' (р. *Актюбе,* р. *Битюктюбе,* р. *Ахтау,* р. *Кунактау* и др.), **tyr<qur** — 'возвышенность, бугор' (р. *Ахтыр,* р. *Кумагыр),* **dära** — 'ущелье' (р. *Уч-дере,* р. *Гизель-дере),* **qaja** — 'скала' (р. *Даштыкая),* **taš** — 'камень' (л. *Кызылташ*) и др.

Форманты тюркских гидронимов не образуют каких-либо четко ограниченных ареалов, однако некоторые изоглоссы намечаются. Так, например, гидронимы с формантом *baš (bas)* отмечены в Прикубанье (в западной части), *gol (qol)* — в верховьях Кубани.

Среди двуосновных тюркских гидронимов Кубани встречается небольшая группа, образовавшаяся из ранее уже существовавшего гидронима, иногда субстратного, и определяющего слова. Это обычно названия притоков крупных рек: реки *Куго-Ея*[29], *Сасык-Ея, Кавалер-Ея* — притоки р. *Еи,* реки *Кумли-Кубань, Кара-Кубань* — притоки р. Кубани, р. *Кяфар-Агур* — приток реки *Кяфар,* оз. *Кучук-Тузла,* входящее в группу *Тузлинских озер,* и др.

При абсолютном преобладании в двуосновных тюркских гидронимах Кубани именных сочетаний можно указать лишь незначительное число названий с глагольным компонентом: р. *Эльбурган,* р. *Байталчатан,* р. *Буганкол* и др., однако не все эти гидронимы следует считать глагольными по происхождению. Так, например, гидроним *Байтал-чатан* действительно содержит во второй части причастную форму *čatan* 'дошедший' и имеет значение «река, до которой дошла кобыла». Что же касается таких названий, как *Буу-ольген* и *Домбай-олген,* часто переводимых как «олень умер», «зубр умер», то это модернизированные ста-

---

[25] *С. Атаниязов.* Топонимика Юго-Восточного Туркестана. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1966, стр. 16.

[26] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 440.

[27] Интересно, что современные карачаевцы не воспринимают слово čaj как «река».

[28] См.: *В. Г. Гниловский.* Занимательное краеведение. Ставрополь, 1954.

[29] *Л. Г. Гулиева.* Элемент *ея (яя)* в гидронимии. — «Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1967 год». Азербайджанский педагогический институт языков им. М. Ф. Ахундова. Баку, 1968.

рые названия, которые по аналогии с гидронимом *Байтал-чатан* воспринимаются как глагольные формы. Существует предположение, что *ольген* (olgen) 'убитый' в гидронимии — это переосмысление и соответствующее видоизменение *ölke* (ölkä) 'край, страна'[30].

Таким образом, при большой продуктивности глагольных топонимов на тюркоязычных территориях[31] на Кубани они встречаются довольно редко.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

л. — лиман,
р. — река,
ер. — ерик,
оз. — озеро.

---

[30] *А. В. Суперанская.* Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа. — В сб.: «Ономастика». М., 1969.

[31] *Г. И. Донидзе.* Глагольные топонимы в тюркских языках. — «Топонимика Востока». М., 1964.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

О ВОКАЛИЗАЦИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО ТЕРМИНА unγu-boγol

В русском переводе сочинения Рашид-ад-дина, там, где говорится о племени джалаир, есть такое сообщение: «Рассказывают, что в старое время китайское войско произвело в том месте (у реки Онона. — *А. Г.)* такое избиение, что лишь малое число могли убежать; когда они спасались бегством, убили Мунулун مونولون, супругу Дутум-Менина دوتومنين, как будет приведено в повести о нем. Другие джалаирские племена взыскивали с них: „зачем вы решились на такое дурное, постыдное дело?" и по этой причине некоторых из них предали смерти, а иные стали пленниками и рабами Хайду-хана قايدو, сына Дутум-Менинова, и детей и родственников его, и переходили в наследство от предка к предку Чингиз-хана, почему те племена и были его **крепостными рабами** اونكوبغول. Множество из них, во время его (Чингиз-хана) и рода его, стали почтенными и уважаемыми беками, каждый по какой-нибудь причине»[1].

Здесь же, в разделе о племени **баяут** мы читаем: «... во время Чингиз-хана именуемый Сурхан سورقان был названным отцом Чингиз-хана. Так как он был человек умный, разумный и по временам цитировал изречения, приводя на память, то он (Чингиз-хан) сделал его старшим и почтенным, и он находился в числе потомственных рабов»[2].

В сноске указывается, что слова **потомственный раб** являются эквивалентом выражения اونكوبغول — unγu-boγol, приведенного в персидском тексте «Сборника летописей», составленного И. Н. Березиным. Это выражение в первой цитате из русского перевода передано переводчиком как **крепостной раб** и вокализовано им в примечаниях как *унгу-богол* (<*унага-богол*)[3].

Данный термин встречается и в монографии академика Б. Я. Владимирцова, посвященной исследованию общественного строя монголов

---

[1] «Сборник летописей. История монголов». Сочинение Рашид-Эддина. Перевод с персидского, с введением и примечаниями И. Н. Березина. — «Труды Восточного отделения Императорского Археологического Общества». Часть пятая. СПб., 1858, стр. 32—33 («ТВОРАО»).

[2] *Там же,* стр. 176.

[3] *Там же,* стр. 227, прим. 23. И. Н. Березин полагал, что: «.. выражение اونكوبغول заимствовано из монгольского языка, где встречается *унага* 'сын раба' и *богол* 'раб': вероятно, выражением *унгу (унага) богол* обозначалось рабство, переходящее из рода в род, от одного господина к потомкам его, наследственное рабство».

XI—XVIII вв., в которой автор, основываясь на ряде источников, считает, что интересующий нас термин обозначает институт вассально-зависимых отношений, и высказывает мнение о его месте и роли в развитии феодальных отношений в Монголии эпохи Чингиз-хана. Для подтверждения своего предположения он приводит следующее место из «Сборника летописей»: «В это время называют *Онгу-Бугул*[4] племя из монголов, но в век Чингиз-хана это имя служило общим названием их. Онгу-Бугул означает, что они суть рабы и дети рабов предков и дедов Чингиз-хана: некоторых из них, которые во время Чингиз-хана оказали похвальные услуги и приобрели твердые права, по этой причине называют Онгу-Бугул. Те, которые хранят твердо путь *онгу-бугульства,* упоминание каждого из них придет в своем месте...»[5].

Если в вопросах вокализации и происхождения термина Б. Я. Владимирцов, доверяясь авторитету И. Н. Березина, без малейшего сомнения соглашается с ним и заключает, что *унгу-богол* «есть монгольское unaġan boġol (старинное boġol)», то в толковании социального содержания термина он расходится с ним и заявляет, что неправомерно передавать его словами «раб», «крепостной раб», ибо эта категория людей не была лишена собственного имущества; они «пользовались известной личной свободой, не все результаты их труда шли их господам»[6]. Они находились в подчинении не у одного лица, а у целого рода или его ветви. В итоге автор, охарактеризовав отношения между господствующим родом и подчиненным unaγa-boγol как «отношения сюзерена, сеньора и крепостных вассалов (разрядка наша. — *А. Г.),* заключает, что они были «крепостными вассалами»[7].

А. Ю. Якубовский, указывая на достоинства монографии Б. Я. Владимирцова и ее значение для дальнейшего изучения общественного строя ряда государств Средней Азии и Ближнего Востока, отмечал и слабые стороны этой работы. Анализируя социальное содержание интересующего нас термина *унаган-богол* в связи с передачей его автором на русском языке как **«крепостной вассал»**, А. Ю. Якубовский категорически возразил против такого перевода. По его мнению, «само сочетание слов „крепостной" и „вассал" порочно»[8]. Он также не сомневался в точности самого термина и его вокализации.

Более двадцати лет назад был опубликован новый перевод сочинения Рашид-ад-дина под редакцией проф. А. А. Семенова. Несмотря на преимущества этого издания в плане уточнения, вокализации и унификации данного термина, оно тем не менее не облегчило положения. Если в старом переводе интересующий нас термин اونكو بغول (unγu-boγol) был представлен в двух формах: unγu-boγol и onγu-boγol, то в новом он дан в нескольких вариантах: *унгу-богол*[9], *унгу-бугул*[10], *утеку*[11], *утэгу-богол*[12], из коих два первых заимствованы из старого перевода, причем

---

[4] Как видно, в одном случае термин вокализован как *унгу-богол,* а в другом — *онгу-бугул.*

[5] *Б. Я. Владимирцов.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 64.

[6] *Там же.*

[7] *Там же,* стр. 65.

[8] *А. Ю. Якубовский.* Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды» (рецензия). — «Исторический сборник», V. М.—Л., 1936; *его же.* Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953.

[9] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, книга 1. М.—Л., 1952, стр. 93.

[10] *Там же,* стр. 177.

[11] *Там же,* стр. 176.

[12] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 15, 19.

не зафиксирована унификация губных гласных заднего ряда в составе первого и второго компонентов термина. Что касается двух последних вариантов: *утеку* и *утэгу-богол,* то они являются новыми и впервые введены в научный обиход в новом издании Рашид-ад-дина.

Таким образом, выясняется, что исследуемый термин unγu-boγol (<unaγa-boγol) впервые был предложен И. Н. Березиным и принят Б. Я. Владимирцовым в виде unaγan-boγol. Термин в этом варианте был принят не только в советской историографии[13], но и в зарубежной — турецкой[14] и французской[15].

В конце пятидесятых годов Э. Р. Рыгдылон выступил со статьей, в которой заявил, что интересующий нас термин, «по мнению некоторых авторов, обозначал своеобразную форму феодальной зависимости, якобы существовавшую в Монголии XIII—XIV вв.» (разрядка наша. — *А. Г.*)[16]. Как известно, в новом переводе «Сборника летописей» термин фигурирует в двух вариантах. В связи с этим автор допускал, что эта путаница исходит от оригинала Рашид-ад-дина, и писал: «у Рашид-ад-дина встречаются два термина: онгу-богол и утэгу-богол. Является ли это результатом смешения разных монгольских терминов или погрешностью Рашид-ад-дина и последующих переписчиков, можно выяснить путем проведения текстологической работы»[17] (разрядка наша. — *А. Г.*). Однако, к сожалению, Э. Р. Рыгдылон, не взялся за скрупулезное исследование текста и пошел по иному пути. Отрицая наличие выражения unaγan-boγol в монгольских источниках как древнего, так и среднего периодов[18], он вычеркнул его из списка вариантов термина. Исходя из того, что у монголов существовал обычай, по которому и человек, подобно животным, мог быть онгоном[19], Э. Р. Рыгдылон решил, что из двух оставшихся вариантов onγu-boγol является сравнительно более реальным и приемлемым, нежели uteγu-boγol, ибо, по его мнению, onγu в составе первого варианта есть усеченная форма монгольского слова onγon. Поэтому автор полагал, что термин onγu/<onγon/-boγol означает «онгону посвященный раб»[20], и считал таких людей свободными[21].

Таким образом ,автор, заявлял, что у монголов в эпоху Чингиз-хана «животные назывались онгу-мал, как их называли

---

[13] *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда. Л., 1937, стр. 29; *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 39; *А. Н. Бернштам.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 126; *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 264; «История СССР. IX—XIII вв.». М., 1954, стр. 795; «История Монгольской Народной Республики». М., 1954, стр. 84; «История Монгольской Народной Республики». М., 1967, стр. 105.

[14] *B. J. Vladimirtsov.* Mogollar'in içtimai teşkilâti, Abdülkadir Inan terçümesi. Ankara, 1944; *Mustafa Kafali.* Deşt-i Kipcak ve Cuci Ulusu, «Istanbul Universitesi Edibiyat Fakultesi, Tarih Dergisi». Istanbul, 1971, sayi 25, стр. 179.

[15] *B. J. Vladimirtsov.* Le régim social des mongols. Le féodalisme nomade. Trad. par Michel Carsov. Paris, 1948.

[16] *Э. Р. Рыгдылон.* О монгольском термине **онгу-богол.** — «Филология и история монгольских народов». М., 1958, стр. 166.

[17] *Там же,* стр. 167.

[18] *Там же,* стр. 167, 170.

[19] *Рашид-ад-дин,* т. I, кн. 1, стр. 188; «Чингиз-хан сделал онгоном одного человека из племени баарин подобно тому, как делают коня и других животных, т. е. никто на него не будет притязать, и он будет свободным и тарханом».

[20] *Э. Р. Рыгдылон.* Указ. раб., стр. 170.

[21] «Становится понятным, что „освобождали онгоном" людей, бывших ранее в зависимом состоянии, и таким путем превращали их в привилегированных „тарханов" — опору ханской власти. Они-то и назывались *онгу-боголами,* то есть 'рабами духов предков'; именно так Рашид-ад-дин разъясняет значение этого термина. Средневековый историк едва ли стал бы писать так подробно об одной из категорий зависимых людей — явлении столь обычном в восточной истории». — *Там же,* стр. 171.

буряты (добайкальские) до недавнего прошлого, а люди — онгу-богол, как это передано у Рашид-ад-дина»[22] (разрядка наша. — *А. Г.*).

Неправомерность этого положения видна из нижеприведенной таблицы *1*, где представлены все варианты слова ongon, согласно рукописям Рашид-ад-дина. Термин اونكقون ongon или его усеченная форма اونكقو ongo никак не совпадает с рассматриваемым آنكو onqu из критического текста Рашид-ад-дина, составленного И. Н. Березиным.

Так ли обстоит дело в действительности? Какой вариант термина соответствует оригиналу Рашид-ад-дина? Для выяснения данного вопроса необходимо прежде всего обратиться к оригиналу «Сборника летописей».

Исключительно полезен для этого критический текст «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, подготовленный А. А. Ромаскевичем, Л. А. Хетагуровым, А. А. Али-заде на основе семи списков рукописи, находящихся в советских и зарубежных книгохранилищах[23]. В этом издании учтен также персидский текст И. Н. Березина, подготовленный им на базе двух — ленинградского и парижского — списков[24].

Благодаря упомянутому выше научно-критическому изданию Рашид-ад-дина мы имеем полную возможность сличить графически написания рассматриваемого термина и выяснить, какой из существующих его вариантов соответствует оригиналу. С этой целью нами предлагается сводная таблица, составленная на основе указанного издания, где нашли отражение все имеющиеся в списках Рашид-ад-дина варианты данного тюрко-монгольского термина в арабской графике (см. таблицу 2).

Из включенных в таблицу вариантов термина лишь три вида اونكو, اونككو, اوتكو соответствуют исторической орфографии арабской графики, принятой неарабскими народами. За исключением персидского текста И. Н Березина, *унгу* (آونكو) в списках Рашид-ад-дина нигде больше не фигурирует. Из трех видов термина, встречающихся в списках рукописи, ни один не имеет вспомогательной огласовки, что затрудняет их правильное прочтение. В первом случае اونكو отсутствуют следующие огласовки: *дамма* над *алефом* او, *фатха* над *те* ت, среднеязычный звонкий согласный *г-* گ заменен его глухим вариантом *к-* ك, а гласная фонема *ӥ* в конце слова передана буквой *вав-* و — ötägü. В восстановлении огласовки этого варианта нам помогли второй и третий варианты термина: اوتككو اوتكو. Во втором случае اوتكو фонема *ӧ* в начале слова выражена не *даммой* над *алефом*, а буквой *вав* و после *алефа* او, что не противоречит законам арабской исторической орфографии; отсутствует *фатха* над *т* ت, среднеязычный звонкий *г-* گ заменен глухим *к-* ك, а конечная губная фонема переднего ряда *ӥ* обозначена буквой *вав-* و — اوتگو ötägü. Что касается форм اونكو и اونككو, то они различаются только графически, а фонетически вокализуются одинаково. В составе второй из них среднеязычная фонема *к-* выступает двукратно *кк-* كك, а в составе первой — однократно. Это отнюдь не ошибка переписчика, а вполне закономерное явление, связан-

[22] *Э. Р. Рыгдылон.* Указ. раб., стр. 170.

[23] *Фазлаллах Рашид-ад-дин.* Джами' ат-таварих, т. I, часть 1. М., 1965.

[24] «Сборник летописей. История монголов». Сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Персидский текст, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина. СПб., 1861. «ТВОРАО», VII.

Таблица 1

Место хранения списка рукописи								Примечания
Ташкент. Академия наук Узбекской ССР	Стамбул. Музей Реван кёшкў	Ленинград. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	Лондон. Британский музей	Тегеран. Национальная Библиотека	Париж. Национальная Библиотека	Ленинград. Ленинградское отделение Института востоковедения	Персидский текст, изданный И. Н. Березиным	Таблица составлена на основе критического издания: Ф. Рашид-ад-дин. Джами' ат-таварих, т. I, ч. 1. М., 1965
1	2	3	4	5	6	7	8	№№ порядковые
Б.	П.	Т.	С.	Дж.	Ч.	h.	Х.	Условные обозначения списков
اونكقون	اونكقون	اونكقون	اونكقون	اونكقون	آونكقون	اونكعون	اونكقو	Страница 526, сноска № 25
انكقون	انكقون	انكقون	انكقون	انكقون	انكتون	ابدقون	انكقون	Страница 527, сноска № 1

Таблица 2

№№ п/п	Место хранения списков рукописи	Дата списков рукописи	Условные знаки списка	Варианты термина				Примечания
				131	177	460	464	Страницы крит. текста
				26	7	8	13	№№ сносок крит. текста
1	Ташкент. Академия наук Узбекской ССР	XV в.	Б.	اتكو	او تكو	اوتككو	اوتكو	
2	Стамбул Реван кёшкӱ	XIV в.	П.	اتكو	اوتكو	اوتككو	اوتكو	Фазлаллах Рашид-ад-дин. Джами'ат-таварих. Т. I, часть 1. Критический текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хетагурова, А. А. Али-заде. М., 1965
3	Ленинград. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	XV в.	Т.	اوتكو	اوتكو	بككو	اوتكو	
4	Лондон. Британский музей	без даты	С.	اودكو	اتكو	بككو	اوكو	
5	Тегеран. Национальная Библиотека	XVI в.	Дж.	اوتكو	اوتكو	اتكو	اوتكو	
6	Париж. Национальная Библиотека	XVI в.	Ч.	اتكو	اوتكو	تكو	انكو	
7	Ленинград. Ленинградское отделение Института востоковедения	XVI в.	Һ.	اتكو	لكو	اورقاكو	اكو	
8	Крит. текст А. А. Ромаскевича и др.	1965	А.	اتكو	اوتكو	اوتككو	اوتكو	
9	Персидский текст И. Н. Березина	1861	Х.	اونكو	انكو	اورقا كوركا	انكو	
	Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, перевод с персидского Л. А. Хетагурова. М., 1965.			унгу	унгу	утеку	унгу	Варианты термина
				93	107	176	177	Страницы русск. перевода

ное с несоответствием арабского алфавита фонетическим нормам других языков, в том числе и тюрко-монгольских. Известно, что арабский алфавит не имеет буквы для передачи тюрко-монгольского среднеязычного звонкого звука *г-* ڳ, являющегося звонким коррелятом *к-* ک. Поэтому в списках Рашид-ад-дина этот звук заменен его глухим вариантом *к-* ک, в одном случае однократно, в другом — двукратно. Практически в обоих случаях они произносятся, как звонкие *г-* ڳ. Из них более архаичным, по всей вероятности, является однократное употребление, двукратное же относится к сравнительно позднему времени и является исходной формой современной буквы *г-* گ алфавита неарабоязычных народов, пользующихся арабской графикой.

Наблюдение над разновидностями данного слова в приведенной сводной таблице и анализ их не позволяют сомневаться в том, что в оригинале Рашид-ад-дина нет принятого И. Н. Березиным варианта термина اونكو unγu. В использованных им списках рукописи: парижском, условно обозначенном в таблице буквой *Ч*, и ленинградском — буквой *h*, помимо искаженных вариантов термина, есть и его действительные орфографически правильные формы: -ötägü, которые почему-то были игнорированы И. Н. Березиным при подготовке им персидского текста к изданию[25].

О вокализации термина в виде *ötägü*, кроме оригинала Рашид-ад-дина, свидетельствует труд «Тарих-и Ульджайту» Абу-л-Касима Абдуллаха бин Мухаммеда ал-Кашани (ум. в 1337—1338 гг.), где термин зафиксирован как *ötägü-boγol*[26]. Этот же вариант принят в новом издании критического текста, опубликованном совместно Институтом народов Азии Академии наук СССР и Институтом востоковедения Академии наук Азербайджанской ССР[27].

Итак, текстологическая сверка показывает, что из известных нам вариантов термина только *ötägü-boγol* является верным, остальные же виды его: *unγu-boγol, unaγan-bogol,* введенные в научный обиход И. Н. Березиным и принятые Б. Я. Владимирцовым в последнем варианте, а также *uteku-boγol, uteγu-boγol* в новом русском переводе не являются верными, ибо первые отсутствуют в оригинале Рашид-ад-дина, вторые — фонетически переданы неточно.

Из таблицы 2 видно, что в критическом издании текста исследуемый термин везде передан правильно, а в новом издании русского перевода он близок к оригиналу лишь в одном случае[28], а в трех других передан как unγu-boγol[29], то есть повторяется старый, неточный вариант.

Рассматриваемый термин состоит из двух тюрко-монгольских слов. Первый компонент его ötägü — 'старый'[30], второй — boγol[31] (bol, bool[32]) — 'раб'. Термин в целом означает «старый раб», «древний раб». Но его не следует понимать дословно. По мере развития монгольского общества и

---

[25] См. в таблице *2* порядковые №№ 6, 7, 9, условные знаки — Ч, h, Х.

[26] تاريخ اولجايتو تاليف ابوالقاسم عبدالله بن محمد الكاشانى باهتمام مهين همبلى تهران. ١٣٤٧، ص.١٧٥

[27] См. в таблице *2* порядковый № 8, условный знак А.

[28] *Рашид-ад-дин,* т. I, кн. I, стр. 176.

[29] *Там же,* стр. 93, 107 и 177.

[30] *Н. Н. Поппе.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Часть I—II. М.—Л., 1938, стр. 279; *G. Doerfer.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1. Wiesbaden, 1963, стр. 160.

[31] *Там же,* стр. 212.

[32] *Н. Н. Поппе.* Указ. раб., стр. 109, 121.

государственности это выражение подверглось переосмыслению, и во времена Чингиз-хана оно означало уже не рабов в прямом смысле слова, а категорию зависимых людей, которые были рабами по происхождению, а не относились к категории людей, как полагал Э. Р. Рыгдылон, «бывших ранее в зависимом состоянии»[33]. Ötägü-boγol'ы за определенные заслуги перед родом чингизидов были приравнены к свободным родам, но не были свободными в полном смысле этого слова, хотя отношения между ними и господствующим родом бывали зачастую весьма близкими, допускались даже браки[34].

О зависимом положении *ötägü-boγol* в монгольском обществе эпохи Чингиз-хана свидетельствует факт, сообщенный автором «Тарих-и Ульджайту»: «В средине месяца джамада ал-уля 715 года (средина августа 1315 г. — *А. Г.*) великий посланник Узбек Улуға по имени Акбуги, из рода кият, прибыл в Тавриз. И, случайно, до этого Эмир Хусайн Гураган сын Акбуги вернулся в Тавриз из Арана, где он провел зиму. (Он) устроил пир в честь великого посланника (Акбуги. — *А. Г.*). Эмир Хусайн сидя попытался предложить ему чашу. Акбуга обиделся и начал, как обычно у монголов, напрасно скандалить и кричать: „Ведь ты являешься *ötägü-boγol qanǯun*[35], как мне принять у тебя чашу? К тому же вы забыли ясак и оставили древний закон. Предали забвению также благонравие, разум и рассудительность. Ибо по обычаю Гураган (ötägü-boγol) при служении роду должен стоять в двух шагах, как подобает рабу!". Эмир Хусайн в ответ ему говорит, что в данное время эмир прибыл (к нам) как посланник, а не как блюститель порядка рода Чингиз-хана. Посланник после (этого) ответа успокоился и умолк»[36].

Вышеприведенный факт наглядно показывает, что, во-первых, рассматриваемый термин в действительности пишется как ötägü-boγol, во-вторых, Эмир Хусайн, будучи ötägü-boγol'ом, занимал привилегированное положение — был эмиром, предводителем племени. Это соответствует монгольскому термину nojan, также обозначавшему принадлежность к привилегированным представителям монгольских «аристократических домов»[37]. И, наконец, если ötägü-boγol'ы по сравнению с хагаču (простонародьем) и boγol'ами (рабами) пользовались определенной свободой и привилегиями, то по отношению к роду чингизидов они были ограничены в правах и зависимы.

---

[33] *Э. Р. Рыгдылон.* Указ. раб., стр. 171.

[34] *Б. Я. Владимирцов.* Указ. раб., стр. 65

[35] Монгольское слово qanǯun означает «рукав». *(Н. Н. Поппе.* Мукаддимат-ал-адаб, стр. 291).В данном случае великий посол Узбек Улуга дал понять, что Эмир Хусайн стоит ниже рода чингизидов. Г. Дёрфером это монгольское слово из сочинения ал-Кашани прочитано qarăčuj (Указ. раб., т. I, стр. 161) и переведено: «Nichtadliger, Mann aus dem einfachen Volk, Nichtčingiside; Untertan» (там же, стр. 397). Слово хагаču, как известно, означает «чернь». Нам кажется, что сочетание ötägü boγol qaraćuj алогично, ибо хагаču представляли низшее сословие, а ötägü-boγol'ы наравне с urux высшее.

[36] تاريخ اولجايتو, стр. 175.

[37] *Б. Я. Владимирцов.* Указ. раб., стр. 74.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. ОРУСБАЕВ

К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

Первые работы по описательной фонетике киргизского языка появились почти сто лет назад[1], в то время как экспериментальная фонетика стала изучаться лишь в наше время, в конце 60-х гг. Очередная задача состоит в том, чтобы на основе имеющегося материала и опыта функционального анализа дать развернутое толкование фонетической системы киргизского языка.

В этой связи следует отметить, что полученные инструментальные данные по сегментным и надсегментным единицам[2] все же нельзя признать исчерпывающими. С одной стороны, недостаточно произведено опытов по восприятию гласных и согласных, подвергавшихся инструментальному анализу, с другой стороны, полученным фактам не дано соответствующего глубокого лингвистического (фонологического) объяснения, и они не обобщены. Необходимо проведение новых более тонких экспериментальных разысканий.

С этой целью была предпринята попытка установления артикулярно-акустических различительных признаков киргизских фонем аппаратурно-программным методом[3].

Речевой сигнал вводился с голоса и магнитной записи в аналоговое устройство, подключенное к вычислительной машине БЭСМ-3М, и выводился через каждые 5 секунд на печать в цифровой форме. Нами получен обширный статистический материал по динамике формантных частот фонологически кратких и долгих гласных в сочетании практически со всеми согласными в типах слогов ГСГ, СГ, СГС, ГС.

Предварительный просмотр полученных экспериментальных данных показал следующее: а) формантные частоты гласного, независимо от качества окружающих согласных, непрерывно меняются по всей длительности гласного (см. таблицу *1*); б) прослеживается относительная стабильность формантных частот то к началу гласного, то — к середине, то — к концу, в зависимости от типа слога и качества звуков, составляющих конкретный слог; в) согласные, близкие по месту образования, в

[1] *П. М. Мелиоранский.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I (фонетика и этимология). СПб., 1894; *W Radloff.* Phonetik nordlichen Turksprachen. Leipzig, 1882.

[2] *Т. К. Ахматов.* Звуковой строй современного киргизского литературного языка, ч. I. Фрунзе, 1968; *Ж. К. Сыдыков.* Акустическая характеристика безударных гласных в многосложных словах киргизского языка. — В сб.: «Звуковая и семантическая структура языка». Фрунзе, 1975; *А. Орусбаев.* Киргизская акцентуация. Фрунзе, 1974.

[3] *А. А. Григорян.* Исследование динамики формантных частот гласных звуков. — В сб.: «Речевое управление». М., 1972.

частности, парные по глухости — звонкости, взрывные и щелевые одинаково влияют на динамику частот соседних гласных; г) признаки согласного, находящегося между симметричными гласными, имеются в переходных сегментах от гласного к согласному и от согласного к гласному, а также на собственном участке согласного.

Таблица 1

ГСГ (ata)			СГ (ta)			СГС (tat)			ГС (at)		
$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t	$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t	$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t	$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t
850	1000	20	750	1300	20	600	1000	20	750	900	20
950	1400	20	900	1400	20	950	1200	20	850	900	20
950	1400	20	950	1400	20	1050	1000	20	900	1000	20
950	1300	20	900	1200	20	950	1200	20	750	1100	20
—	600	20	1050	1300	20	850	1300	20	600	900	20
300	600	20	1050	1300	20	650	1400	20			
1000	1200	20	750	1200	20	600	900	20			
1050	1100	20	—	1200	20						
950	1100	20	900	1200	20						
850	1200	20	1100	1200	20						
900	1200	20	1100	1200	20						
1050	1200	20	350	—	20						
950	1100	20									

Получены также новые сведения относительно динамики формантных частот сонантов — носовых (m, n, ŋ) бокового (l), серединного (j) и вибранта (r). Согласно этим данным, признаки, временная последовательность которых характеризует указанные согласные, проявляются в основном в нижней полосе частот ($F < 500$). Так, при длительности согласного (n) в 80—100 мсек его характерный признак по способу образования — назальность — можно определить напряжением огибающего сигнала, равным в минимуме 250 гц, в максимуме — 450 гц (см. таблицу 2).

Методами экспериментальной фонетики исследованы некоторые просодические явления. Установлено, например, что киргизское ударение — динамико-количественное, и для него характерна функция словоорганизующая, а не словоразличительная, вопреки утверждению имеющейся по данному вопросу литературы[4]. Дальнейшее изучение языкового назначения ударения следует связывать с теорией пограничных сигналов Н. С. Трубецкого применительно к тюркским языкам. Вопрос о роли ударения в членении фразы на слова был предварительно рассмотрен нами с помощью экспериментальных методов на материале киргизского языка[5]. В настоящее время получены интонографические и спектральные срезы стыков слов из контекста (речевой сигнал вводился в ЦВМ

[4] *И. А. Батманов.* Современный киргизский язык, выпуск I. Фрунзе, 1963; *Т. К. Ахматов.* Звуковой строй современного киргизского литературного языка, ч. II. Фрунзе, 1970.

[5] *А. Орусбаев.* Ударение и пограничные сигналы. — В сб.: «Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем». М., 1971, стр. 16—26.

БЭСМ-6 с аналого-цифрового преобразования и устройства выделения признаков и выводился на перфокарту в виде спектрограмм типа «Visible speech»).

Таблица 2

ГСГ (ана)			СГ (па)			СГС (пап)			ГС (ап)		
$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t	$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t	$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t	$F_1 \cong N_1$	$F_2 \cong N_2$	t
250	2100	20	400	—	20	500	800	20	300	1300	20
300	2100	20	350	—	20	400	600	20	300	1400	20
						400	800	20	300	1200	20
						300	1300	20	300	1300	20
						300	800	20	450	1100	20
						300	—	20	450	—	20
						300	—	20	450	—	20
						200	—	20			
						250	—	20			

Таким образом, есть основания полагать, что конкретная теоретическая установка и экспериментальные средства будут служить более точному и глубокому изучению фонетико-фонологической системы современного киргизского языка.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

М. САДЫКОВА

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СТЕПЕНИ ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В ряду проблем современного узбекского языкознания особый интерес представляет изучение лексико-грамматических средств, выражающих различные степени действия и состояния, законченность и многократность, характер действия, возможность совершения его и т. п. В существующих узбекских грамматиках и учебных пособиях этот вопрос пока не получил должного освещения.

А. Н. Кононов в своей «Грамматике современного узбекского литературного языка»[1] в разделе «Формы глагола, выражающие характер протекания действия» достаточно подробно описывает синтетические и аналитические формы, раскрывающие характер действия и состояния.

Аналогичные вопросы частично рассмотрены и А. Г. Гулямовым в учебнике узбекского языка (аффиксы типа: *-kila, -gila, -la, -ra, -ingira, -imsira*)[2].

В данной статье мы ограничимся рассмотрением только способов выражения степеней действия и состояния.

Известно, что действие и состояние может быть как активным, так и пассивным, как сильным, так и слабым и т. д. Эти качества условно назовем степенью действия. Степени действия и состояния в узбекском языке выражаются различными способами: 1) лексическим, 2) фонетическим, 3) морфологическим (посредством глаголообразующих, словоизменяющих форм), 4) синтаксическим (стилистическим).

Остановимся на каждом из них в отдельности.

1. Лексический способ. Проанализируем этот способ на примере нескольких слов-глаголов.

1) **Глаголы движения.** Например, urmōq 'бить', 'ударить'. Более слабое значение этого глагола, его «легкую форму» (нанесение удара рукой) можно передать глаголом turtmōq 'толкать', 'подталкивать': Uniŋ ketidan kelajōtgan mojsafid bir nima deb jigitniŋ biqiniga turtdi (А. Қаҳҳор) 'Шедший за парнем белобородый старик подтолкнул его и что-то сказал'. Усилительное же значение этого глагола передается только описательным способом: bir tuširmōq 'сильно ударить'; ajlantirib sōlmōq 'заехать (сильно ударить)'.

Слабая степень значения глагола juvmōq 'мыть', 'стирать' выражена глаголом čajmōq (čajqamōq — čaj+qa[3]) 'полоскать'. Например,

[1] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 263.

[2] См.: *А. Гуломов.* Феъл. Ҳозирги замон ўзбек тили. Тошкент, 1957, стр. 425; *М. Мирзаев, С. Усмонов, И. Расулов.* Ўзбек тили. Тошкент, 1962, стр. 140.

[3] Аффикс *-qa* (в составе čajqa) служит для выражения многократности действия.

Qolimni juvdim — qolimni čajdim. Qol-polni čajib kelaj («Муштум») 'Пойду, помою руки'. Наряду с этим имеется также и самостоятельное, дифференцированное значение данного глагола: Kirni juvib kejin čajdim 'Белье постирала и потом прополоскала'.

По сравнению с глаголами jemōq 'есть' и ičmōq 'пить' глагол tōtmōq 'пробовать' выражает более слабую степень действия.

Для усиления интенсивности глагола jugurmōq 'бегать', 'бежать' употребляются глаголы γizillamōq, jelmōq (jelib-jugurib, jugurib-jelib) 'мчаться'.

Глагол kormōq выражает понятие «видеть». Глагол ilγamōq (kozga čalinmōq) также обозначает то же самое, однако в менее интенсивной форме; например, ilγamōq (kozga čalinmōq) 'еле различать', 'виднеться', 'замечаться взглядом' и т. д.

Глаголы jōγmōq 'идти', 'падать' (о дожде, снеге) и boralamōq 'валить' показывают разную степень действия: qōr jōγdi — общее состояние, qōr boraladi (или qōr boralab jōγdi) 'сильный снегопад', qōr učqunladi (qōr učqunlab jōγdi) 'слабый снегопад'. Подобно этому jōmγir jōγdi также выражает общее состояние, jōmγir šivalab jōγdi, jōmγir šivaladi, jōmγir tōmčiladi, jōmγir šarillab jōγdi, jōmγir (šarrōs) qujdi и т. д. Все приведенные примеры (глаголы и деепричастные формы их) указывают на степень интенсивности действия.

Таким образом, глагол jōγmōq выражает общее состояние действия (в сочетании со словами jōmγir, qōr), а для выражения пассивного или активного характера описываемого явления существуют, как уже отмечалось, самостоятельные глагольные формы.

Для обозначения слабого ветерка употребляется глагол esmōq 'веять'. Однако он, во-первых, выражает пассивное состояние данного явления, во-вторых, характерен для языка художественной литературы и используется в основном в сочетании со словом šabboda (šabada). Для обозначения дуновения ветерка употребляются формы šamōl boldi, šamōl turdi и т. д. В зависимости от силы ветра (вместо šamōl) употребляются слова šabbōda, borōn, dōvul. Например, Qumlik tōmōndan iliq šabbōda esardi (А. Мухтор) 'С песчаной стороны дул теплый ветерок'.

Глагол bōjlamōq (bōγlamōq), oramōq 'завязывать', 'закутывать', 'укутывать'. Для выражения усиления действия употребляются слова tanγimōq 'туго повязать'; например, Qulōqlarini qijiqlari bilan tanγib ōlgan ōdamlar. Turdivōj xalfaniŋ sōbiq mehmōnxōnasiga kirib kelišar edilar (П. Турсун) 'Люди, крепко повязавшие уши платками, входили в холодную гостиницу подмастерья Турдывой'.

Oramōq 'укутывать', oranmōq, oralmōq 'укутываться'. Степень интенсивности этих действий можно передать глаголами burkamōq 'закутывать', burkanmōq, burkalmōq 'закутываться'; например, Oziŋni teža qizim, orniŋni qalin qilib burkanib jōt 'Береги себя, дочь моя, постели себе помягче и спи закутавшись' (Саид Аҳмад); Gullab jōtgan orikzōr xira pardaga burkandi (Там же) 'Цветущий урючный сад покрылся тусклой пеленой'.

Процесс видения и различные степени его интенсивности передаются глаголами qaramōq, tikilmōq, а также «синтаксическим способом»: kozini qadamōq (свойственно художественной речи), koz qirini tašlamōq, kozi tušmōq и др. Например, Uni koz ōldiga keltiriš učun albatta bōrib koriš, sōatlab tikilib turiš kerak (А. Мухтор) 'Для того, чтобы представить его, несомненно, надо пойти посмотреть на него, часами приглядываться'.

Для выражения различной степени действия, выраженного глаголами kulmōq 'смеяться' и jiγlamōq 'плакать', употребляются разные лекси-

ческие элементы: kulmōq — ǯilmajmōq, ilǯajmōq, xaxōlamōq (синтаксический способ: qōtib-qōtib kulmōq, ičagi uzilib kulmōq, mijiɣida kulmōq); jiɣlamōq — hoŋramōq okramōq (jum-jum jiɣlamōq, xuni-bijrōn jiɣlamōq) и др.

2) **Глаголы состояния.** Ijmanmōq 'стесняться' выражает ослабленную степень значения глагола ujalmōq 'стыдиться', 'стесняться', вместе с тем имеет свой особый оттенок этого значения.

Для выражения процесса сна употребляются слова: uxlamōq 'спать' и его слабая степень — mudramōq 'дремать'. Синтаксический способ: kozi ilinmōq 'вздремнуть'. Усилительная степень (разговорная форма, переносное значение) — qōtmōq (qōtib uxlamōq) 'крепко заснуть' и т. д. Приведем пример: Kozim ilingan ekan, ǯuvōnniŋ tōvuši ujɣōtib jubōrdi (Саид Аҳмад) 'Только задремал, голос женщины разбудил меня'.

Имеется возможность также выражать различные степени увлажнения, влажности; например, hol bolmōq (hollanmōq) — nam bolmōq (namlanmōq, namiqmōq), šilta bolmōq (šiltalanmōq), šalabbō bolmōq (šalabbōlanmōq) и т. д.

Глагол isimōq 'нагреваться', 'разогреваться' (при выражении ощущения тепла) связан со значением состояния и имеет несколько синонимов: qizimōq, ilimōq, ǯilimōq (диал.)[4]: Fevral ortalarida zangōri ōsmon jarqirab, qujōš tuprōqni ilitdi (Х. Гулом) 'В середине февраля лучи солнца с голубого и яркого небосвода прогрели землю'.

Глагол ešitmōq 'слушать', 'услышать'. Слабая степень этого значения передается глаголом čalinmōq (qulōqqa čalinmōq): Ojōq šarpasi qulōɣimga čalindi 'Я (еле) уловил шорох ног'.

2. **Фонетико-лексический способ.** Для обозначения яркости света или блеска предметов употребляются разные формы глаголов (подражательные, звукоподражательные и др.), например: jaltiramōq, jiltiramōq, jarqiramōq, jaraqlamōq, ǯaraklamōq Elevatorniŋ čalavajrōn tōmida fonar jiltilladi (А. Мухтор) 'На развалившейся крыше элеватора мелькал фонарь'; Xōnalarniŋ hammasi ōzōda, dereza pardalari ōppōq... uj anǯomlari jiltirajdi (Саид Аҳмад) 'Все комнаты были опрятны: занавеси были белоснежными... блестели все предметы'.

Убывающую иерархию глагольных форм можно проследить на следующих примерах: jaraqlamōq (jarqillamōq), jaltiramōq (jaltillamōq), jiltiramōq (jiltillamōq) и др. Характерным для этих глаголов является то, что их значение связано также и с величиной объекта.

Глагол miltillamōq 'поблескивать', 'мерцать', образованный при помощи аффикса *-la,* употребляется для обозначения слабой степени блеска; например, Ōlis-jaqinlarda bitta-ikkita ot mušuk kozidaj miltillardi (Х. Гулом) 'Вдали мелькали огни, словно глаза кошки'.

Воспринимаемые слухом человека звуки внешнего мира могут быть высокими и низкими, сильными и слабыми, вызывающими соответствующие, вполне конкретные впечатления. Обычно определенная часть этих звуков в речи условно выражается подражательными словами. Качественные же их различия (сильный — слабый, высокий — низкий) передаются фонетическими средствами. Например, при передаче слабых звуков в первом слоге глагола используются звуки *i* и *u,* для сильных звуков более употребительны звуки *a, o, ū:* tiqirladi (tiqilladi), tiriqladi, taqirladi (taqilladi), šaqirladi (šaqilladi), šiqirladi (šiqilladi), šōvulladi,

---

[4] Наивысшую степень интенсивности ощущаемой теплоты выражает слово qajnōk 'горячий'. Однако глагольная форма этого слова qajnamōk 'кипеть' означает уже не степень теплоты, а действие иного характера.

šuvulladi, šaldiradi, šildiradi и т. д. Передача отдельных издаваемых человеческим голосом звуков производится такими глаголами, как hiŋilladi, hiriŋladi, hoŋradi, haŋilladi, čijilladi, čirqilladi и др.

3. **Морфологические средства.** 1) В этом случае глаголы, принимая соответствующие аффиксы, выражают различные степени движения.

Иногда движение выражается при помощи глаголов, образованных от звукоподражательных слов при помощи аффикса *-la*. Причем некоторые глаголы при помощи того же аффикса *-la* выражают многократность действия. Например: soramoq 'спросить', sūroqlamoq 'спрашивать', sijpamoq 'погладить', sijpalamoq 'поглаживать' и т. д.

Аффикс *-sira (-imsira)*[5] употребляется для выражения недостаточности и незавершенности действия. Например, kulimsiramōq 'улыбаться', jiγlamsiramōq 'приготовиться плакать', gumōnsiramōq 'иметь некоторое подозрение'. Характерным для глаголообразующего аффикса *-sira* является то, что он присоединяется к существительному или же к корню слова посредством другого аффикса *-m(-im)*: Ertōjev ularga kulimsirab tikilib turardi (О. Ёқубов) 'Эртоев глядел на них улыбаясь'; Qurib ketsin! — dedi u jiγlamsirab. — Oqušiŋ bōšiŋdan ōrdōna qōlsin, Mastōn! (А. Қаххор) 'Будь проклята! — плача сказала она. — Пусть пропадет пропадом твое учение, Мастан!'. Однако глаголы ujqusiramōq 'бредить', qōnsiramōq 'жаждать крови', suvsiramōq (suvsamōq) 'испытывать жажду', sensiramōq 'тыкать' (обращаться на «ты»),образованные с помощью этого же аффикса, не выполняют указанной выше функции. Разумеется, в подобных случаях необходимо различать присоединение данного аффикса как к деривату на *-m* (jiγlamsiramōq), так и к другим именам (ujqusiramōq).

А. Н. Кононов, рассматривая аффиксы *-kira||-kira, -(i) msira* как «аффиксы, ослабляющие значение исходной основы», пишет: «... аффикс, образующий глаголы от имен, обозначает симуляцию, подобие, сходство со значением сходной основы»[6].

Элемент *-jōz*[7] показывает не слабость или интенсивность действия, а незавершенность его или только приближение к завершению: La'li ōrqaga tisarilmōqči edi... jiqilib tušajōzdi (Х. Ғулом) 'Лали хотела отступить назад... и чуть не упала'.

Следует заметить, что в произведениях А. Қадири и А. Каххара данный элемент встречается вместо вспомогательных глаголов bošla- и deb: Kelgan kunimdan... musofirčilik bilinajōzgan edi (А. Қодирий) 'Мое одиночество ощущалось со дня моего приезда'; Qōš qōrajib qōrōnγi tušajōzgan edi (А. Қодирий) 'Наступил вечер, начинало темнеть'. Здесь следовало бы использовать bilina bōšlagan, tuša bōšlagan: Ošanda ham Qalandarov «hoš qalaj, išlar bilan tanišajōzdiŋizmi?» dedi-ju, ǯavōb ham kutmaj otdi ketdi (А. Қаххор) 'И тогда Каландаров спросил: «Ну как, успели познакомиться с делами?» и, не дожидаясь ответа ушел'. В подобных случаях целесообразно применять форму tanišib bolaj dediŋizmi?, поскольку аналитическая форма -aj+de (deb, dedi) по отношению к форме -ōz (-jōz) выполняет функцию стилистического синонима. Ср.: bōšini urajōzdi — bōšini uraj dedi и др.

Формант *-qira (-ing' ira)*. Функция данного аффикса близка к функции элемента *-jōz* и употребляется как для передачи психологического

---

[5] А. Гулямов подобные аффиксы (например, *-imsira, -ingira, -la, -a*) относит к категории вида глаголов. См.: *А. Ғуломов.* Указ. раб., стр. 425.

[6] *А. Н. Кононов.* Указ. раб., стр. 270.

[7] А. Н. Кононов и А. Ходжиев рассматривают этот элемент как вспомогательный глагол, сочетающийся с деепричастием на *-a (-aj)*. См.: *А. Н. Кононов.* Указ. раб., стр. 267; *А. Ҳожиев.* Ўзбек тилида кўмакчи феъллар. Тошкент, 1966, стр. 182.

состояния лица, так и недостаточности выражаемого значения; например, Ba'zi kišilar bu ikki dugonaniŋ traktor hajdašiga... išonqiramasdan qarar edi («Қизил Ўзбекистон») 'Некоторые с недоверием смотрели на этих двух подружек, которые управляли трактором'; — Har narsa, tanij olmajapman, — dedi u ujalinqirab (М. Исмойлий) '— Ей богу, не могу узнать вас, — сказал он стыдясь'; — E, salom! — Nazarov qizarinqirab bloknotini jaširdi (А. Мухтор) 'Э, привет! — Назаров, покраснев, спрятал свой блокнот'; Buniŋ ustiga bobosiniŋ hikojalariga Azimʒon unča tušinqiramajapti ham šekilli (А. Мухтор) 'К тому же, кажется, Азимджан не очень понимал рассказы дедушки'; Uniŋ terlab, qizarib turgan juzi birdan oqarinqiragandaj boldi (А. Мухтор) 'Его вспотевшее, покрасневшее лицо вдруг побледнело'.

Формант *-in* (в составе аффикса *-inqira*) передает значение возвратного залога. Глаголы bosinqiramoq, esanqiramoq формально сходны с вышеприведенными глаголами, но не выражают степени состояния или движения.

Формант *-iq*. Данный аффикс малоупотребителен: namiqmoq toliqmoq, činiqmoq и др. В этом ряду только глагол namiqmoq способен выразить недостаточность передаваемого им значения: Ғulomʒon namiqqan kozlarini bolalarga tikib, xomuš turar edi (М. Исмоилий) 'Гулямджон грустно смотрел на детей влажными глазами'. По своей словообразовательной структуре дериват činiqmoq аналогичен слову namiqmoq, однако он не передает оттенка недостаточности. Что же касается слова toliq (от глагола tolmoq), то оно, будучи аффиксальным омонимом, сюда не относится.

Формант *-sin* равным образом служит для выражения недостаточности степени состояния: qiziqsinmoq, jotsinmoq, kamsinmoq, qimmatsinmoq и т.д. В этом случае он является омоформой повелительного наклонения: borsin, kelsin.

Глагол qirmoq 'стричь' не имеет форм, обозначающих степень действия. В связи с этим для усиления значения данного глагола иногда употребляется глагол qirtišlamoq: — Durust, sartaroš soč olgandaj qirtišlab olar ekansiz (Ойбек) '— Хорошо, вы косите так, как парикмахер стрижет волосы'.

По данной модели образуется еще и глагол tirtišlamoq 'напрягаться', 'стараться'. Но в современном узбекском языке основа данного глагола сама по себе не является семантической единицей, ср.: tirišmoq 'стараться'.

Для выражения недостаточности степени состояния употребляется также аффикс *-rok:* Ajol kostjumini asta taxladi-da, ... xuddi kozi qijmagandajroq uzatdi (А. Мухтор) 'Женщина потихоньку сложила свой костюм... и без особого желания передала его'. Ср. также oqarib — oqaribroq, oqargan — oqarganroq, bilinib — bilinibroq. В данных примерах аффиксы присоединены к причастной и деепричастной формам.

2) Морфолого-синтаксический комплекс[8]. Степени действия выражаются и способом словосложения (деепричастия на *-(i)b* или *-(a)j*+вспомогательный глагол). Например, деепричастия на *-(i)b*+глагол taštamoq выражают активно осуществляемое действие или действие завершенное: U kirni bir pastda juvib tašladi 'Она моментально выстирала белье'; U hamma huʒʒatlarni jirtib tašladi 'Он разорвал все документы' и др.

Деепричастия на *-(i)b*+глагол jubormoq выражают быстро (внезапно, умело, нечаянно) осуществляемое действие: Ular tojni bošlab

[8] Ср.: *А. Н. Кононов.* Указ. раб., стр 263.

juborišdi 'Они начали свадьбу'; U qatiqni tokib jubōrdi 'Он нечаянно разлил кислое молоко' и т. д.

4. **Синтаксический (стилистический) способ.** В данном случае наряду с лексическими и морфологическими средствами широко употребляются такие вспомогательные элементы, как sal, birōz; например, Sal namiqqan ilōn izi jollar čoldagi jolōvčiniŋ juragini hōvriqtirdi (А. Мухтор) 'Влажные, извилистые дороги тревожили водителя'.

Для выражения слабой степени слышимости и видимости иногда употребляется глагольная форма čalinmōq в сочетании со словами типа koz, qulōq, однако степень слышимости может быть низкой по разным причинам. Кроме того, данная форма употребляется и в тех случаях, когда речь идет о неопределенных вещах или о каких-либо слухах, например, Sal narida jōtgan Agafon tōγa bilan čotir Andrejniŋ salmōq bilan davōm etgan suhbati qulōqqa čalinardi (А. Мухтор) 'Беседа дяди Агафона с рябым Андреем, которые лежали недалеко, была слышна'. Словосочетание kasalga čalinmōq к/данному случаю не относится.

Недостаточная или неопределенная слышимость может передаваться сочетаниями qulōqqa kirmōk (qulōqqa čalinmōq); например, Elmurōd... endi kozi ilingan edi, kimniŋdir: «Kombat qajerda?» degan tašvišli tōvuši quloγiga kirib qōldi (Шуҳрат) 'Элмурад... только засыпал, когда послышался чей-то тревожный голос: «Где комбат?»'; Lekin tinč, ōdam šarpasi kōzga čalinmas edi (А. Мухтор) 'Но было спокойно и не было видно ни одного человека'.

В современном узбекском литературном языке имеется множество глагольных форм, указывающих на степень действия или состояния. В данной статье мы ограничились рассмотрением только некоторых из них.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

Э. Н. НАДЖИП

О ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКА НАЧАЛА XIII ВЕКА «КЫССА- И ЮСУФ» АЛИ

Поэма Али «Кысса-и Юсуф» или, как ее еще называют, «Юсуф и Зулейха», созданная в начале XIII в., является одним из наиболее ранних памятников литературы тюркоязычных народов. Дата и место написания поэмы, племенная принадлежность ее автора точно не установлены. Татарский литературовед Джавад Алмаз[1] в своем докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. сообщил, что им исследовано одиннадцать списков этого памятника, которые датированы поразному. В шести списках указан 609 г. хиджры, а в трех — 630 г., соответствующие 1212 и 1233 гг. христианского летосчисления. Два списка вообще не датированы.

Ученые, исследовавшие язык поэмы, высказывали о нем различные мнения. Так, Х. Флейшер[2] считает язык памятника смешанным татарским или огузским. Однако в прошлом название татары относили ко многим тюркоязычным племенам. Татарами называли даже азербайджанцев, уйгуров, западносибирские тюркоязычные племена и т. д. Кого имел в виду Х. Флейшер, остается неизвестным. Татарские ученые Ш. Марджани[3] и Б. Ягфаров[4] считали памятник булгарским, точнее камско-булгарским. Такого же мнения и В. Перч[5], назвавший язык поэмы древнетатарским, вернее старотатарским. Джавад Алмаз придерживался этого же мнения, о чем подробнее будет сказано ниже. М. Хоутсма[6] справедливо заявлял, что при определении языка памятника нельзя исходить из сопоставления его с каким-либо из современных живых языков. Значительная разница между литературным и разговорным языками существовала всегда, поэтому, утверждает М. Хоутсма, возражая Х. Флейшеру, нельзя язык данного памятника считать татарским, ибо в тот период татарский литературный язык еще не был вполне сформирован.

---

[1] *Джавад Алмаз.* «Кысса-и Юсуф» Али — Булгаро-татарский памятник. — В сб. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов». М., 1960.

[2] *H. Fleischer.* Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae reglae Dresdensis scripsit. Lipsiae, 1831, № 49, стр. 72.

[3] ش. مرجانى .القسم الاول من كتاب مستفاد الاخبار فى احوال قزان والبلغار .قزان ١٨٩٧، صحيفه ١٤ــ١٣

[4] *Б. А. Ягфаров.* Литература камско-волжских булгар X—XIV вв. «Нахдж-эль-фарадис». Канд. дисс. Казань, 1950.

[5] *W. Pertch.* Die Handschriftenverzeichnisse der koniglichen Bibliothek zu Berlin, VI Band, Verzelchniss der Turkischen Handschriften. Berlin, 1899, стр. 359.

[6] *M. Houtsma.* Ein altturkisches Gedicht, ZDME. Leipzig, 1889, стр. 73.

По мнению М. Хоутсма[7], язык «Кысса-и Юсуф» очень близок языку Рабгузи и «Кутадгу билиг», а также уйгурскому и оформившемуся позже чагатайскому.

В Каталоге Ріё[8] язык памятника зафиксирован как бухарский, среднеазиатский.

Татарские литературоведы Г. Газиз и Гали Рахим[9], подвергнув подробному анализу язык памятника (см. вторую часть первого тома «Истории татарской литературы»), пришли к заключению, что очень трудно определить его языковую принадлежность. Можно лишь с уверенностью утверждать, что он не создан в Малой Азии. Многие глагольные формы и большое количество соответствующих слов указывают на то, что памятник написан языком, близким к чагатайскому. Встречаются в тексте и такие куманские и уйгурские слова, как us 'ум', 'память'. Однако зафиксированы и близкие татарскому языку выражения. Авторы отмечают, что в памятнике имеются такие формы, как dačy, отсутствующие в куманском, но встречающиеся в орхонских надписях. Наряду с этим попадаются глагольные формы, не зафиксированые в тюркских литературных языках, но бытующие в отдельных диалектах народов Средней Азии. Конечным выводом авторов является следующий: поэма написана в одном из культурных центров Средней Азии, но не в Мавераннахре. Язык поэмы очень прост, без выраженного влияния персидского языка, благодаря чему она получила широкое распространение среди многих тюркоязычных народов. Именно поэтому в отдельных списках встречаются элементы, не характерные для языка самого оригинала поэмы, внесенные переписчиками.

Таким образом, указанные авторы высказывают убеждение, что данный памятник создан в Средней Азии на одном из среднеазиатских диалектов тюркоязычных народов.

К. Брокельман считал язык поэмы староосманским[10]. Известный турецкий тюрколог Ф. Кёпрюлюзаде[11] и Е. Э. Бертельс[12] относили его к хорезмскому. В опубликованных ранее работах мы гипотетически придерживались этого же мнения[13].

Джавад Алмаз утверждал, что язык памятника булгарско-татарский, древнетатарский и что поэма была создана на территории Камско-Булгарского государства[14]. В доказательство этого предположения им приводились нижеследующие факты.

Данный памятник мог быть создан в государстве с развитой культурой, о чем свидетельствует вполне сложившийся язык поэмы. Таким государством в период создания памятника, по мнению автора, была Волжско-Камская Булгария со смешанным тюркско-хазарским

---

[7] *M. Houtsma.* Указ. раб., стр. 73.

[8] «Catalogue of the turkish Mss in the British Museum», стр. 270

[9] ع. عەزيز ، عەلى رحيم تاتار ادبياتى تاريخى .برينجى جلد. بورنغى دەور . ئيكينجى بولك.

[10] *C. Brockelmann.* Ali's Qissa'i Jusuf, Der alteste Vorlanfer der osmanischen Literatur. Berlin, 1916, № 5, стр. 59.

[11] كوپرلو زآده تورك ادبياتى تاريخى .استانبول ١٩٢٦ , صحيفه ٢٧٧

[12] *Е. Бертельс.* Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV в. — «Новый мир», 1939, № 9, стр. 271.

[13] *Эмир Наджип.* Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер язма истәлекләре турында. — «Совет әдәбияты», 1957, № 12, стр. 81.

[14] *Джавад Алмаз.* Указ. раб., стр. 1.

языком, в то время как в государствах сельджукидов, караханидов и хорезмшахов литературным языком в эту эпоху был персидский; что касается Хорезма, то он окончательно был отюречен только после нашествия монголов. Далее автор утверждает, что Алишер Навои не упоминает в «Маджалис ан-Нафанс» автора поэмы, а Дурбек свое одноименное произведение называет первым, созданным на эту тему.

Однако так ли все это? Разве точно установлено, что хазарский язык был тюркским? Как можно доказать смешанность в данном памятнике тюркского языка с хазарским? Разве еще раньше, в XI веке, при караханидах на берегах реки Чу именно на тюркском языке (а не на персидском) не было создано такое крупное поэтическое произведение, как «Кутадгу билиг»? Разработанность языка этого произведения свидетельствует о том, что оно не могло быть создано на пустом месте, и ему, очевидно, предшествовали другие произведения, написанные на том же тюркском языке, но не дошедшие до нас. В XII веке появились мистические стихи Ахмада Есеви. В дальнейшем такая поэзия получила развитие в Хорезме, о чем говорят хикматы Хаким-ата и его последователей, написанные под сильным влиянием Ахмада Есеви. Известно, что Хорезм именно в этот период был одним из культурных очагов тюркского мира. Следовательно, литературные произведения создавались, начиная с XI века, на обширной территории тюркского мира, простирающейся от берегов Чу далеко на северо-запад. Не соответствует действительности и утверждение автора о том, что Хорезм подвергся окончательной тюркизации после прихода монголов. Хорошо известно, что к этому времени процесс ассимиляции местного населения Хорезма полностью был завершен. Кроме того, в указанную эпоху на территории Хорезма тюркоязычные племена — кыпчаки и, главным образом, огузы составляли преобладающее большинство. Ведь для полной ассимиляции и отюречивания персоязычных хорезмийцев необходимо было, чтобы ассимилирующие племена, то есть в данном случае тюркоязычные, составляли подавляющее большинство населения и обладали не менее высокой культурой, чем аборигены. Кроме того, процесс ассимиляции населения целого государства длится столетиями.

Алишер Навои вообще не упоминает о писателях, поэтах и ученых, живших и творивших на нижнем течении Сыра, в Золотой Орде, Мамлюкском Египте и т. д. Он, конечно, мог и не знать многих поэтов и писателей, творивших до него даже на территории Мавераннахра и в Хорасане, не говоря уже о более дальних краях. В период междоусобных войн и нашествия монголов, когда города и целые страны подвергались опустошению, редкие рукописи, созданные за пределами Мавераннахра, могли и не дойти до Хорасана, где жил Алишер Навои.

То же можно сказать и об утверждении Дурбека, который также мог не знать о сочинении Али, жившем за двести лет до него.

Далее Дж. Алмаз останавливается на конкретных языковых фактах. В частности, он утверждает, что языком памятника является смешанный огузо-кыпчако-восточный и, ссылаясь на К. Брокельмана, указывает, что фонетика памятника характерна для казанско-татарского языка, морфология его занимает среднее положение между морфологиями южных и восточных языков, а словосочетания точно совпадают с таковыми в татарском языке дореволюционного периода[15]. Автор приводит ряд примеров из лексики памятника, встречающихся, помимо данного памятника, и в других многочисленных тюркоязычных памятниках, начиная с енисейско-орхонских. В результате автор

[15] Вспомним вышеупомянутое утверждение Г. Газиза и Гали Рахима относительно некоторых выражений. Именно о ряде выражений и идет речь.

приходит к несколько, на наш взгляд, неожиданному выводу о том, что «лексика К. Ю. имеет смешанный характер и до некоторой степени отражает лексику татар, башкир, туркмен, узбеков, казахов, азербайджанцев, турок и др., но за малым исключением она присуща только татарскому литературному языку, если взять его в историческом аспекте». Вывод достаточно сомнительный и довольно-таки странный. Ведь многие из языковых фактов, приведенных автором в историческом плане, зафиксированы в многочисленных тюркоязычных исторических памятниках и словарях, начиная от енисейско-орхонских памятников и «Кутадгу билиг». Что же касается тех грамматических и лексических элементов, которые не встречаются в известных нам памятниках, то они не зафиксированы также и в старотатарском языке даже в «историческом аспекте».

Неожиданным вывод автора является еще и потому, что хотя лексика памятника, по его словам, отражает лексику ряда тюркоязычных народов, но все же язык его — старотатарский литературный. Если в памятнике зафиксированы некоторые совпадающие с татарским выражения, то не в меньшем количестве там встречаются и выражения, имеющиеся, в частности, в туркменском языке. Чтобы доказать, что язык памятника не имеет никакого отношения к старохорезмскому языку, Дж. Алмаз ссылается на словарь аль-Замахшари в издании Н. Н. Поппе. Нельзя забывать, однако, что в издании Н. Н. Поппе ни в коей мере не отражен язык населения Хорезма той эпохи, не говоря уже о том, что оно имеет много существенных недостатков. Далее автор утверждает, что язык «Кысса-и Юсуф» сходен с языком поэзии Ахмада Есеви и Бакыргани, широко распространенной среди татар. Нельзя забывать, однако, что стихи Ахмада Есеви были созданы не в Булгарии, а на нижнем течении Сырдарьи, и в ту эпоху были особенно популярны именно в Хорезме, где поэт имел многочисленных последователей, писавших в подражание ему стихи мистического содержания на простом, общедоступном языке. В лексике и грамматике этих произведений отсутствуют даже те немногие архаизмы, которые зафиксированы в поэме Али. Очень велики и фонетические расхождения. Сравнение языка Али с языком Ахмада Есеви не подтверждает сказанного Дж. Алмазом.

О булгарском происхождении памятника, по мнению автора, говорит и то, что язык камских булгар был таким же смешанным, как и язык поэмы Али. А разве язык таких средневековых памятников, как «Хосрау и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Кысас» Рабгузи, «Атебатуль-Хакаик», «Гулистан» С. Сараи, среднеазиатский «Тефсир» и другие, не является столь же смешанным как фонетически, так грамматически и лексически? В одних из этих памятников больше огузских, в других — кыпчакских элементов. Одни в большей степени испытали влияние уйгурского языка или уйгурской литературной традиции, а другие — в меньшей. Все современные тюркские языки в той или иной степени также являются смешанными.

Смешанными были в средние века все без исключения тюркские языки на территории Сырдарьи, Хорезма, Средней Азии, Золотой Орды, Мамлюкского Египта и не только в области лексики, но также фонетики и морфологии. Все сказанное относится и к языку поэмы Али.

Распространенность памятника среди татар также не свидетельствует о его татарском, в данном случае булгарском, происхождении. «Хикматы» Ахмада Есеви, а также стихи Бакыргани, хотя и не были созданы на территории Булгарского государства, получили широкое распространение среди татар. В этом отношении до некоторой степени правы Г. Газиз и Гали Рахим, утверждавшие, что распростра-

нению «Кысса-и Юсуф» среди ряда тюркоязычных народов способствовала доступность языка поэмы. Так обстоит дело и со стихами Ахмада Есеви, Хаким-ата, язык которых еще более доступен. Мы уже выше оговаривались, что не вполне согласны с мнением авторов о простоте языка «Кысса-и Юсуф». Как уже отмечалось, язык поэмы изобилует архаизмами, которые были недоступны и непонятны многим читателям или, вернее, слушателям, однако доходчивым было общее романтическое содержание поэмы. С живым интересом слушали, например, «Мухаммадия» Челеби, хотя и не все в языке этого произведения было понятно слушателям.

Вызывает определенное недоумение и сам вывод Ш. Марджани, по мнению которого язык «Кысса-и Юсуф» содержит чагатайские, османские, туркменские и казахские элементы, но является татарско-булгарским.

В связи с этим Дж. Алмаз утверждает, что татарский литературный язык вплоть до Октябрьской революции развивался на основе языковых традиций, нашедших отражение в рассматриваемой поэме. При более внимательном изучении языка поэмы и сравнении его с дореволюционным татарским языком эти выводы автора не подтверждаются. Без каких-либо аргументаций «История Татарской АССР»[16] утверждает, что «в словаре лингвиста XI века Махмуда Кашгарского имеются отдельные стихи на булгарском языке». Какие стихи имеют в виду авторы этого труда? Возможно, следующую строку: *Идиль сувы ака турур?!* Однако кто доказал, что этот стих, в котором Идиль — Волга[17] только упоминается, написан на булгарском языке? Далее автор этого раздела «Истории» пишет, что у булгар имелась и своя литература на булгарском языке. История сохранила и имя поэта Гали. Речь здесь идет об авторе «Кысса-и Юсуф».

Неаргументированные рассуждения об этой поэме и ее авторе содержатся и в статье Х. Мухамметова «Древнетатарская литература» (на татарском языке)[18]. Автор так же необоснованно сообщает о стихах на булгарском языке, дошедших до нас благодаря Словарю Махмуда Кашгари. Более того, он далее пишет, что и «составление таких словарей, как „Кодекс-Куманикус", свидетельствует о том, что в Волжско-Камской Булгарии существовала настоящая художественная литература». Не правда ли, любопытная логика! Спрашивается, какое отношение имеет «Кодекс-Куманикус», созданный миссионерами в более поздний период для изучения языка куманов, к камским булгарам? Как можно наличием этого словаря аргументировать существование художественной литературы в Волжско-Камской Булгарии?

Далее автор на основании легенды, взятой из составленной в 1805 г. неким Ялчыгол-оглы «Истории Булгарии», повествующей о появлении в Булгарии дракона и искажающей исторические факты (сообщается, например, что якобы в конце XII в. Тимур разрушил город Булгар, а некто Туси в этот же период разорил Хорезм и т. д.), пытается составить биографию поэта. В 1897 г. эта легенда попадает в книгу М. Уметбаева «Ядкар» и, наконец, благодаря «научному усердию» Х. Мухамметова появляется на страницах такого солидного труда, как «Древняя татар-

---

[16] «История Татарской АССР», т. I. Казань, 1955, стр. 74.

[17] Хотя *Итил* в историческом плане не только Волга, но и вообще большая река, однако в данном случае, по-видимому, речь идет именно о Волге.

[18] «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 67.

ская литература», в которой говорится буквально следующее: поэт Али родился в Булгарии, получил образование в Хорезме, где в течение 45 лет преподавал в медресе и писал свою поэму не на языке населения Хорезма, а на булгарском. Х. Мухамметов утверждает, что «Таашшукнаме» Сиди Ахмада, внука Тимура, жившего при Шахрухе и, по утверждению Алишера Навои, писавшего на тюркй и фарсй, создано на территории Золотой Орды. До сих пор тюркологи считали, что оно создано в Мавераннахре в 1435—1436 гг. По словам самого поэта, он написал эту поэму за шесть дней (по всей вероятности, в Самарканде).

В «Антологии татарской поэзии» (на русском языке), составленной Михаилом Львовым, на стр. 46 сказано еще определеннее: «Поэма „Йосеф ва Золейха" — одно из первых любовно-романтических произведений, созданных на татарском языке»[19]. (Уже даже не булгарский и древнетатарский!?).

В той же «Антологии татарской поэзии», но изданной на татарском языке, говорится: «„Йосыф и Зулейха" является первой любовно-романтической поэмой, написанной на старотатарском языке»[20].

Таким образом, одни исследователи считают, что язык и место создания поэмы Али точно не установлены, другие же — бездоказательно заявляют, что языком поэмы являются: татарский, старотатарский, древнетатарский, булгаро-татарский.

В настоящей статье мы не будем касаться вопроса о национальной принадлежности автора. Он мог быть и из Булгарии, и из какой-либо другой страны обширного в средневековье тюркоязычного мира. Язык произведения, как известно, не всегда определяется национальной принадлежностью автора. Установить язык исторических памятников можно лишь путем его кропотливого историко-сравнительного изучения и сопоставления с языком других памятников, национальная принадлежность которых известна науке. Безусловно, в области языка также существует историческая преемственность. Следует учитывать при этом и историю формирования и развития литературных языков.

Внимательное изучение языка «Кысса-и Юсуф» показывает, что он является смешанным, причем как в его фонетике, так и в морфологии и лексике преобладают огузские элементы, а именно: азербайджанские и туркменские. Такое явно выраженное преобладание во всех языковых сферах памятника элементов какого-нибудь определенного языка не может быть лишь результатом влияния литературной традиции. Это скорее говорит об основе языка. Следовательно, данный памятник мог быть создан там, где основную массу населения составляли огузские племена, среди которых жили и кыпчаки. Разработанность языка памятника со всей определенностью указывает на то, что он создан там, где уже до него существовали и другие литературные произведения, написанные на этом же смешанном языке с преобладанием огузских элементов. При этом, конечно, не следует забывать о том, что язык одного средневекового памятника обычно, по многим известным причинам, не совпадает полностью с языком другого памятника, созданного в той же среде и даже в тот же период.

Исследование языка памятника показывает, что он не только смешанный, многодиалектный, но и весьма архаичный.

В «Кысса-и Юсуф» имеются все архаичные элементы, зафиксированные в «Диване» Махмуда Кашгари и в «Кутадгу билиг». Наряду с этим в поэме имеется и значительное количество архаичных лексических

[19] «Антология татарской поэзии». Казань, 1957, стр. 46.
[20] «Татар поэзиясе анталогиясе». Казан, 1956, стр. 41.

элементов, отсутствующих в вышеупомянутых памятниках XI века. Таковы, например, iss 73/3 'хозяин', 'обладатель':dävlät isi 'государь', 'владыка', Mysyr isi 'правитель Египта'; oraǧ 10/15 'веревка'; oǧun- 30/8 'терять сознание' (сохранилось в современном турецком языке); ojłuq 3/24 'объятие' (в тур. «внутренняя сторона ляжки»); ajruqsy 9/15 'иной'; engiz 11/27 'подземелье'; bat 15/1 'снова'; bajyq 4/6 'истинный'; buš- 10/7 'гневаться'; tärkinlä- 20/8 'убыстрять' (у Махмуда Кашгари — tärkin); daračyq 43/21 'тесный'; druǧanlyq 'справедливость'; satu 59/18 'торговля'; qyz 65/28 'красный'; saǧ 64/8 'металлическая посуда'; qyzlyq 48/16 'засуха'; qylyċ 21/1 'раньше'; qančaru 44/28 'куда'; qandal:ǧ 20/4 'местонахождение' (от qanda 'где'); qanqy 26/25 'какой'; qajra 36/23 'снова', 'назад'; kertü 43/11 'истина'; dirnäk 'сбор', uǧatlu 'стыдливый'; buǧaǧ (ср. с современным buǧav) 'кандалы'; käläč 'совет', käläči 37/24 'стан', 'вид', 'строй'; känkäs 16/11 'трудно'; ked 43/22 'гнет', 'притеснение'; nešä 57/9 'зачем'; jaryndasy 'на следующий день'; jandyr- 'направлять', 'возвращать'; java 64/8 'потеря'; jäzländir- 6/9 'душить'; jig 8/18 'хорошо' и т. д.

Следует отметить, что некоторые из этих архаизмов, не зафиксированные даже у Махмуда Кашгари, встречаются в «Китаби дедем Коркут», и это обстоятельство сближает язык «Кысса-и Юсуф» с языком упомянутого эпоса. Так, в нем можно встретить iss 'владелец', ajruq 'иной', dälim 'много' (в «Кысса-и Юсуф» tälim), dirnäk 'собрание', 'сборище', jäjlä- 'нюхать' (в «Кысса-и Юсуф» jäδlä-), jig 8/18 'хорошо', qajry 'обратно', 'снова', qančaru 'куда', peča 'как' и т. п. Совпадают не только общетюркские лексические единицы, но и многие архаические элементы. Все это в известной степени указывает на то, что оба памятника созданы на одной территории и в одной языковой среде.

Преобладание огузских элементов прежде всего обращает на себя внимание в области фонетики. Так, например, по признаку d‖t не только в начальной, но и в средней и конечной позициях в словах язык памятника, безусловно, относится к d-группе тюркских языков. Отметим, однако, что зафиксировано незначительное количество слов параллельно с начальным d- и t-. Возможно, это — результат переписки. Некоторые слова переданы арабской графикой через d, в словах же с гласными заднего ряда поставлен арабский задний ط *тый* — ṭ. Из параллельного написания многих слов через د и ط следует, что они должны быть транскрибированы через d, то есть они относятся к группе d, а не t. Однако сравнительный анализ показал, что некоторые из слов, приведенных нами в списке III, все же должны быть транскрибированы через t.

В тексте поэмы встречаются слова, написанные через δ типа eδgü 'хороший'. В них иногда δ выпадает или чередуется с z или s. Эти слова приведены нами в списке V.

При исследовании языка памятника мы пользовались ранним изданием, опубликованным Казанским университетом в 1857 году. Приведем слова с d- в начальной позиции. Слово, переданное в арабском письме через d и арабский ط *(тый)*, мы при транскрибировании унифицировали и написали через d. В тех случаях, когда слово в тексте пишется и через d, и через t, нами указывались оба написания. Слова же, не имеющие d — дублета, мы привели отдельно в списке IV. Материалы рассматривались в сравнительно-историческом плане. Однако некоторые слова, написанные через ط *(тый)*, имеют только t-вариант, без d-варианта. Таковы, например, tamu (через *тый*) 18/8 и tamuǧ (через t) 9/3 'ад'; tapu (через t) 27/22, tapuǧ (через t) 29/17 и tapuǧ (через *тый*) 21/1 'поклонение', однако tap- 21/29, 22/15 'поклоняться' приводится только через t.

Все слова с фонетическими вариантами, безусловно, должны быть отнесены к огузским языкам, в частности к азербайджанскому и туркменскому. При транскрибировании турецких, азербайджанских и туркменских слов мы вынуждены были ради экономии места их орфографию по возможности унифицировать.

Список I. Слова с d- в начальной позиции[21]

1. dağ (с араб. *тый*) 'гора' 13/6. Тур., туркм. dağ.
2. dağy 'еще' 7/7. Туркм. dağy; хор. диал. dağyn; тур., азерб. нет.
3. dağla- 'подниматься на гору' 14/15. В современных языках нет.
4. daq- 'привязать', 'нацеплять' 10/6. Азерб. tax-; туркм. daq-.
5. dal 'ива' 32/6. КБ, тур., хор. диал. dal.
6. danğla-, danglaš- 17/26, 21/20, параллельно и tangla- 22/4 'изумляться'. Тур. danla-, danlaš-.
7. dar (через араб. *тый*) 'узкий' 35/5; darlyq 'узость' 35/5, darčyq 'узенький' 43/21; Тур., азерб., туркм., хор. диал. dar.
8. dara- 'расчесывать' 6/17. Туркм., азерб. dara-, тур. tara-.
9. daryğ 'беспокоиться', 'нервничать' 10/9. Азерб. daryx-, туркм. daryq-; тур. daryl- 'сердиться'.
10. daryq 'печальный', 'грустный' 12/3. См. п. 9.
11. dart- 'тянуть' 25/11:häsrät dart- 'печалиться' 67/28; qylyč dart- 'вытащить меч из ножен' 63/7; туркм. dart-.
12. datlu 38/5 и tatlu 7/26 'сладкий'. Азерб. dad, dadly; туркм. datly; хор. диал. dadlu.
13. däbrän- 'трогаться' 22/23. Тур. deprä-; туркм. tepren-; хор. диал. tärvän-.
14. dävä 19/7, tävä 21/10 'верблюд'. Др.-уйг. dävä; МК dävä (огуз.), tävä (тюрк.), däväj (огуз.), tevi (тюрк.); тур., туркм. deve, азерб. dävä.
15. däglü (nä däglü) 'какой' 23/2. Азерб. däk; туркм. dek.
16. degmä 26/2 и tegmä 29/6 'каждый', 'все', тур. degme.
17. dägül 18/1, digil 15/1 'не'. МК dağ, dağol, tägül; ДК degül; тур., туркм., азерб. degil (dejil); хор. диал. dügil.
18 däxi 'еще' 6/12. ДК däxi; тур. däha; туркм., азерб. däha.
19. de- 6/6 и te- 59/18 'говорить', МК, КБ te-, остальные de-.
20. deg- 'касаться', 'случиться' 35/4 и tegür 53/20 'доводить'. Тур., туркм. deg-; азерб. däj-.
21. degin 'до' 17/10. Тур. degin; азерб. däk.
22. degin- **'касаться', 'достигать' 14/11.** См. deg-, хор. диал. däj-.
23. digläп- 'отдыхать' 62/10. Туркм., тур. dinläп-; азерб. dinǯäl-.
24. der- 'собрать' 5/16. ДК der-; тур. derle-; азерб. däril-; derleme 'собирание'.
25. deräп 'глубокий' 9/22. ДК derin; азерб. därin, тур., туркм. derin.
26. diz 'колено' 21/3. ДК, тур., туркм., азерб., хор. диал. diz.
27. dizil 'строиться в ряд' 38/6. ДК, тур. dizil-.
28. dil 'язык' 13/13 и til 27/6. ДК, тур., туркм., азерб. dil.
29. dilä- 'хотеть' 5/6. Туркм., тур., азерб. dilä-.
30. diläk 'желание' 17/30. ДК, тур., азерб., туркм. diläk.

[21] При составлении данного списка включенные в него d-вариантные слова сравнивались со словами, зафиксированными в древнеуйгурских памятниках, в «Кутадгу билиг» и в Словаре Махмуда Кашгари, а также с современными узбекским и татарским языками. При этом было установлено, что все эти слова в упомянутых памятниках и языках оказались t-вариантными. Поэтому они были нами исключены из списка. В данном списке не столь важно полное совпадение написания слов с общим значением, сколько совпадение их начального звука.

31. dip 'дно' 9/21. ДК, тур., азерб., туркм. dip.

32. derniš- 'строиться', 'сгруппироваться' 6/9. ДК dernäk 'группировка', deril- 'собираться', тур. dernek 'собрание'; азерб. därnäk 'кружок'.

33. dyngla- 'слушать' 27/13. Тур., туркм., азерб. dinlä-; ДК dinlä-.

34. dyrnaq 'ногти' 38/6. Азерб. dyrnağ; туркм. dyrnaq; тур. tyrnaq; хор. диал. dyrnaq и dynnaq.

35. dyš (с *тый*) 40/9 и dyšra (с *тый*) 15/6 'вне', 'внешний', параллельно и tašqary 11/12. Тур. dyš, dyšary; азерб. dyšary, туркм. daš и dašary; хор. диал. deš.

36. doğ- 'восходить', 'родиться' 15/15, 38/11. Тур., азерб., туркм., хор. диал. doğ-.

37. doğry 'правда' 16/13; doğrylyq 'честность' 52/23. Туркм. doğry; азерб., тур. doğru, doğruluğ.

38. doj- 'насытиться' 17/23, 'насыщаться' 7/26. Азерб., тур., туркм. doj-.

39. doqyn- 'коснуться', 'достигнуть' 39/20. Тур. doqun- 'коснуться', туркм. doqun- 'насытиться'.

40. dolan 7/27, dolun 27/19, dolu (через ь) и 15/15 через (*тый*) 33/17, doldur- (через *тый*) 15/5; тур. dolu, doldur-; туркм. doly.

41. doluğla- 'наполнять' 15/5. Тур., азерб., туркм. doldur-.

42. don (через *тый*) 6/18 и ton 10/11. Тур., азерб., туркм. don.

43. dön- 'возвращаться' 7/2; 'изменяться' (в лице) 6/12, döndür- 'отвернуть' 17/18, 'тянуть' 53/17. Тур., азерб., туркм., хор. диал. dön.

44. dögil- 'рассыпаться' 38/20; dögül- 'проливаться' 67/3; dök- 'проливать' 7/12. Тур. dök-, dökül-, хор. диал. dök-.

45. dört 62/18 и tört 2/8 'четыре'. Тур., туркм. dört; азерб. dörd.

46. dodaq 'губа' 38/5. Тур. dudaq; туркм. dudaq; азерб. dodağ; хор. диал. dodaq, dudaq.

47. duj- 'чувствовать' 41/19. Тур., туркм., азерб. duj-.

48. dul (через *тый*) 'вдова' 52/11. Тур., туркм., азерб. dul.

49. dur- 4/27, tur- 14/19 'встать', 'тронуться', dura-dura- 16/14 'постепенно'. Тур., туркм., азерб., dur-.

50. dut- 7/5 'держать', 'поймать'; вспом. гл. при имени (Qulaq dut- 27/19 'слушать'); tut- 13/6 'поймать'. Тур., туркм., азерб. tut-.

51. dutat- 36/3 'зажигать'. Тур., туркм., азерб. dutat-.

52. dög- 7/23 'бить'. Тур. dög-; туркм. döv-; азерб. döj-.

53. dügäl 67/10 'полный'. Тур., туркм. tükel.

54. düzän- 37/1 'украшаться'; düzät- 21/22 'творить'. Тур. düzen-, туркм. düzel-, азерб. düzäl- и düzät-.

55. dün 6/14 'ночь', 'вчера'; dünä 5/12 'вчера'; düni-küni 29/3 'день и ночь', 'целый день'. Тур. dün 'вчера'; азерб. dünän 'вчера'; туркм. düjn 'вчера'; туркм. tün устар. 'ночь'; тур. tün 'вчера', 'ночь'.

56. dürlü 6/18 'разный'. Туркм. dürli.

57. düš 3/25 'сон'. Тур. düš; туркм. düjš; хор. диал. düš.

58. düš- 9/17 'добраться', 'достигать'; 12/11 'падать'; düšür- 7/12 'свалить'. Тур., туркм., азерб. düš- и düšür-.

Сопоставительное изучение в памятнике d-вариантных слов в начальной позиции убедительно подтвердило полное совпадение этой части лексики памятника с лексикой, бесспорно, о г у з с к о г о памятника «Китаби дедем Коркут» и с современными огузскими, особенно с т у р к м е н с к и м и а з е р б а й д ж а н с к и м языками и с туркменизированным ю ж н о х о р е з м с к и м диалектом узбекского языка. По этому признаку язык памятника очень далек от современного татарского языка, в котором все указанные в списке слова начинаются с t. Это — одна из фонетических особенностей языка памятника.

Список II. Слова с -d- в конечной и средней позиции

1. ad 4/1 'имя'. Тур., азерб. ad; туркм. at; хор. диал. ad.
2. qurd 5/22 'волк', но qurtdan 5/23 'от волка'. Тур. qurt; азерб., туркм. ğurd.
3. od 8/21 'огонь'. Тур., туркм. ot, но ody; азерб. od.
4. jedi 48/15 'семь'. Тур., туркм., азерб. jedi.
5. ked 43/22, 51/11 'гнет', 'угнетение'. Не сохранилось.
6. qapdyr- 5/23 'дать кусать'; тур. qaptyr-; туркм., азерб. ğapdyr-.
7. öldir- 5/24, öldür- 6/9 и öltür- 36/22 'убить'. Азерб., тур., туркм. öldür-.
8. ajd- 5/29 'говорить'. Туркм. ajt-, но ajdyp, тур. ajt-.
9. ešid- 42/17 'слышать'; азерб. äšit-; тур. išit-; туркм. äšid-.
10. ked- 23/11 'уходить'. Туркм., тур. git-; азерб. get-, но gidip, gedip.
11. qapdyr- 5/22 'дать возможность кусать'. Тур. qaptyr-, азерб. qapdyr-, qapdyrt-, туркм. qapdyr-.
12. artdyr- 11/20 'увеличивать'. Тур. arttyr, туркм., азерб. artdyr-.

Из-за недостатка места ограничимся этими примерами. Что касается слов с начальным t-, то они аналогичны словам в современных огузских языках. Таковы архаическое tälim 2/4 'много', toz 24/3 'пыль' и т. д. Teräk 35/15 'тополь' не встречается в турецком и азербайджанском языках, а в туркменском — deräk. Как видно из примеров, приведенных в списке II, и эта группа слов (включая словообразования) памятника за редким исключением, полностью совпадает со словами в азербайджанском и особенно — в туркменском языке. Однако встречаются и отдельные несовпадения.

Список III. Слова с z—δ вариантами

Выше уже отмечалось, что наряду с d-вариантными изредка встречаются весьма архаичные, но характерные для ряда средневековых памятников и языка отдельных родов тюркоязычных племен, главным образом Южного Хорезма, z—δ-вариантные слова, иногда чередующиеся с s-вариантными. Встречаются случаи выпадения в слове eδgü 'добрый', 'хороший' звука δ, так же как в некоторых средневековых памятниках и в ряде современных тюркских языков. Остановимся на примерах.

1. eδgü 4/16 и egü 5/9, 6/25 'хороший'. Тур. через egi — eji.
2. käδin 30/23 'после'.
3. yδ- 10/24, yz- 9/8 и iz- (izgil) 'послать', 'отправить'.
4. kaδğyr- 12/12 и kajğyr- 18/22 'горевать'.
5. jaδy 13/26 'долина', 'равнина'.
6. iδim 3/4 'мой бог'; nübüvät iδisi 13/16 'владеющий даром пророчества'; ärš iδisi 20/25 'владыка небесного трона'; dävlät ejäsi 24/25 'глава государства'; Mysyr isi 52/26 'владыка Египта', Mäğrib isi 7/20 'владыка Западной Африки', dävlät isi 33/3 'глава (правитель) государства'. В последних примерах isi, по-видимому, стяженная форма ijäsi.

В двух вариантах зафиксировано jaqtu 31/3 и jaxtu 31/20 'светлый', сохранившееся лишь в туркменском языке в виде jağty. Так, joq 33/17 'нет' и от этой основы joxsa 12/1 'иначе' и т. д.

Список IV. Слова с v- в начальной позиции

1. var 3/10 'есть'. Туркм. bar, тур., азерб., var.
2. var- 5/13 'пойти'. Туркм. bar-, азерб. и тур. var-.
3. ver- 3/6 'дать'. Туркм. ber-, азерб. и тур. ver- и т. д.

По данному пункту туркменский язык расходится с турецким и азербайджанским и с самим памятником. Характерно, что в хорезмском диалекте узбекского языка, как и в нашем памятнике, функционирует var-, ver-.

Список V. Слова с b- и m- в начальной позиции

В этом вопросе обращает на себя внимание смешанность языка или неустойчивость орфографии (быть может, результат ошибок, допущенных переписчиком). Приведем несколько примеров: män 7/17 и bän 3/7 'я'; bänim 7/26 'мой'; bäni 8/2 'меня'; mängä 12/20 и bängä 4/4 'мне', bänüm 33/1 'мой'; mundan songra 3/19 'впредь', 'после этого'; mundan öngdän 32/23 'до этого'; munlar 16/26 'эти'; bunda 33/7 'здесь' и т. д.

Приведенные выше примеры убеждают нас, что многие слова, написанные через арабское *кяф* (ﻙ) в начальной позиции, следует транскрибировать не через k, а через g, как в современных огузских языках. Таковы, например, gäl- 5/1 'приходить', gör- 5/20 'видеть', götär- 9/17 'поднимать', göstär- 11/19 'показать', geč- 12/22 'проходить', gir- 48/1 'входить' и т. д.

В словообразовании и в формообразовании преобладают характерные для огузских языков губные варианты аффиксов. Таковы, например, ulu 9/16 'великий', körklü 3/21 'красивый', datlu 3/21 'сладкий', sävüklü 5/8 'любимый', jarlu 7/4 'бедный', 'беднячка', gerü 7/4 'обратно', tatlu 7/26 'сладкий', dürlü 9/24 'разный', tonum 10/11 'моя одежда', olsun 10/12 'пусть будет', anglajup 11/12 'поняв', qulumuz 15/24 'наш раб', tyflum 20/1 'мой сын' и т. д.

Приведенные d-вариантные слова как в начальной, так в конечной и средней позиции убедительно показывают, какое важное место в лексике исследуемого памятника занимают огузские, в частности туркменские и азербайджанские, пласты. Эта группа слов полностью совпадает и с современной лексикой южнохорезмского диалекта узбекского языка. В памятнике значительное количество слов является общетюркским. Причем огузские элементы в его лексике занимают гораздо больше места, чем во многих других средневековых тюркоязычных памятниках, созданных тогда же или позже на огузско-кыпчакских и кыпчакско-огузских смешанных языках на территории Золотой Орды, в низовьях Сырдарьи, в Поволжье и Северном Хорезме. Выше нами уже отмечались d-вариантные слова, являющиеся в основном огузскими, и не только по своим фонетическим признакам. Приведем теперь из памятника слова, принадлежность которых огузскому языку едва ли вызывает сомнение. По возможности эти слова сопоставляются с соответствующей частью лексики «Китаби дедем Коркут» и южнохорезмского диалекта узбекского языка. Исследование Ф. Абдуллаева, естественно, не полностью охватывает лексику хорезмского диалекта. Разнохарактерность содержания «Кысса-и Юсуф» и «Китаби дедем Коркут» делает такое сравнение приблизительным. Вместе с тем оно дает очень много для правильного решения поставленной задачи о характере языка, месте создания и национальной принадлежности памятника.

Список VI. Огузские элементы в лексике «Кысса-и Юсуф»[22]

1. ağla- 17/21, ağlaš 6/6 'плакать'. Тур., туркм., азерб., ДК ağla-.
2. ančaq 25/7 'только'. Тур., азерб., ДК ančaq.

[22] Огузские элементы, включенные в прежние списки, здесь, за редким исключением, не повторяются.

3. ara- 12/23 'искать'. Тур., туркм., азерб. ДК ara-.

4. ary 6/8, aru 40/16 'чистый'. Тур. ary, азерб. aryn- 'очищаться', туркм. arassa-, ДК aru, хор. диал. aryğ, азерб. aru 'красивый'.

5. asmar-, ysmar- 6/22 'поручать'. Тур., ДК ysmar-, азерб. ysmarla-.

6. baba 12/23 'отец'. Тур., ДК baba 'отец', азерб., туркм. baba 'дед'.

7. bardağ 6/21 'посуда для воды'. Тур. bardaq 'стакан', азерб. bardağ 'кувшин'.

8. bašar- 3/5 'выполнять'. Тур., ДК, хор. диал. bašar-, туркм. bečer-.

9. bän 7/26 'я'. Тур. bän, азерб. män, туркм. men, ДК bän и män, хор. диал. män.

10. bängiz 7/10 'лицо'. Тур. beniz, азерб. bäniz, туркм. mengiz, ДК bängiz, хор. диал. mängiz.

11. bängzä- 'быть похожим'. Тур. benze-, азерб. bänzä-, туркм. mengze-, ДК bängzä-, хор. диал. mängzä-.

12. begän- 37/11 'одобрять'. Тур., туркм. begen-, азерб. bäjän-, хор. диал. bägän-.

13. bindir- 21/20 'сажать' (на коня). Тур. bindir-, азерб. mindir-, туркм. mündür-, ДК bindür-.

14. bing 2/8 'тысяча'. Тур. bin, азерб. min, туркм. müng, ДК bing, хор. диал. ming.

15. byraq- 53/17 'бросать'. Тур., ДК byraq-.

16. budağ 35/24 'ветвь'. Тур., ДК, хор. диал. budaq, азерб. budağ, туркм. pudaq.

17. büjlä и bejlä 19/23 'так'. Тур. büjlä, азерб. belä, туркм. bejle.

18. var 3/10 'есть'. Тур., азерб., ДК, хор. диал. var, туркм. bar.

19. var- 48/3 'пойти'. Тур., азерб. var-, туркм. bar-.

20. gibi 23/9 'подобный'. Тур., ДК gibi, азерб. kimi, туркм. kimin.

21. gizlä- 62/18 'спрятать'. Тур., туркм. gizle-, азерб., ДК, хор. диал. gizlä-.

22. göstär- 11/17 'показать'. Тур. göster-, азерб., ДК göstär-, туркм. görgez-.

23. ev 8/3 'дом'. Тур. ev, азерб. äv, туркм., хор. диал. öj.

24. egin 6/18 'плечо'. Тур. egin, азерб. äjin 'тело человека', туркм., ДК ägin.

25. ejmän- (äjmän-) 62/19 'стыдиться'. Тур., азерб. нет; туркм. äjmen-.

26. eksi- 2/18 'уменьшаться'. Тур. eksi, азерб., ДК äksil-; туркм. нет.

27. eksik 14/19 'дефективный'. Тур. eksik, азерб. äksilän-, туркм. нет; ДК äksük, äksüklük.

28. is (iss) 'владыка', 'обладатель', 'правитель'. ДК is; тур., азерб., туркм. нет.

29. inčüt- 56/19 'беспокоить', 'причинять боль'. Тур., ДК inčin-, азерб., хор. диал. inčit-, туркм. нет.

30. yraq 9/17 'далеко'. Тур., ДК yraq, азерб. yrağ, туркм. нет.

31. yrmaq (Nil yrmağy) 24/1 'река'. Тур., ДК yrmaq; азерб., туркм. нет.

32. jağryn 63/23 'спина'. Тур., азерб. нет; туркм. jağyryn, ДК jağryn.

33. jajan 7/13 'пешком', 'пеший'. Тур. jaja, азерб., jaja, jajağ; туркм. нет; ДК jajaq, jajan.

34. jalan 5/3 'ложь'. Тур., азерб., туркм., ДК jalan.

35. jalanǯy 'лжец'. Тур., туркм., азерб. ДК так же.

36. jaryn 6/6 'завтра'. Тур., ДК jaryn, азерб., туркм. нет.

37. jaryndasy 12/13 'на следующий день'. Тур. jarynda; см. jaryn.

38. jaxtu 31/20 'светило'. Тур., азерб. нет; туркм. jağtu, хор. диал. jaxty.

39. joldaš 56/25 ‘товарищ’. Тур., туркм., азерб., ДК так же.
40. jyldyrym 20/21 ‘молния’. Тур., туркм., ДК jyldyrym, азерб. yldyrym.
41. joxsa 12/1 ‘иначе’. Тур. joqsa, азерб., ДК joxsa.
42. joxsul 50/20 ‘бедняк’. Тур., туркм. joqsul, азерб., joxsul.
43. känd 6/17, kändü 5/19 ‘сам’. Тур., ДК kändü, туркм., азерб. нет.
44. körklü 3/21 ‘красивый’. Тур. körklü, туркм. görklü, азерб. körkäm, körkämli.
45. qavğa 15/3 ‘ведро’. Тур. qova, азерб. ğova, туркм. xova.
46. qavuš- 61/3 ‘соединиться’. Тур. нет; азерб. ğovuš-, хор. диал. qovuš-, qavuš-, quš-. См. qavšyr-.
47. qavšyr- 61/1 ‘соединить’. Тур. нет, туркм., азерб. ğovušdyr-, ДК qavšur-.
48. qaldyr- 23/28 ‘поднимать (руку)’. Тур. qaldyr-, туркм., азерб. ğaldyr-, ДК qaldur-.
49. qapu 3/11 ‘дверь’. Тур., хор. диал. qapy, азерб., туркм. ğapy, ДК qapu.
50. qaravaš 26/20 ‘невольница’. Тур., ДК qaravaš, азерб. ğaravaš, туркм. нет.
51. qo- 51/29 ‘класть’. Тур., ДК qo-, туркм., азерб. ğoj-.
52. qoqy- 25/21 ‘пахнуть’. Тур. qoqy-, азерб. ğoxu-, ДК qoxu-, туркм. нет.
53. qongšy 70/11 ‘сосед’. Тур. qomšu, азерб. ğonšu, туркм. ğonğšy, ДК, хор. диал. qongšy.
54. qurd 5/22 ‘волк’. Тур., ДК qurt, азерб. ğurd, туркм. ğurt.
55. qurtul- 20/9 ‘избавиться’. Тур. qurtul-, азерб. ğurtul-, туркм. ğutul-, ДК qurtul-, хор. диал. qutar-.
56. quč- 30/28 ‘обнимать’. Тур. quča-, qučakla-, туркм. ğučakla-, азерб. ğučağla-, ДК quč-, qučaqla-, хор. диал. qučaqla-.
57. qušaq 22/27 ‘пояс’. Тур., ДК qušaq, туркм. ğušaq, азерб. ğuršağ.
58. qušandyr- 6/20 ‘опоясывать’. Тур. qušat-, азерб. ğuršandyr-, туркм. ğušandyr-, ДК qušandyr-.
59. qušlyq 63/17 ‘позднее утро’. Тур. qušluq, туркм. ğušluq, азерб. нет.
60. nete 18/5 ‘так’. Тур. nitekim ‘да вот’.
61. oğlaq 11/24 ‘козленок’. Тур. oğlaq, туркм. ovlaq, азерб. oğlağ, хор. диал. ulaq.
62. oğlan 26/24 ‘мальчик’, ‘ребенок’. Тур., туркм., азерб., ДК хор. диал. oğlan.
63. oğlančyq 16/15 ‘младенец’. Тур., туркм. oğlančyq, азерб. oğlančyx.
64. oğra- (uğra-) 41/18 ‘встретиться’. Тур., туркм., азерб., ДК uğra-.
65. od 8/21 ‘огонь’. Тур., туркм. ot (но ody, odu), ДК od, хор. диал. ot.
66. ol- 2/6 ‘быть’. Тур., азерб., ДК ol-, туркм. bol-.
67. otağ 15/1 ‘жилище’. Тур. otaq (но otağy), туркм., азерб., ДК otağ, otax, otaq.
68. öng 10/4 ‘перед’. Тур., азерб. ön, туркм., ДК öng.
69. ört- 39/11 ‘прикрыть’. Тур., туркм., азерб., ДК, хор. диал. ört-.
70. saqyn- 5/8 ‘беречься’. Тур., ДК saqyn-.
71. saqynč 5/8 ‘осторожность’. Тур. sakynyš.
72. san- 38/28 ‘думать’. Тур., азерб., ДК san-, туркм. нет.
73. seviklü 5/8 ‘любимый’. Тур. sev- ‘любить’, азерб. sevimlü, туркм. süjümli, ДК sevgülü, хор. диал. sävün-, sövün- ‘радоваться’.
74. soj- 10/11 ‘снимать’. Так же тур., туркм., азерб., ДК.
75. suč 7/17 ‘вина’. Тур., азерб., ДК suč, туркм. нет.
76. sučluq 63/3 ‘виновный’. Тур., азерб., ДК sučlu; туркм. нет.

77. tatlu 7/26 и datlu 38/5 'сладкий'. Тур. tatly, азерб. dadly, туркм. datly, ДК tatlu.

78. toz 24/3 'пыль'. Так же тур., туркм., азерб., ДК.

79. toquš- 71/9 'сталкиваться'. Тур. toquš-, азерб. toxun-, ДК toxyn- и tokyn-.

80. uju- 3/24 'уснуть', 'спать'. Тур. ujqu, азерб. juxu, хор. диал. uxu и uxy 'сон'; туркм. uxla-.

81. ulu 3/16 'старший'. Тур., азерб., ДК ulu; туркм. uly, хор. диал. ully.

82. um- 61/13 'надеяться'. Тур., азерб., ДК, хор. диал. um-, туркм. umyt 'надежда'.

83. us 60/23 'память', 'ум'. Тур., ДК us, туркм., азерб. нет.

84. usan- 3/21 'надеяться'. Тур., азерб., ДК usan-; туркм. нет.

85. utan- 39/12 'стесняться', 'стыдиться'. Тур., азерб., туркм. так же.

86. uǯyz 71/13 'дешевый'. Тур., азерб. uǯuz; туркм. uǯyz.

87. čaǧyr- 12/11 'кричать'. Тур., азерб., ДК čaǧyr-; туркм. ǧyǧyr-, азерб. čaǧyr- 'звать'.

88. čoq 4/28 'много'. Тур. čoq, азерб. čox, ДК čoq и čox; туркм. нет.

89. čuvan (čuan) 62/15 'мешок'. Тур., туркм., азерб., ДК čuval.

Одни из приведенных в списках слов являются неоспоримо о г у з с к и м и, главным образом т у р к м е н с к и м и, а з е р б а й д ж а н с к и м и, а другие, будучи общетюркскими, совпадают с огузскими по способу словообразования или по фонетическим признакам.

Среди общетюркских слов в памятнике незначительное число составляют к ы п ч а к с к и е элементы. Это объясняется существовавшими в прошлом между кыпчакскими и огузскими племенами контактами. Даже в современных туркменском и азербайджанском языках, огузских в своей основе, имеется довольно значительное количество кыпчакских элементов. Незначительный процент в памятнике составляют а р а б с к и е и п е р с и д с к и е слова, у й г у р с к и х же очень мало. Это указывает на то, что памятник был создан там, где литературный язык не подвергался влиянию уйгурской литературной традиции.

Где же мог быть создан литературный памятник с описанными лексическими особенностями?

Ответ на этот вопрос дает произведенное нами лексическое сопоставление «Кысса-и Юсуф» и «Китаби дедем Коркут» (по последнему анкарскому изданию 1964 г.). Архаические грамматические элементы поэмы Али, отсутствующие в других средневековых тюркоязычных памятниках, почти полностью повторяются в «Китаби дедем Коркут». Следовательно, можно утверждать, что эти памятники созданы на одной и той же территории, основную массу населения которой составляли огузские племена и роды.

Мы сопоставили также лексический материал памятника с лексикой современных т у р е ц к о г о, т у р к м е н с к о г о и а з е р б а й д ж а н с к о г о языков и убедились, что все выделенные нами в «Кысса-и Юсуф» слова в той или иной степени сохранились в этих языках, особенно в а з е р б а й д ж а н с к о м и т у р к м е н с к о м. Некоторые же слова, отсутствующие в последних, сохранились в т у р е ц к о м языке. Из этого следует, что поэма была создана на территории расселения огузских племен и родов, вошедших впоследствии в состав современных турецкого, азербайджанского и туркменского народов. Эта территория могла быть и не общей для всех огузских племен и родов. В историческом прошлом такой постоянной общей территории и не существовало.

Так на какой же конкретно территории мог быть создан 750 лет тому назад «Кысса-и Юсуф»? Значительное совпадение лексического материа-

ла туркменизированного южнохорезмского диалекта узбекского языка с лексикой «Кысса-и Юсуф» и «Китаби дедем Коркут» указывает на то, что «Кысса-и Юсуф» был создан в Южном Хорезме в огузской среде, где к тому времени функционировал вполне сформировавшийся огузский литературный язык, судя по всему, общий для ряда огузских племен. Племена, участвовавшие в его создании, видимо, сыграли определенную историческую роль в формировании современных азербайджанского и туркменского народов. Автор же поэмы, безусловно, происходил из одного из огузских родов, живших в тот период на территории современного Южного Хорезма. Если же согласиться с утверждением Дж. Алмаза, что поэт почти полвека жил и преподавал в Хорезме, то, независимо от его национальной принадлежности, один из огузских диалектов мог стать для него родным языком.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Dede Korkut Kitabi». Metin-sözluk, Dog. Dr. Muharrem Ergin. Ankara, 1964.
2. *Ə. М. Дəмирчизадə.* «Китаби-Дəдə Горгуд» дастанларынын дили. Бакы, 1959.
3. *Ф. Абдуллаев.* Хорезм шевалари, I. Тошкент, 1961.
4. *Ф. Абдуллаев.* Хорезм шеваларининг таснифи масаласи; *А. М. Щербак.* Основные особенности южно-хорезмского говора в сравнительном освещении. — В сб.: «Ўзбек диалектологиясидан материаллар», II. Тошкент, 1961.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

С. А. ОРЛОВ

ЯЗЫКОВАЯ РЕФОРМА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТУРЦИИ

Осуществление в Турции наряду с другими реформами и реформы языка, заключающейся прежде всего в его упрощении и очищении от иноязычных заимствований, получило соответствующее отражение в широко проводимой лексикографической работе[1]. Эта работа ведется в двух основных направлениях: во-первых, составляются словари диалектной и просторечной лексики, словари лексики литературных источников и памятников древнетюркской письменности, а также словари родственных языков и, во-вторых, создаются словари современного турецкого языка, отражающие результаты языковой реформы.

Целью первого направления является исследование словообразовательных возможностей турецкого языка в сопоставлении с родственными языками, а также изучение лексических ресурсов турецкого и родственных ему языков для выявления возможности их использования в ходе поиска и образования эквивалентов соответствующих иноязычных заимствований.

Заслуживает внимания деятельность Турецкого лингвистического общества (ТЛО) по исследованию диалектной и просторечной лексики всех районов Турции[2]. По постановлению Совета Министров Турецкой Республики от 11 ноября 1932 г., подписанному Кемалем Ататюрком, было положено начало работе по сбору и изучению лексики различных регионов. В результате созданы и создаются словари диалектной и просторечной лексики[3] и публикуются описания отдельных диалектов Турции[4].

---

[1] См.: *А. Н. Баскаков.* О некоторых типах турецких словарей. — «Лексикографический сборник». М., 1958, вып. III; *Э. В. Севортян.* Тюркологическая работа в Турции. — «Вопросы языкознания». М., 1967, № 4.

[2] См.: *Э. И. Фазылов.* Первый тюркологический съезд в Анкаре. — «Советская тюркология», 1973, № 1.

[3] См., например: *H. Hüsnü.* Kayseri sözlüğü. Kayseri Yeni Matbaa. Kayseri, 1934; *H. Z. Koşay* ve *I. R. Işıtman.* Anadilden derlemeler. Cilt 1—2. Ankara, 1932—1952; Türkiye'de Halk Ağzından Sözderleme Dergisi. Cilt 1—4. Istanbul, 1939—1949; Cilt 5. Ankara, 1957; Cilt 6. Ankara, 1952; (Türkiye Halk Ağzından) Derleme Sözlüğü. Cilt 1—7 (A-I, издание продолжается). Ankara, 1963—1974.

[4] См., например: *Ö. A. Aksoy.* Gaziantep Ağzı. Cilt 1—3. Istanbul, 1945—1946; «Sivas ve Tokat illeri ağızlarından toplamalar». Istanbul, 1944; «Güney-Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar». Istanbul, 1945; «Malatya, Elâziğ, Tunceli, Gaziantep ve Maraş illeri». Istanbul, 1945; «Kuzey-Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar». Istanbul, 1946; *Z. Korkmaz:* Güney-Batı Anadolu ağızları; Sesbilgisi. Ankara, 1956; *ее же.* Nevşehir ve Yöresi ağızları. I. Sesbilgisi. Ankara, 1963.

Изучение проблем турецкой диалектологии приобрело актуальное значение также с точки зрения воздействия, которое оказывает на языковую ситуацию в стране перенос столицы из Стамбула в Анкару. Известно, что в связи с этим обстоятельством, а также под влиянием других экстралингвистических факторов в орбиту современного турецкого литературного языка вовлечена большая масса диалектной лексики и тот лексический слой, который в Османской империи считался нелитературным. В настоящее же время этому лексическому пласту уделяется серьезное внимание как перспективному резерву словаря турецкого языка.

Не менее обширны и значительны результаты деятельности турецких лексикографов в области диахронических исследований литературы османского периода, древнетюркских памятников и лексического состава родственных языков[5]. В современной турецкой лексикографии можно выделить следующие основные направления такой работы: 1) изучение и издание памятников древнетюркского языка[6]; 2) издание словаря лексики литературных и других источников турецкого языка с XIII в. до настоящего времени[7]; 3) издание словарей других тюркских языков[8].

Результаты деятельности турецких лексикографов находят практическое применение при подготовке словарей, включающих турецкие или тюркские по происхождению эквиваленты заимствованной лексики. Омер Асым Аксой в статье «Турецкий язык республиканского периода»[9] отмечает, что благодаря исследованиям в области диалектной лексики ныне широко употребительными стали такие слова, как *yoğun* 'густой', *ödül* 'премия', *araç* 'средство', *kuşku* 'сомнение', *ürün* 'урожай', *alan* 'площадь, арена', *çaba* 'усилие', *doruk* 'вершина', *sıvı* 'жидкость', *kınam*ak 'осуждать', *yitirmek* 'терять', *denetlemek* 'контролировать' и др. Работа в области изучения памятников древнетюркского языка, литературных произведений османского периода, а также памятников других тюркских языков позволила ввести в употребление такие забытые в турецком или функционирующие в родственных языках слова, как *konuk* 'гость', *sonuç* 'результат', *tanık* 'свидетель', *nitelik* 'качество', *giysi* 'одежда', *oran* 'соотношение', *kez* 'раз', *başkan* 'глава', *yanıt* 'ответ', *arıtmak* 'очищать', *ivmek* 'спешить', *sınamak* 'испытывать, проверять' и др.

Создание словарей, содержащих эквиваленты заимствованной лексики, преследует следующие цели: 1) определение основных пластов заимствований и составление словарей заимствованной лексики в турецком языке; 2) создание словарей, в которых слова нетюркского происхождения, в соответствии с существующей языковой политикой, замещаются турецкими или тюркскими эквивалентами; 3) создание нормативных словарей, отражающих результаты языковой реформы в терминологии различных отраслей знаний.

---

[5] См.: *Э. В. Севортян.* Указ.раб., стр. 96—97.

[6] См., например: *B. Atalay.* Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi. Cilt 1—3. Ankara, 1939—1941; «Divanü Lûgat-it-Türk». Tıpkıbasım. Ankara, 1941 (Endeks. Ankara, 1943); *B. Atalay.* Ettuhfet-üz zekiyye fil-lûgat-it-türkiyye. Istanbul, 1945; «Kudadgu Biliğ». Tıpkıbasım. Cilt 1—3. Istanbul, 1942—1943; «Kudadgu Biliğ». Tercüme. Ankara, 1959; *M. Ergin.* Dede Korkut Kitabi. I—Giriş—Metin—Faksimile. Ankara, 1958; II—Indeks—Gramer. Ankara, 1963.

[7] «XIII asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanıklarıyle tarama sözlüğü». Cilt 1—2 (Kısım I).Istanbul, 1943—1945; Cilt 2 (Kışim 2) — 4. Ankara, 1953—1957; «XIII yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklarıyla Tarama Sözlüğü». Cilt 1—7. Ankara, 1963—1974.

[8] В Турции осуществлена перепечатка таких работ, как «Словарь якутского языка» Е. К. Пекарского, «Словарь киргизского языка» К. К. Юдахина, «Словарь чувашского языка» Х. Паасонена.

[9] *Ö. A. Aksoy.* Cumhuriyet Çağı Türkçesi, II. — «Türk Dili», 1974, № 269, стр. 389.

В турецкой лексикографии проблема выделения заимствованной лексики возникла еще в дореспубликанский период. Однако целенаправленная работа по выявлению основной массы и пластов заимствований в турецком языке, их распространения, сферы употребления и других функциональных особенностей стала проводиться в основном с началом языковой реформы. Результаты этой работы позволили создать словари заимствований[10] и выяснить лексико-семантические принципы словообразования в языках-источниках. Эти результаты были использованы также при составлении словарей эквивалентов заимствованной лексики.

В 1934 г. был издан первый словарь турецких эквивалентов османских слов[11], подготовка которого явилась практическим воплощением реформы турецкого языка, осуществлявшейся путем: а) привлечения диалектной и просторечной лексики (Derleme); б) привлечения лексики из современной и старотурецкой литературы, древнетюркских памятников письменности, других тюркских языков (Tarama); в) словопроизводства с использованием словообразовательных возможностей турецкого языка (Türetme)[12]. Недостатком этого словаря было порой избыточное количество эквивалентов, предлагавшихся для замены тех или иных заимствований, причем эти эквиваленты принадлежали к самым различным диалектам и родственным языкам и исторически широко варьировались. Естественно, что пользование этим словарем было связано с серьезными затруднениями. Необходимо было установить в выборе эквивалентов относительное единообразие и создать пособия, выполняющие по возможности нормативные функции. В связи с этим уже в 1935 г. появились справочники турецких эквивалентов османских слов и османских эквивалентов турецких слов[13]. Эти справочники нашли самое широкое применение в ходе языковой реформы как при составлении словарей, так и при редактировании материалов, относящихся к различным отраслям знаний.

Позднее издавались и другие словари[14], в процессе подготовки которых авторы вносили коррективы и дополнения, подсказанные опытом языковой реформы или обусловленные спецификой издания.

Если в первый период языковой реформы основной упор делался на вытеснение арабо-персидских заимствований, то в 60-х годах более актуальной стала проблема борьбы против все возрастающего потока западноевропейских заимствований, которые начали преобладать особенно в области специальной терминологии. В 1970 г. журнал «Türk Dili» открыл раздел, в котором помещались эквиваленты, предлагаемые для замены некоторых западноевропейских заимствований. Результаты этой работы были обобщены и опубликованы ТЛО в 1972 г.[15]. В этом же году вышел еще один словарь эквивалентов[16].

---

[10] Например: *Ali Rıza Alp* ve *Sabahat Alp.* Büyük Osmanlı Lûgatı. Cilt 1—4. Istanbul, 1958—1961; *Mustafa Hihat Özön.* Türkçe Yabancı kelimeler sözlüğü. Istanbul, 1962; *Ali Haydar Taner.* Yabancı kelimeler Lûgatı. Istanbul, 1941.

[11] «Osmanlıcadan Türkçeye söz karşılıkları tarama dergisi»; Cilt I. Istanbul, 1934; Cilt 2 (Türkçeden Osmanlıcaya Indeks). Istanbul, 1934.

[12] См.: *А. Н. Баскаков.* Отражение научно-технической революции в родственных языках, обслуживающих различные общественные формации. — «Советская тюркология», 1975, № 1, стр. 6.

[13] «Osmanlıcadan Türkçeye Cep Kılavuzu». Istanbul, 1935; «Türkçeden Osmanlıcaya Cep Kılavuzu». Istanbul, 1935.

[14] Например: *R. Aaytaç.* Türk Dili Kılavuzu. Istanbul, 1945; *Y. Nabi.* Kılavuz Sözlük. Osmanlıca-Türkçe. Türkçe-Osmanlıca. Istanbul, 1961; «Osmanlıca-Türkçe Küçük Lûgat». Istanbul, 1949.

[15] *S. Sinanoğlu, T. Saraç, E. Özdemir.* Batı kaynaklı sözcüklere karşılık bulma denemesi. Ankara, 1972.

[16] *K. Demiray.* Batı dilleri sözcüklerine karşılıklar kılavuzu. Ankara, 1972.

Эквивалентные словари широко использовались при упорядочении турецкой терминологии. Во многих терминологических словарях значительное место отводится эквивалентам, предлагаемым для замены тех или иных заимствованных терминов. Как отмечает А. Н. Баскаков, в отношении юридической терминологии назначение этих словарей состоит в том, «чтобы, с одной стороны, определить круг лексики, используемой в юридической практике, и, с другой стороны, установить и внедрить в нее турецкие эквиваленты арабских юридических терминов и слов, бытующих в юриспруденции»[17].

На масштабы терминологической работы в Турции указывает тот факт, что на 1975 год по далеко не полным данным создано около 130 терминологических словарей, относящихся к различным отраслям знаний.

Особенность турецкой терминологии заключается в том, что наряду с большим количеством заимствований она неоднородна, неустойчива и перегружена синонимами. Так, в учебниках для средней школы в качестве эквивалента, заимствованного из арабского языка, химического термина *mahlûl* 'раствор' употребляется слово *eriyik,* а биологический термин «клетка» передается словом göze. В высшей же школе утвердилась другая терминология: çözelti 'раствор' и заимствованное из арабского языка hücre 'клетка'. Подчас сотрудники одного и того же учреждения пользуются разной терминологией[18].

Опыт работы по упорядочению турецкой терминологии изложен в «Справочнике по разработке терминологии»[19], в котором рассматриваются основные пути и словообразовательные модели при подборе эквивалентов и создании новых терминов средствами турецкого языка.

В заключительном разделе этого справочника излагается проект лексикографической разработки фундаментального терминологического словаря. Работа над словарем на основе специальной методики будет проводиться в два этапа. На первом этапе предусматривается составление полной картотеки основной специальной терминологии. На втором — предполагается осуществить тщательную лексикографическую обработку каждого термина: если какой-нибудь термин отсутствует в терминологической системе современного турецкого языка или является заимствованием, будет предложен либо его эквивалент из эквивалентных, диалектных или выборочных словарей, либо же новая лексическая единица, созданная средствами турецкого языка на основании методов, изложенных в теоретической части «Справочника». Результаты обработки будут фиксироваться на специальных карточках следующей формы[20]:

Карточка на термин . . . . . .

1. Новый термин . . . . . .
2. Старый термин . . . . . .
3. Немецкий . . . . . .
4. Французский . . . . . .
5. Английский . . . . . .
6. На других языках . . . . . .
7. Комментарий . . . . . .

---

[17] *А. Н. Баскаков.* Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 238.

[18] *P. Tuğlacı.* Okyanus. 20. Yüzyıl Ansiklopedik Türkçe Sözlük. Cilt I. Istanbul, 1971, стр. IX.

[19] *E. Özdemir.* Terim Hazırlama Kılavuzu. Ankara, 1973.

[20] *Там же,* стр. 95.

С целью популяризации новых терминов в журнале «Türk Dili» в 1975 г. открыт специальный раздел.

Благодаря обширным лексикографическим исследованиям турецкие лингвисты имеют возможность установить некоторые количественные показатели изменений, осуществленных на сегодняшний день в турецком языке: за период реформы создано 8.000 новых терминов, а всего введено в употребление около 17.000 слов турецкого и тюркского происхождения — эквивалентов соответствующих иноязычных заимствований.

Показательны и другие данные. В самом полном турецком словаре дореспубликанского периода «Kamus-i Türkî» Шемседдина Сами из представленных в нем 29.000 слов — 11.000 турецких, 13.000 арабских, 3.700 персидских и 1.300 западноевропейских. В настоящее время число арабо-персидских слов в литературном языке сократилось до 7.000, тогда как количество западноевропейских слов возросло до 5.000. Таким образом, 70% словаря турецкого языка составляют турецкие, а 30% — заимствованные слова. Эти данные приводятся в названной выше работе Омера Асыма Аксоя[21].

Хотя автор и не указывает источника данного исследования, можно с уверенностью предположить, что речь идет о фундаментальном труде ТЛО — «Türkçe Sözlük» («Турецкий толковый словарь»). В настоящее время этот словарь, впервые вышедший в свет в 1944 г., выпущен шестым изданием[22].

В республиканский период в Турции было издано более двух десятков различных толковых словарей. Однако Толковому словарю ТЛО по праву принадлежит особое место.

Известно, что толковые словари являются также и нормативными словарями. Таким образом, деятельность ТЛО, а следовательно, и направленность его Толкового словаря в большей мере отражает результаты всей лексикографической работы по упрощению и очищению словарного состава турецкого языка и воздействию на процесс формирования современной литературной нормы.

Подобная нацеленность Толкового словаря привела к тому, что он несколько «опережает» процесс формирования нормы. В него часто включаются новые слова, появившиеся в самое последнее время и пока еще практически не усвоенные языком. При этом такая важная для нормативного словаря качественная характеристика лексики, как «употребительность — неупотребительность», в словаре ТЛО отражена недостаточно. Без помет даются малоупотребительные слова, такие, как *yumrukoyuncusu* 'боксер' при употребительном *boksör;* или *çifteker* 'велосипед' — употребительное *bisiklet; ayaktopu* 'футбол' — употребительное *futbol; elerki* 'демократия' — употребительное *demokrasi* и т. д.

В различных изданиях Толкового словаря ТЛО, обнаруживается заметное расхождение в количестве слов, привлеченных из того или иного источника. Так, в первом издании на букву А было 60 слов, взятых из «Derleme Dergisi»,48 слов из «Tarama Sözlüğü» и 49 слов из «Cep Kılavuzu». В издании 1974 г. эти показатели соответственно равны: 28, 13, 10. Такое уменьшение произошло главным образом за счет исключения из словаря предложенной ранее лексики, которая так и не вошла в активный словарный фонд турецкого языка. Всего на букву А исключено 97

---

[21] *Ö. A. Aksoy.* Cumhuriyet Çağı Türkçesi, IV. — «Türk Dili», 1974, № 271, стр. 542.
[22] «Türkçe Sözlük». 6 baskı. Ankara, 1974.

подобных слов. Этот факт свидетельствует о том, что Толковый словарь призван от издания к изданию не только воздействовать на процесс формирования языковой нормы, но и учитывать, хотя и с некоторым опозданием, реальные результаты данного процесса.

Наряду с этим в Толковом словаре наблюдается тенденция уменьшения видимой доли привлеченной из различных источников лексики. Так, 18 слов на указанную букву в шестом издании даются без помет. К ним относятся отмеченные в Толковом словаре 1944 г. как взятые из «Derleme Dergisi» слова *aday* 'кандидат', *amaç* 'цель', *aldangıç* 'хитрость'; из «Tarama Sözlüğü» — *abartmak* 'преувеличивать', *asalak* 'паразит', из «Cep Kılavusu» — *ardıl* 'непрерывный', *aymak* 'очнуться', *ayrıntı* 'подробность, деталь' и т. д.

Некоторая разница в подсчетах объясняется тем, что за тридцать лет в словарь были включены новые слова, заимствованные из различных источников. Например, в первом издании отсутствовали такие слова, как *ayraç* 'скобки', взятое из «Derleme Dergisi», *ayrıksı* 'исключительный', взятое из «Cep Kılavusu» и др.

Вследствие того, что в прежних изданиях авторы словаря воздерживались от включения заимствований, которые, по их мнению, становились малоупотребительными, из Толкового словаря ТЛО выпало много слов, широко функционирующих в турецком языке и в настоящее время. Поэтому в издании 1974 г. часть таких слов была включена в словарь дополнительно.

В Толковом словаре обычно дается ссылка на источник заимствования. Кроме того, в ряде случаев дается перевод составляющих компонентов некоторых сложных заимствованных терминов и приводятся их эквиваленты, созданные средствами турецкого языка. Это облегчает восприятие и вскрывает лексико-семантическую структуру данных терминов. Например: *izoterm* сущ. и прил. Греч. */isos* 'равный', *thermos* 'теплый'/ географ. син. *eşısıcak* ('изотерма'); *Otonomi* сущ. Греч./ *autos* сам, *nomos* закон/ син. *özerklik* 'автономия' и т. п. При наличии эквивалентов заимствованной лексики последние приводятся в конце словарной статьи в качестве синонимов.

В целом за прошедшие тридцать лет Толковый словарь ТЛО значительно увеличился в объеме (объем шестого издания по сравнению с пятым возрос на одну четверть), повысилось качество разработки словарных статей, он дополнен примерами на употребление отдельных слов и выражений, более строгим стал отбор лексического материала. Все это делает Толковый словарь ТЛО ценным справочным пособием.

Результаты проведенной лексикографической работы нашли в той или иной мере отражение также и в энциклопедических словарях турецкого языка[23]. Однако лишь в некоторых из них новая лексика выделяется пометами[24].

Среди энциклопедических словарей особого рассмотрения заслуживает Энциклопедический словарь турецкого языка XX века Парса Тугладжи в 3-х томах, опубликованный в 1971—1974 гг.

---

[23] Например: «Ansiklopedik Sözlük. Dil ve genel kültür ansiklopedisi». 2 baskı. Cilt 1—4. Istanbul, 1967—1968; *Kemal Demiray* ve *Ruşen Alaylıoğlu*. Ansiklopedik Türkçe Sözlük. Iştanbul, 1964; «Hayat Büyük Türk Sözlüğü». Istanbul, 1970; *C. Karagülle*. Ansiklopedik Büyük Sözlük. Ankara, 196 ; *P. Tuğlacı*. Okyanus...

[24] Например: «Hayat Büyük Türk Sözlüğü...»; *P. Tuğlacı*. Okyanus...

Появление этого издания было вызвано необходимостью иметь энциклопедический словарь, достаточно полно отражающий лексический состав современного турецкого языка (включая по возможности и терминологию), который наряду с толкованием значений слов давал бы также представление об их лексико-семантических связях.

При разработке Энциклопедического словаря основное внимание уделялось современному состоянию турецкого языка, отражению тех сдвигов, которые произошли в его лексическом составе. Устаревшей лексики в словаре немного. С другой стороны, он включает десятки тысяч терминов с комментариями и этимологией. Словарь содержит около 150.000 слов и специальных терминов, употребляющихся в устном и письменном языке, причем, как правило, с приведением их синонимов и антонимов. В словарь включены 10.000 пословиц, поговорок и устойчивых выражений. В этой работе представлено также около 200.000 османских, латинских, английских и французских эквивалентов основной лексики[25].

Несмотря на широкий охват материала, заметно стремление к тщательному отбору лексики. В словаре отсутствуют упоминавшиеся выше слова типа *çifteker* 'велосипед'. Слово *ayaktopu* 'футбол' приводится лишь как эквивалент слова *futbol,* а в качестве отдельной статьи не выделяется. Слово *elerki* 'демократия' снабжено пометой: неологизм и т. п.

При создании словаря использовался современный лексикографический опыт как отечественных, так и зарубежных, в том числе и соответствующих тюркологов.

Важной и новой областью работы турецких лексикографов является составление словарей языка современных турецких писателей.

Известно, что наличие богатой литературной традиции способствует обогащению и ускорению формирования национальных языков. Языковая реформа в Турции в значительной мере повлияла на этот процесс. Примечательно, что в Турции практикуется издание произведений некоторых турецких классиков, язык которых «откорректирован» в соответствии с новыми требованиями норм литературного языка.

В современной Турции появилась плеяда талантливых писателей и поэтов, активно участвующих в языковом строительстве. Среди них одно из ведущих мест принадлежит прогрессивному писателю Яшару Кемалю. В изучении Али Пюскюллюоглу языка этого писателя[26] следует видеть попытку исследования современного словаря турецкого языка и тех изменений, которые происходят в речевой практике, ибо, как отмечает С. А. Соколов, «современная турецкая литература является зеркалом, в котором отражается актуальная языковая ситуация»[27].

Али Пюскюллюоглу известен и как автор ряда работ, посвященных разработке проблем, связанных с созданием неологизмов в турецком языке. В 1971 г. вышло второе издание его словаря неологизмов[28] (первое вышло в 1966 г.). Работа включает теоретическую часть и собственно словарь. Автор рассматривает развитие современного турецкого языка в

---

[25] *P. Tuğlacı.* Okyanus.., стр. IX.

[26] *Ali Püsküllüoğlu.* Yaşar Kemal Sözlüğü. Istanbul, 1974.

[27] *С. А. Соколов.* О некоторых аспектах изучения языковой ситуации в Турции. — В сб.: «Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки». М., 1970, стр. 124.

[28] *Ali Püsküllüoğlu.* Öz Türkçe Sözlük. Ankara, 1971.

теоретическом аспекте, раскрывая значение языковой реформы и ее места в общей системе социально-политических изменений в республиканской Турции. В словаре представлено 4.000 новых слов, появившихся в литературном языке в современный период (в первом издании было представлено 2.400 слов). Толкование слов иллюстрируется цитатами из различных источников, раскрывающими их употребление в контексте.

В настоящее время Али Пюскюллюоглу работает над словарем окказионализмов, фрагменты из которого печатаются в журнале «Türk Dili».

Наряду с изучением лексики турецкого языка, его диалектов и других родственных языков с целью нахождения эквивалентов для вытеснения заимствований, а также решением проблем, связанных с языковой реформой[29] и описанием современного словарного состава языка, перед турецкими лексикографами встают и иные, качественно новые задачи.

Анализ существующих лексикографических работ показывает, что большое количество однотипных словарей дополняют друг друга и вместе с тем значительно различаются с точки зрения лексикографической техники, а также качества и достоверности представленного материала. Так, например, Эмин Оздемир в одной из своих статей[30] критикует профессора Кая Бильгегиля за то, что последний утверждает, будто слово *yasa* 'закон' является монгольским по происхождению. При этом Оздемир приводит данные «Tanıklariyle Tarama Sözlüğü», из которых следует, что это слово еще в XV в. употреблялось турками и произошло от *yasak (yasağ)*. В том же номере журнала Агях Сырры Левенд указывает на чагатайское происхождение *yasa*[31]. В Турецком толковом словаре ТЛО (1974) это слово дается без пометы, что указывает на его турецкое либо тюркское происхождение, поскольку словарь не дифференцирует турецкую лексику и лексику, восходящую к другим тюркским языкам. То же самое можно наблюдать и в «Ansiklopedik Türkçe Sözlük». В «Hayat Büyük Türk Sözlüğü...» утверждается, что это слово произошло от yasağ, которое, в свою очередь, согласно словарю, имеет персидское происхождение.

Подобный разнобой, а подчас и противоречивость толкования данных серьезных источников создают определенные трудности при работе с лексикографической литературой. Одной из причин подобных разногласий является отсутствие полных и надежных лексикографических справочников, в которых был бы по возможности точно и убедительно зафиксирован основной лексический состав турецкого языка в диахроническом плане. В настоящее время разрабатывается «Исторический словарь турецкого языка (Турции)». В этом словаре, наряду с вариантами слов в форме их функционирования в других тюркских языках, будет по возможности указываться и их этимология. В 1972 г. издан проспект этого словаря[32]. Завершение работы над историческим словарем позволит поднять турецкую лексикографию как синхронную, так и диахронную на качественно новый уровень и явится фундаментом для лексикографических исследований в области турецкого языка.

---

[29] См.: *A. Tietze.* Problems of Turkish lexicography. — «Internatinal Journal of American linguistics». Baltimore, 1962, vol. 28, № 2, стр. 4; *A. S. Levend.* Sözlüklerimiz. — «Türk Dili», 1971, № 235.

[30] *Emin Özdemir.* Yasasal Süleyman. — «Türk Dili», 1972, № 248.

[31] *A. S. Levend.* Anadilimizin kaynağı. — « Türk Dili», 1972, № 248.

[32] «Türkiye Türkçesinin Tarihsel Sözlüğü. Örnek». Hazırlıyanlar: A. S. Levend; A. Dilâçar, C. Dilcin. Ankara, 1972. Определенным шагом вперед в этом направлении является издание также словаря Э. В. Севортяна «Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)». М., 1974.

Таким образом, данный этап лексикографической работы в Турции характеризуется широким охватом проблем, связанных с изучением и описанием современного состояния словарного состава турецкого языка и путей его развития. Масштабы лексикографической работы свидетельствуют о том, что она занимает важное место в системе мероприятий, осуществляемых в рамках языковой реформы. Ее результаты не только отражают процессы, происходящие в лексике современного турецкого языка, но также используются для активного воздействия на процесс формирования новых литературных норм.

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

РЕЦЕНЗИИ

«ГРАММАТИКА ХАКАССКОГО ЯЗЫКА»

ИЗД-ВО «НАУКА». МОСКВА, 1975, 418 стр.

Хакасский язык и его диалекты сохранили древнейшие лексико-грамматические элементы, до сих пор еще недостаточно изученные.

Рецензируемая «Грамматика хакасского языка» составлена коллективом сотрудников Хакасского научно-исследовательского института при участии тюркологов других научных учреждений под редакцией Н. А. Баскакова.

Опубликованные ранее грамматика Н. П. Дыренковой (1948 г.) и очерк грамматики Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул (1953 г.)[1] были первыми описаниями грамматической структуры хакасского языка, в значительной мере подготовившими почву для создания рецензируемой работы.

Новая грамматика включает следующие разделы: «Введение» (стр. 3—11), «Фонетика» (стр. 12—45), «Морфология» (стр. 46—276) и «Синтаксис» (стр. 277—413).

Во введении даются основные сведения, характеризующие современный хакасский литературный язык и его диалекты (сагайский, качинский, кызылский, шорский), а также приводятся варианты разработки хакасского алфавита на основе латинской, а затем и русской графики.

Вторая часть грамматики посвящена фонетическим нормам современного хакасского литературного языка: описывается система фонем, характеризуются артикуляционные особенности гласных и согласных звуков. Автор этой части Д. И. Чанков указывает на фонематическое значение долготы гласных в хакасском языке. Долгие и краткие гласные выполняют смыслоразличительную функцию, однако появились они в результате выпадения какого-нибудь звука из фонетического состава слова и поэтому являются вторичными, как, например, *аас* 'пасть', 'рот' — *ас* 'зерно', 'мало', *аал* 'село', 'улус' — *ал-* 'брать', *аар* 'пчела' — *ар-* 'худеть', *таан* 'галка' — *тан* 'ветерок', *хаар-* 'жарить' — *хар* 'снег' и т. п.

Описаны изменения гласных и согласных фонем и закономерности употребления последних в зависимости от позиции в слове, комбинаторные изменения согласных в потоке речи, особенности ударения и т. д.

Основная часть грамматики посвящена анализу морфологического строя хакасского литературного языка. Руководствуясь существующей классификацией тюркских языков, авторы подразделяют части речи в хакасском языке на знаменательные (имя и глагол) и служебные (частица, послелог, союз).

Излагая морфологические особенности и описывая семантику знаменательных частей речи, Н. А. Баскаков указывает, что в современном хакасском языке и его диалектах наряду с производными словами имеется много частей речи, выступающих на нынешнем этапе развития языка как неразложимые формы и только исторически являющиеся производными.

Д. Ф. Патачакова в разделе, посвященном имени существительному, подробно исследовала лексико-грамматические особенности этой части речи. На основе соответствующего анализа Д. Ф. Патачакова приходит к заключению, что имена существительные в хакасском языке сохранили многие словообразовательные аффиксы, вышедшие из употребления в других тюркских языках.

С исчерпывающей полнотой описана в книге падежная категория. Весьма примечательно, что в хакасском языке все еще существует направительный падеж, оформляющийся аффиксом *-сар/-сер, -зар/-зер,* образованным, по-видимому, от послелога *-сары,* который встречается в основном в огузской группе тюркских языков. В хакасском языке сохраняется и архаический аффикс направительного падежа *-гар/-гер,* известный по памятникам древнетюркской письменности. Можно предполагать, что аффикс *-сар/-сер* пришел в более позднее

[1] *Н. П. Дыренкова.* Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948; *Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул.* Хакасский язык. Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй. — В кн.: «Хакасско-русский словарь». Москва, 1953.

время на смену древнему аффиксу направительного падежа *-гар/-гер*.

Далее автор останавливается на орудном падеже, оформленном аффиксом *-наң/-нең*, образовавшемся на основе послелога *бирла||бирлан||билан*, заменившего древний аффикс орудного падежа *-ын/-ин*, отмеченный в памятниках древнетюркской письменности.

Наряду с анализом чисто морфологических элементов категории падежа Д. Ф. Патачакова исследовала и семантические особенности отдельных падежей хакасского языка и его диалектов.

В разделе, посвященном глаголу (автор В. Г. Карпов), изложены семантико-морфологические особенности этой части речи в хакасском языке. В. Г. Карпов приводит ряд производных глаголов, образованных с помощью аффиксов *-ла/-ле, -на/-не, -та/-те; -лан/-лен, -нан/-нен, -тан/-тен; -а/-е; -ра/-ре; ар/-ер, -ал* и т. д., в той или иной форме сохранившихся в большинстве современных тюркских языков. Однако словообразовательная способность этих аффиксов в хакасском языке намного шире. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить семантические функции аффикса *-ла/-ле/, -на/-не -та/-те,* который образует: 1) глаголы со значением «использовать как орудие предмет, обозначенный исходной основой»: *пычахта-* 'ударить ножом', *хамчыла-* 'бить бичом', *сістe-* 'жарить на вертеле'; 2) глаголы со значением «охотиться; собирать то, что обозначено исходной основой»: *аңна-* 'охотиться', *палыхта-* 'рыбачить', *хузухта-* 'собирать орехи', *маскеле-* 'собирать грибы'; 3) глаголы со значением «делать, производить то, что обозначает исходная основа»: *алғыста-* 'благодарить', *артыхта-* 'отдавать предпочтение', *ирeеле-* 'мучить'; 4) глаголы со значением «наделять признаком, обозначенным исходной основой»: *ишкте-* 'облегчить', *оохта-* 'размельчать', 'дробить', *арамна-* 'пропеживать'; 5) глаголы со значением «подвергать действию то, что обозначает исходная основа»: *ізікте-* 'стучать в дверь', *тӧсте-* 'бить в грудь', *хулахта-* 'драть за уши'; 6) глаголы со значением «посещать место, проводить время, обозначенное исходной основой»: *тайғала-* 'ходить по тайге', *істе-* 'идти по следу', *хыста-* 'зимовать'; 7) глаголы со значением «снабжать тем, что обозначает исходная основа»: *ыста-* 'дымить', *туста-* 'солить', *ухта-* 'заряжать', *сырла-* 'красить'; 8) глаголы, выражающие эмоции: *аахта-* 'кричать', *хырла-* 'хрипеть', *орла-* 'орать', *суула-* 'шуметь', *күүле-* 'гудеть' и т. д.

Многие глаголообразующие аффиксы, приведенные в грамматике, имеются и в других тюркских языках, сохранившись в них, как правило, в застывшей форме.

Автор раздела указывает на примечательную особенность хакасского языка, почти не встречающуюся в других тюркских языках, — глаголообразование способом чередования согласных звуков типа **р — н:** *алыр* 'дурак', 'дурной' — *алын-* 'сходить с ума'; **х — н:** *таях* 'палка', 'трость' — *таян-* 'опираться'; **х — т:** *табырах* 'быстрый', 'быстро' — *табырат-* 'ускорять', 'торопить'; **г — л:** *тірі* 'живой' — *тіріл-* 'оживать' и т. д.

В книге дается подробное описание категории залога, вида, лица, наклонения, причастия и деепричастия.

Особое место в рецензируемой работе занимает четвертый раздел о синтаксическом строе хакасского языка.

Известно, что хакасский язык вместе с тюркскими языками восточнохуннской ветви не испытал влияния арабского и персидского языков. Поэтому в синтаксисе хакасского языка обнаруживаются реликтовые элементы синтаксического строя древнетюркского языка, что делает данный раздел особенно интересным.

Синтаксический строй тюркских языков формировался вместе с развитием письменного литературного языка. Хакасский же литературный язык принадлежит к младописьменным языкам, поэтому сложносочиненные и сложноподчиненные предложения получили в нем весьма слабое развитие.

В рецензируемой грамматике впервые дается научное описание синтаксиса хакасского языка, особенностей словосочетаний и средств выражения в нем и т. д.

При всех своих достоинствах рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков.

Так, в ней несколько нарушена последовательность изложения грамматического материала. Нельзя, например, как нам кажется, согласиться с тем, что разделы «Междометия» и «Мимемы» следуют после рассмотрения числительных. В традиционных грамматиках междометия обычно изучаются после незнаменательных частей речи. Если руководствоваться семантическим принципом, междометия следовало бы рассматривать, по-видимому, после существительного, а мимемы — после наречий.

Во введении утверждается, что «хакасский язык относится к тюркским языкам восточнохуннской их ветви и уйгурской группе» (стр. 3). Последнее вызывает недоумение, так как во всех классификациях тюркских языков отсутствует так называемая «уйгурская группа» языков. По-видимому, автор введения хотел сказать, что современный хакасский язык относится к уйгуро-огузской группе тюркских языков (к которой вместе с огузо-тукюйской и якутской подгруппами принадлежит и хакасская подгруппа языков).

Подобно другим тюркским языкам, хакасский язык регулярно обогащается производными словами, образованными как морфологическим, так и синтаксическим способами. Поэтому в рецензируемой грамматике им уделяется значительное внимание. Однако, приведенные в разделе «Способы словообразования» примеры сложнопроизводных слов не всегда убедительны.

Для обогащения лексического состава хакасского языка большое значение имеет и присущая тюркским языкам конверсия слов и словосочетаний. Однако нижеследующие словосочетания по существу являются идиоматическими выражениями: *харах тастирға* 'присматривать' (*харах* 'глаз', *таста-* 'бросать'), *хулах саларға* 'прислушаться' (*хулах* 'ухо', *сал-* 'прикладывать'), *хол саларға* 'расписываться' (*хол* 'рука', *сал-* 'прикладывать') (стр. 53).

То же можно сказать и о причастных оборотах типа *інек сағчаң* 'доярка', *мал өскірчең* 'животновод', *сӱт тартчан* 'молоковоз', а также об изафетных словосочетаниях типа *хара тас* 'каменный уголь' (*досл.* 'черный камень'), *тимір чол* 'железная дорога', *ах тас* 'алебастр' (*досл.* 'белый камень'), *хара хус* 'орел' (*досл.* 'черная птица'), *хызух ағазы* 'кедр', *тиин хады* 'брусника', *чир чистегі* 'земляника' и т. д. (стр. 53—54), которые в результате лексикализации перешли в разряд имен существительных.

Особо следует остановиться на наречиях в хакасском языке. Этот вопрос до сих пор остается спорным не только в хакасском, но и вообще в тюркском языкознании. Автор раздела Д. Ф. Патачакова разделяет точку зрения Л. Н. Харитонова, утверждавшего, что «... слово, несущее функцию наречия, не способное выступать в качестве подлежащего, могущее принимать лишь отдельные падежные и прочие именные формы, должно быть отнесено к наречиям»[2]. Отметим, что это теоретическое положение, бывшее в свое время шагом вперед в изучении наречий в тюркских языках, в настоящее время несколько устарело. Однако автор, руководствуясь этим тезисом Л. Н. Харитонова, без достаточных оснований относит к производным наречиям, якобы образованным с помощью аффикса местного падежа *-да/-де, -та/-те,* исходного падежа *-дың/-дің, -тың/-тің, -зың/-зің,* направительного падежа *-хар/-хер, -гар/-гер,* слова типа: *таңда* 'завтра', *ирде* 'вечером', *чайғыда* 'летом', *часхыда* 'весной', *хысхыда* 'зимой', *кӱскӱде* 'осенью', *кічеден* 'со вчерашнего дня', *паядан* 'с каких пор', *анда* 'там', *мында* 'здесь', *алнында* 'впереди', *ырахта* 'вдалеке', *ырахтын* 'издалека', *часхар* 'к весне', *хысхар* 'к зиме', *чайғар* 'к лету', *кӱскер* 'к осени', *чайғызын* 'в течение лета', *хысхызын* 'в течение зимы' и т. п. (стр. 104—108).

Неточность этой теоретической посылки становится очевидной, когда те же самые аффиксы в другом разделе работы рассматриваются как аффиксы местного, исходного орудного, направительного падежей (см. стр. 71—75).

На наш взгляд, указанные слова не являются производными наречиями. «Отойдя» от имени существительного, они застыли в той или иной падежной форме и перешли в разряд наречий. Поэтому их скорее следует отнести к адвербиализованным словам, нежели к производным наречиям.

Автор утверждает также, что слова типа *ырах* 'далекий, далеко', *чағын* 'близкий, близко' представляют собой наречия, тогда как, по общеустановившемуся мнению специалистов, подобные слова классифицируются как имена прилагательные, выполняющие функцию обстоятельства.

Г. И. Донидзе, автор раздела, посвященного послелогу, подразделяет послелоги в хакасском языке, именуемые им «послелогами-словами», на две группы: послелоги управляющие и послелоги изафетные. Под «управляющими послелогами» понимаются им собственно послелоги типа *азыра, ибіре, индіре, кизіре‖кичіре, отіре, кире, көре, сіри, теере, хыза* и т. п., образовавшиеся на основе изолированных деепричастий, так же как и *сай, тӧбін, ӱчӱн, тоғыр, удур* и т. п., не обладающие вне контекста лексическим значением.

Что же касается так называемых «изафетных послелогов», то выделение подобной группы вообще спорно. В вопросе классификации слов типа *алнына, алнында, алнынаң, алнынзар; істіне, істінде, істінең, істінзер* и т. п., объединяемых автором в группу «изафетных послелогов», отсутствует единая точка зрения. Некоторые лингвисты считают, что подобного рода слова составляют особую грамматическую категорию служебных имен, однако и здесь мнения расходятся; одни относят служебные имена к области морфологии и называют их морфологической категорией[3], другие же рассматривают их вместе с членами предложения как синтаксическую категорию[4].

Сторонники отнесения служебных имен к морфологической категории утверждают, что в хакасском языке слова типа *ал, ара, іст, кіст орты, пазы, соон, таст, тоз, ӱст* и т. п. являются именами существительными лишь в тех случаях, когда они стоят в именительном, родительном и винительном падежах. Когда же эти слова выступают в роли второго компонента изафетной конструкции, принимая аффиксы одного из пространственных падежей, они якобы подвергаются грамматикализации и становятся служебными.

Лингвисты, отрицающие существование особой грамматической категории — так называемой категории служебных имен, рассматривают упомянутые слова, оформ-

---

[2] *Л. Н. Харитонов.* Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943.

[3] *В. И. Исенгалиева.* Служебные имена и послелоги в казахском языке. Алма-Ата, 1957; *К. М. Мусаев.* Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 311—315; *Ф. Зейналов.* Түрк дилләриндә көмәкчи нитг hиссәләри. Бакы, 1971, стр. 147—164.

[4] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 228—233; *Н. Е. Петров.* Служебные имена и послелоги в якутском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1950.

ленные аффиксами пространственных падежей, как полноценные послелоги[5].

Некоторые исследователи относят эти слова к послелогам условно, называя их «послелогами-именами» или «именами-послелогами»[6], а иногда и «послеложно именными словами», так как, по их мнению, эти слова не утратили своего лексического значения и потому окончательно не вошли в разряд послелогов.

Термин «изафетные послелоги» — совершенно новое понятие в тюркологии, введенное Г. И. Донидзе в грамматику хакасского языка. Слова типа *алнына, алнында, алнынаң, алнынзар; аразына, аразында, аразынаң, аразынзар; істіне, істінде, істінең, істінзер; кістіне, кістінде, кістінең, кістінзер; ортызына, ортызында, ортызынаң, ортызынзар; пазына, пазында, пазынаң, пазынзар; тастына, тастында, тастынаң, тастынзар* и т. п., употребляющиеся в дательном, местном, исходном и направительном падежах, думается, не имеют какого-либо отношения к послелогам, ибо они не выражают грамматических отношений между именем и глаголом, или между именем и именем, подобно послелогам. Следовательно, эти слова не управляют именем с падежными формами, а, напротив, сами являются управляемыми, принимая аффиксы падежной категории. Мы считаем правомерной точку зрения А. А. Юлдашева, утверждающего, что подобного рода слова, имеющиеся во всех тюркских языках, «нельзя отождествлять с послелогами и другими собственно служебными словами ни по их лексическим значениям, ни по структуре, ни по категориальным свойствам, ни по синтаксическим функциям»[7].

В «Грамматике хакасского языка» большое внимание уделяется и этимологии отдельных слов и аффиксов. Однако не все предложенные этимологии могут быть признаны удачными. Так, например, этимология первообразного наречия *пірге* возводится к числительному *пір*, воспринявшему аффикс дательного падежа *-ге* (стр. 103). Это суждение впервые было высказано Н. К. Дмитриевым. Нам же кажется, что наречие *пірге* возникло в результате адвербиализации деепричастия *пірігe* 'соединялось'. То же можно сказать и о первообразном наречии *тірігe* 'живьем', являющемся застывшей формой деепричастия *тірігe* 'оживая', а не производным словом, якобы образованным с помощью аффикса дательного падежа *-ге*.

Высказанные замечания нисколько не умаляют значения «Грамматики хакасского языка», являющейся ценным и глубоким исследованием, к которому не раз еще будут обращаться тюркологи.

А. Дж. Шукюров

---

[5] *А. Н. Самойлович.* Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925; *Г. П. Александров.* Послелоги в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1956; *А. М. Щербак.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 182—191; *его же.* Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 189—199; «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 103, 420, 478.

[6] *В. А. Гордлевский.* Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 73—80; *Н. А. Баскаков.* Каракалпакский язык, ч. II, 1952, стр. 497; *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 328—345; *его же.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 314—326; «Языки народов СССР», т. II, стр. 205, 294, 315, 518; *Х. М. Хаджилаев.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963; *А. Г. Магомедов.* Собственно послелоги и послелоги — изолированные формы имен, глаголов и наречий в современном кумыкском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1963.

[7] *А. А. Юлдашев.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, стр. 322.

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ. ТҮРК ДИЛЛӘРИНИН МҮГАЈИСӘЛИ ГРАММАТИКАСЫ

БАКЫ, АЗӘРБАЈЧАН ДӨВЛӘТ УНИВЕРСИТЕТИ НӘШРИЈЈАТЫ, I. 1974, 140 стр., II, 1975, 130 стр.

Рецензируемое издание представляет собой учебное пособие, предназначенное для студентов, специализирующихся в области тюркологии[1].

Книга открывается морфологической характеристикой строя тюркских языков в сопоставлении с языками других семей. В первой части учебника рассматриваются существительные, прилагательные, числительные, местоимения и наречия в тюркских языках.

Ф. Р. Зейналов придерживается распространенной в тюркологии точки зрения, согласно которой корни слов в тюркских языках исторически состояли из трех звуков (согласный+гласный+согласный). Однако, на наш взгляд, это положение не может быть принято безоговорочно. Следует отметить, что существуют слова, древние формы которых состояли из двух (согласная+гласная) или четырех (гласная+согласная+гласная+согласная) звуков; например: *ба- (бағламаг)* 'завязывать, связывать', *сы- (сындырмаг)* 'ломать, разбить', *аjыг (аjы)* 'медведь'.

Автор вслед за Н. А. Баскаковым делит словообразовательные аффиксы в тюркских языках на лексико-грамматические и функционально-грамматические. Лексико-грамматические аффиксы, присоединяясь к различным частям речи, создают новые слова с новым содержанием, новые части речи, а также образуют новые слова в рамках одной части речи. Функционально-грамматические же аффиксы, изменяя основу слов, придают им дополнительные значения.

Проблема частей речи в тюркологии до настоящего времени остается дискуссионной. Окончательно не определены принципы классификации частей речи, чаще всего подобные классификации опираются либо на семантический, либо на синтаксический принцип. Автор рецензируемого труда, на наш взгляд, справедливо отдает предпочтение семантико-морфологическим показателям, считая синтаксическую функцию вспомогательным, дополнительным признаком, поскольку одна и та же часть речи может выступать в различных синтаксических функциях.

Ф. Р. Зейналов подчеркивает, что во многих тюркологических исследованиях отсутствует четкая дифференциация существительных и прилагательных, прилагательных и наречий. Так, некоторые исследователи относят к прилагательным целый ряд существительных, выступающих в функции определения *(дәмир гапы* 'железная дверь', *тахта гашыг* 'деревянная ложка' и т. д.). Однако существительные-определения в указанных словосочетаниях *(дәмир, тахта)* как части речи не меняют своего статуса. Эти слова не присоединяют словообразующих аффиксов, характерных для прилагательных, характеризуются всеми особенностями, присущими именно существительным, а не прилагательным: принимают аффиксы падежей, множественного числа и принадлежности, в форме единственного числа обозначают предметы. Вообще в отнесении слов к той или иной части речи важную роль играют соответствующие аффиксы.

В современных тюркских языках к числу продуктивных способов словообразования относится словосложение, значительно обогащающее словарный состав языка. Однако этот способ образования слов вызывает научные споры в связи с тем, что в число сложных слов часто включаются и некоторые словосочетания. Поэтому автор книги стремится раскрыть сущность слова, закономерности словообразования, различия между сложными словами и словосочетаниями.

Ф. Р. Зейналов следующим образом характеризует сложные слова: «Сложным словом можно назвать сочетание двух или более слов с самостоятельными лексико-семантическими значениями, образующее новое лексическое значение и имеющее единое ударение и общий аффикс. Эти слова, представляя собой устойчивое целое, выражают единое лексико-семантическое значение. С этой точки зрения сложные слова аналогичны простым» (стр. 36).

Некоторые лингвисты считают сложными словами сочетания глаголов с существительными, стоящими в различных падежах, и формами *иди, имиш,* а также вспомогательными глаголами *ол-, ет-, елә-,* глаголом *бил-*. Ф. Р. Зейналов справедливо критикует эту точку зрения. В современных тюркских языках формы *иди, имиш* не имеют самостоятельного значения, они служат лишь для уточнения временной характеристики и не могут образовывать сложные глаголы. К сложным глаголам следует относить лишь такие сочетания двух глаголов, которые образуют новую лексему, выражающую новое понятие.

Ф. Р. Зейналов считает, что сложные существительные могут образовываться также синтаксическим путем. Каждое из слов, образующих такие сочетания, имеет самостоятельное значение, однако в сочетании эти глаголы выражают единое значение, отличающееся от первоначальных. В книге подробно рассматриваются типы сложных

[1] Ранее вышла в свет монография того же автора, посвященная служебным частям речи в тюркских языках; *Ф. Р. Зејналов.* Мүасир түрк дилләриндә көмәкчи нитг һиссәләри. Бакы, 1971.

существительных, образуемых синтаксическим путем.

В ряде тюркских языков аффикс винительного падежа имеет форму *-(ы)н;* например: азерб. *Охун атыб јајын кизләтмәк* 'Выпустив стрелу, спрятать лук', *Әлин чәкди* 'Убрал свою руку'; туркм. *Энесин гөр-де гызын ал, Гырасын гөр-де бизин ал* 'Суди по матери, женясь на дочери, Суди по кромке, покупая бязь'. Эту древнюю форму винительного падежа, встречающуюся в языке орхоно-енисейских памятников, «Диване» Махмуда Кашгари, большинстве тюркских письменных памятников, а также в диалектах и говорах тюркских языков целый ряд тюркологов, в том числе Ф. Р. Зейналов, считают возникшей в результате выпадения звука (стр. 55). Однако, по нашему мнению, указанная форма является одним из древних аффиксов винительного падежа. К этому выводу приводит сравнительно-историческое исследование данного вопроса.

Как известно, прилагательные имеют общие черты и с существительными, и с наречиями; поэтому существование этого класса слов как отдельной части речи в тюркских языках рядом исследователей подвергается сомнению. Многие тюркологи, отмечая невозможность разграничения существительных и прилагательных, стремились дать им общую характеристику. В рецензируемом же учебнике прилагательные выделяются в отдельную часть речи, при этом указываются специфические черты, отличающие их от существительных и наречий.

Одна из особенностей прилагательных заключается в том, что они, в отличие от существительных, не подвергаются изменениям *в позиции определения, то есть не* присоединяют аффиксов падежей, множественного числа и др. Субстантивируясь же, они выступают в функции существительного. Только прилагательные образуют морфологическим или синтаксическим путем степени сравнения и интенсивные формы.

Целый ряд качественных прилагательных в позиции перед глаголами выполняет функции обстоятельств образа действия, оставаясь при этом прилагательными.

До настоящего времени прилагательные делились на две группы: качественные и относительные. Ф. Р. Зейналов же придерживается иного мнения, полагая, что слова, считающиеся относительными прилагательными, представляют собой существительные, обозначающие материал определяемого предмета. Некоторые языковеды под относительными прилагательными подразумевают производные прилагательные. Автор и эту точку зрения не считает справедливой, поскольку многие производные прилагательные в действительности обозначают как признак, так и качество предмета (*јағлы* 'масленый', *дузлу* 'соленый' и т. д.).

Прилагательные, образуемые от глаголов с помощью словообразовательных аффиксов, до настоящего времени не подвергались глубокому исследованию. В азербайджанском языкознании они рассматриваются в разделе, посвященном категории прилагательных. Однако здесь следует разграничивать прилагательные, образованные от глаголов, и причастия. Последним, в отличие от прилагательных, образованных от глаголов, присущи специфические глагольные категории. В книге Ф. Р. Зейналова подробно объяснены признаки, разграничивающие указанные две группы слов.

В разделе «Числительные» автор раскрывает сходные и отличительные черты данной части речи в различных тюркских языках, знакомит читателя с разными системами счисления в этих языках.

В разделе «Наречия» дана характеристика этой части речи, рассмотрены ее особенности, перечислены типы наречий и т. д.

Вторая часть книги посвящена одной из основных и наиболее богатых частей речи в тюркских языках — глаголу.

Как известно, глаголы по своему значению могут быть разделены на несколько групп. Ф. Р. Зейналов выделяет следующие смысловые классы глаголов в тюркских языках: глаголы физического действия, глаголы состояния, глаголы с абстрактным значением, подражательные глаголы и т. д.

Образование глаголов от заимствованных слов аналитическим способом относится к числу малоисследованных областей тюркского языкознания. Большинство глаголов, образованных этим путем, рассматриваются как сложные. Следует отметить, что в сложных глаголах оба компонента являются глаголами (первый — в основном деепричастием), тогда как в глаголах, образованных от заимствований, первый компонент — имя. Так образуются формы *аналитических, составных и перифрастических* глаголов. В качестве второго компонента подобных глаголов выступают *ет-, елә-, гыл-, ол-* и другие грамматикализованные вспомогательные глаголы.

В тюркологии нет единого мнения о глагольных формах, образованных аналитическим способом. До настоящего времени аналитические формы глагола считались сложными глаголами. Ф. Р. Зейналов же считает, что к числу глаголов, образованных аналитическим способом, следует относить сложные, составные глаголы, а также аналитические формы глагола. Однако все эти категории автор тщательно разграничивает, каждую из них отдельно характеризует, выделяя среди них фразеологические единицы (устойчивые словосочетания, в лексико-семантическом плане эквивалентные глаголам).

Мало исследованы в тюркологии перифрастические формы глагола. Ф. Р. Зейналов относит к ним формы, «образованные сочетанием глаголов, оформленных временными аффиксами (за исключением формы прошедшего очевидного времени), с вспомогательным глаголом *ол (маг)* 'быть'»: *кәлмиш олсун* 'должно быть, пришел', *кәләчәк олсан* 'если (ты) придешь' и т. д. (стр. 37). Перифрастические формы служат для более точного определения временных

границ, обозначая начало, продолжительность, результат действия. В книге подробно рассматриваются особенности этих форм, их типы, компоненты и т. д.

До последнего времени имена действия в тюркских языках специально не выделялись. Эта категория, характеризуемая признаками как имени, так и глагола, коренным образом отличается от существительных и прилагательных, образованных от глаголов: *кедиш* 'ход', *күлүш* 'смех', *кәлиш* 'приход', *ачылыш* 'открытие', *чыхыш* 'выход' и т. д.

Распространенные в тюркских языках формы *иди, имиш, икән* Ф. Р. Зейналов называет недостаточными глаголами. Эти формы в сочетании как с глаголами, так и с именами соотносят определенные факты, явления с той или иной временной плоскостью. Автор разделяет точку зрения туркменского языковеда Г. Баллыева, согласно которой указанные формы восходят к глаголу **ермәк* 'быть': *ер-ди* > *иди, ермиш* > *имиш, еркен* > *екен*‖*икен*.

Автор рассматривает как недостаточный глагол также аффикс сказуемости *-дыр (-дир, -дур, -дүр)*, считая, что он восходит к широко распространенной в древнетюркских письменных памятниках глагольной форме *турур*‖*дурур*.

Недостаточные глаголы исследуются в книге в основном на материалах огузской группы тюркских языков, причем в необходимых случаях привлекаются для сравнения данные языков карлукской и кыпчакской групп.

Касаясь вопроса залогов, Ф. Р. Зейналов признает традиционно выделяемые в тюркологии пять залогов — действительный, страдательный, возвратный, взаимно-совместный и понудительный. Здесь можно отметить и следующее утверждение автора: «Возвратные глаголы в основном образуются от переходных глаголов и в результате становятся непереходными» (стр. 85). Однако туркменский язык в этом плане несколько отличается от других тюркских языков. В нем множество переходных глаголов принимают аффикс возвратного залога, оставаясь при этом переходными.

Понудительный залог, пишет автор, образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов. Следует, однако, отметить, что непереходные глаголы, присоединяя понудительный аффикс *-дыр*, становятся лишь переходными, но не глаголами понудительного залога: *өлмәк* 'умереть' — *олдурмәк* 'убить', *јанмаг* 'гореть, сгореть' — *јандырмаг* 'жечь, зажигать'.

В тюркологии до сих пор не установлено число наклонений глагола. Так, в литературе по азербайджанскому языкознанию их число колеблется от шести до девяти. Ф. Р. Зейналов подвергает справедливой критике работы, где выделяются вопросительное наклонение и наклонения продолженности и возможности. В частности, он указывает, что вопросительная частица, присоединяясь к глаголу того или иного наклонения, не изменяет последнее: *охудукузму?* 'читали ли вы?', *алсынмы?* 'взять ли ему?', *алмалыјаммы?* 'должен ли я взять?' и т. д.

Автор считает, что присоединение аффикса местного падежа к именам действия нельзя рассматривать как форму особого наклонения «продолженного действия»: *охумагдасыныз* 'вы продолжаете читать', *кәлмәкдәсиниз* 'вы продолжаете приходить'. Точно так же не оправдана квалификация сочетания деепричастия на *-а, -ә* с глаголом *бил-* 'уметь, мочь' как формы наклонения «возможности действия». Это сочетание представляет собой аналитическую форму соответствующего глагола: *јаза билдиниз* 'вы смогли написать', *охуја билдиниз* 'вы смогли прочитать' и т. д.

Ф. Р. Зейналов выделяет в тюркских языках шесть наклонений глагола: повелительное, изъявительное, желательное, условное, долженствовательное и обязательное.

Глубоко разработаны автором и такие разделы, как «Инфинитив», «Времена глагола» и др.

Рецензируемый учебник, несомненно, сыграет определенную роль в деле улучшения преподавания тюркских языков в высшей школе. Кроме того, он не может быть обойден вниманием и при составлении сравнительных грамматик тюркских языков, работа над которыми уже ведется.

Г. К. Кулиев

Ф. С. САФИУЛЛИНА. ТАТАР ТЕЛЕНДӘ СҮЗ ТӘРТИБЕ

КАЗАН. ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, 1974, 152 стр.

Работа Ф. С. Сафиуллиной «Порядок слов в татарском языке» посвящена одной из актуальных и сложных проблем татарского языкознания, которая до сих пор не являлась объектом специального исследования, хотя и получила освещение в ряде статей, в том числе и самой Ф. С. Сафиуллиной. Однако, несмотря на ряд публикаций в отдельных изданиях, нужда в монографическом исследовании этой проблемы, несомненно, заслуживающей внимания языковедов, все время существовала. И совершенно закономерно, что этот труд взяла на себя именно Ф. С. Сафиуллина, давно и

активно интересующаяся порядком слов в татарском языке[1].

Рецензируемая монография Ф. С. Сафиуллиной вносит много нового в исследование данной проблемы и представляет интерес не только для татарского языкознания, но и тюркологии в целом.

Книга состоит из введения и трех глав. Во введении дается довольно подробный критический обзор использованной автором обширной литературы по данной теме (стр. 3—14) как в области тюркологии, так и русского языкознания.

В первой главе характеризуются факторы, определяющие порядок слов в предложении: коммуникативная нагрузка, способы связи членов предложения, ритм, рифма, интонация, роль традиции и иноязычных влияний и т. д. Далее автор вполне справедливо отмечает, что характер порядка слов не обусловливается лишь функционально-семантическими стилями, а определяется вышеуказанными факторами.

Во второй главе работы «Порядок слов в неэмоциональном повествовательном предложении» автор, исходя из актуального членения предложения на данное и новое, анализирует средства, выражающие их. Ф. С. Сафиуллина, кратко изложив сущность актуального членения, указывает, что новая информация в татарском предложении в большинстве случаев предшествует сказуемому или выражается самим сказуемым. В этой главе впервые в татарском языкознании исследованы средства выражения компонентов актуального членения.

Подчеркивая большую роль коммуникативной нагрузки, автор в то же время ничуть не умаляет значения и грамматических средств, определяющих порядок слов. Оба фактора рассматриваются Ф. С. Сафиуллиной в тесной взаимосвязи, что очень важно.

По нашему мнению, автором учтены все случаи расположения главных и второстепенных членов в простом неэмоциональном предложении, в том числе вводных слов, обращений. Выводы вполне убедительны: самым устойчивым положением в предложении обладает сказуемое; члены предложения, не имеющие формальных средств связи, не отрываются от господствующего слова; остальные члены предложения располагаются прежде всего в зависимости от коммуникативной нагрузки.

Не менее интересной является третья глава книги, где анализируются различные функции порядка слов: смысловая, структурная, стилистическая, сугубо грамматическая. Ф. С. Сафиуллина в своей книге подробно рассматривает стилистические возможности порядка слов, активно используемые писателями (хиазм, синтаксический параллелизм, композиционный стык, анафора, эпифора, постпозиция сказуемого и др.).

В рецензируемой работе исследуются закономерности расположения слов не только в различных стилях татарского письменного языка, но и в разговорной речи, а также выявляются элементы их взаимовлияния. Ф. С. Сафиуллина сумела обнаружить и правильно оценить новые особенности синтаксического строя, возникшие в ходе развития и совершенствования современного татарского литературного языка. Так, например, автор впервые исследует характер употребления вставочных и сегментированных конструкций, активизацию употребления вводных слов, предложений аналитического типа.

Необходимо подчеркнуть, что в работе Ф. С. Сафиуллиной большое место отводится вопросам стилистики, поэтому исследование носит не только языковедческий, но и общефилологический характер.

Монография написана на основе обширного фактического материала, почерпнутого из самых различных источников: художественной литературы, публицистики, газет и журналов, памятников древнетатарской письменности, из живой разговорной речи и диалектов. Оставляет хорошее впечатление последовательность изложения, стройная композиция работы, умелый отбор иллюстративного материала, подкрепляющего каждый тезис. При этом привлекаются сравнительные данные из родственных (башкирского, казахского, азербайджанского и др.) и неродственных (русского, английского и др.) языков, что делает выводы автора особенно убедительными (см., например, стр. 14—17, 37—40, 72—74, 82 и др.).

Оправданным следует считать также дифференцированное распределение весьма обширной использованной литературы по главам.

Однако, как это обычно бывает, работа не лишена и отдельных недочетов. На наш взгляд, автором не проведена достаточно четкая грань между двумя понятиями: «функционально-семантические стили» и «стилевые разновидности» (правда, термин взят автором условно). Ф. С. Сафиуллина выделяет следующие «стилевые разновидности»: 1) спокойная неэмоциональная (деловая) проза (в письменной и устной форме); 2) эмоциональная проза; 3) стихотворная речь; 4) разговорная речь: литературная разговорная речь и бытовая обиходная речь (стр. 27—28). Приведенная

[1] См.: *Ф. С. Сафиуллина.* Вопросы порядка слов в татарском языке. — В сб.: «Вопросы татарского языкознания», книга 2-я. Казань, 1965; *ее же.* О некоторых сдвигах в порядке слов в предложении татарского языка. — «Татар тел белеме мәсьәләләре», III китап. Казан, 1969; *ее же.* Матур әдәбият теленда синтаксик фигураларның стилистик кулланылышлы. — «Вопросы тюркологии». Казань, 1970; *ее же.* Активные процессы в синтаксисе современного татарского литературного языка. — «Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР. Тезисы докладов». Казань, 1972; *ее же.* Явление парцелляции в современном татарском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 4 и др.

классификация, как нам кажется, нуждается в дальнейшем уточнении.

Хочется также отметить, что в работе рассматривается лишь положительная сторона активизации употребления в литературном языке отдельных конструкций живого разговорного языка. Предостережение автора о засорении литературного языка при злоупотреблении этими средствами не подкрепляется примерами (стр. 110).

Разумеется, эти отдельные недочеты не умаляют общих достоинств исследования.

Рецензируемая книга Ф. С. Сафиуллиной, несомненно, имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение. Она полезна для студентов, учителей, писателей, переводчиков, поэтов, научных работников и всех тех, кто активно интересуется проблемами татарского языкознания.

К. С. Сабиров,
Д. Б. Рамазанова

K. DABROWSKI, T. NAGRODZKA-MAJCHRZYK, E. TRYJARSKI. HUNOWIE EUROPEJSCY, PROTOBUŁGARZY, CHAZAROWIE, PIECZYNGOVIE

POLSKA AKADEMIA NAUK. INSTITUT HISTORII KULTURY MATERIALNEJ. WROCŁAW, WARSZAWA, KRAKOW, GDANSK, 1975, 650 стр.

Книга включает четыре самостоятельных очерка, посвященных комплексному исследованию древних тюркских народов Восточной Европы, в археологическом, этнографическом и лингвистическом аспектах. После краткого предисловия редактора Э. Трыярского следуют очерки: 1) К. Домбровского «Хунны-европейцы» (стр. 15—146); 2) Э. Трыярского «Протобулгары» (стр. 147—376); 3) Т. Нагродзкой-Майхжык. «Хазары» (стр. 377—478) и 4) Э. Трыярского «Печенеги» (стр. 479—626). Книга завершается общим индексом (стр. 627—647).

Все очерки составлены примерно по единой схеме, с небольшими отклонениями, связанными как со спецификой исторического развития описываемых народов, так и с авторскими индивидуальными методами исследования.

Очерки открываются вступлением, в котором приводятся основные сведения по историографии с характеристикой и определением типов исторических источников о том или ином народе, затем следует краткий обзор географических границ территориального расселения различных народов, их этнического состава и конкретных социально-экономических условий развития.

В каждом очерке приводятся археологические данные, касающиеся древней истории конкретного народа, и соответствующие иллюстрации. Значительное место отводится вопросам материальной культуры. Подробно описываются селения и города, жилища, основные отрасли хозяйства, народных промыслов и ремесел, торговля, транспорт, пища, внешний вид, одежда, социально-экономический строй, политическое устройство, финансы, право, военное дело, обычаи и обряды, особенности духовной культуры, религия, искусство, наука, язык и проч.

Очерк, посвященный народу хунну, содержит дополнительные данные о роли этого народа в Восточной Европе, в частности, в связи с его проникновением на территории, входящие ныне в состав Польши. Очерк о протобулгарах, посвященный трем разветвлениям древних булгар — поволжским, придунайским и древним булгарам Панонии, содержит подробный анализ родо-племенного состава протобулгар, роли их в образовании славянского государства болгар и сведения, определившие специфику истории и этнографии каждого из указанных подразделений этой народности.

Все очерки снабжены хорошими иллюстрациями, рисунками, картами, схемами и т. д. К каждому из очерков прилагается подробная и относительно полная библиография по истории, этнографии, археологии и лингвистике данного народа.

Следует отметить, что исторические связи, существовавшие в Восточной Европе, и периодизация ее истории требовали бы включения в исследование также древних гузов (торков, каепичей, берендеев, ковуев, боутов и других, именуемых в русских летописях «черными клобуками»), и половцев, то есть народов, относящихся также к домонгольской эпохе.

Можно надеяться, что та же группа авторов представит исследования как о гузах, так и о половцах в следующем томе, который все тюркологи-историки и лингвисты с нетерпением ожидают от польских ученых, взявших на себя сложную задачу всесторонне осветить историю древних тюркских народов Восточной Европы.

Рецензируемая книга вызовет, безусловно, большой интерес не только у специалистов, но и у массового читателя, интересующегося проблемами древней и средневеко-

вой истории Восточной Европы, в частности историей России, Польши, Украины и Белоруссии.

К достоинствам книги следует отнести и то, что в ней дано в сжатой форме полное комплексное описание древних народов, о которых в последнее время не было обобщающих специальных исследований. Авторами с большим мастерством и эрудицией не только подведены итоги всего достигнутого наукой в области изучения истории этих народов, но и проведена значительная исследовательская работа по изысканию источников и новых данных, сделаны также интересные выводы, раскрывающие сущность исторических процессов, происходивших в Восточной Европе в древнюю и средневековую эпоху.

Книга, безусловно, представляет собой значительный вклад в науку. Она должна стать настольной не только для историка, археолога и этнографа, но и для широкого круга тюркологов.

В заключение несколько слов о важном значении данного исследования для тюркологов — специалистов по истории, археологии, этнографии, филологии тюркоязычных народов. В последнее время внимание ученых привлекают проблемы древней истории тюркских народов Восточной Европы, в частности южнорусских степей, Поволжья и Кавказа, а также обширных степей Казахстана и Средней Азии. Рецензируемая книга, охватывающая в сущности все основные аспекты исторического изучения древнего населения Восточной Европы и в полной мере учитывающая специальную литературу вплоть до 1973 года, может служить полезным введением в изучение указанных проблем. Тюркологи-лингвисты найдут в ней материал, представляющий итоги исследований таких малоизученных древних тюркских языков, как язык хунну, протобулгарский, хазарский, печенежский; тюркологи-этнографы и историки почерпнут редкие сведения о быте этих народов, а тюркологи-археологи получат информацию об оставленных этими народами памятниках материальной культуры.

Н. А. Баскаков

«TURCICA. REVUE D'ÈTUDES TURQUCS», TOME IV, 1972.

PARIS, 1974.

Вышел в свет четвертый том международного тюркологического ежегодника, издаваемого Институтом тюркологии Страсбургского университета совместно с Институтом тюркологических исследований Парижского университета и университетом в Экс-ан-Провансе*.

Сборник содержит восемь статей (одна из них посвящена памяти выдающегося ученого Альбера Габриэля, занимавшегося изучением турецких архитектурных памятников), одно краткое информационное сообщение и пять рецензий.

В статье Жана Лароша об Альбере Габриэле «Наибольший турок среди французов» («Albert Gabriel „Le plus turc des français"») воздается дань уважения памяти сотрудника Института тюркологии Страсбургского университета, почетного профессора, основателя и руководителя французского института археологии в Стамбуле, скончавшегося 23 декабря 1972 г. на 90-м году жизни. По словам Жана Лароша, Альбер Габриэль был тем, кто «открыл для самих турок их искусство, его значение в истории и опубликовал убедительные результаты исследования большого числа памятников в турецких городах». Альбер Габриэль написал целый ряд монографий, список которых приводится Жаном Ларошем. Три последние из них — «Châteaux turc du Bosphore». Paris, 1943. («Турецкие замки Босфора»), «Turquie, terre d'histoire et d'art». Paris, 1955 («Турция, страна истории и искусства»), «Une capital turque: Brousse». Paris, 1958. («Турецкая столица»). Автор статьи отмечает, что Альбер Габриэль являлся участником многих археологических экспедиций в Турции, Ираке, Иране и Сирии.

Ж. Матуз в статье «Три неизвестных орхонских фрагмента» («Trois fragments inconnus de l'Orkhon») публикует рунические тексты, обнаруженные на двух фрагментах стелы в честь Кюль-Тегина и на каменной черепахе, входящей в комплекс памятника последнему. Фрагменты были найдены в 1958 г. во время раскопок погребального комплекса Кюль-Тегина, предпринятых монгольско-чехословацкой археологической экспедицией под руководством Л. Иисла. В одном из текстов упоминается имя автора надписи в честь Кюль-Тегина — Йоллыг тегина, в другом — имя самого Кюль-Тегина.

Статья Джеймса Хэмилтона и Луи Базэна «Рукопись с китайскими и тюркскими руническими текстами из Дуньхуана» («Un

* Информацию о содержании I, II и III томов см. в журнале «Советская тюркология»: № 1 (1971), № 1 (1974), № 4 (1975).

manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-Houang». British Museum Or. 8212 (78) et (79) содержит фрагменты древнетюркского рунического текста на бумаге, обнаруженного А. Стейном в 1907 г. среди других рукописей библиотеки буддийского пещерного монастыря в Дуньхуане (Восточный Туркестан). Первое издание этих фрагментов было осуществлено В. Томсеном (V. Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscrits in Turkish. «Runic» scrit from Miran and Tun-huang. — JRAS, 1912). Восстановив китайский текст на оборотной стороне фрагментов, Дж. Хэмилтон сумел убедительно датировать рукопись второй половиной X в. Эта датировка весьма существенна для определения хронологической принадлежности всех древнетюркских «рун на бумаге» из Восточного Туркестана и имеет важное значение для рунической палеографии. Исследуемые фрагменты содержат древнейшие записи тюркского фольклора — пословицы и «мудрые изречения» — с характерными для устного народного творчества тюркоязычных народов аллитерациями, парными конструкциями, «эвентуальной» рифмой, ритмикой, позднее, в XI в. зафиксированными в фольклорных записях Махмуда Кашгарского.

В статье Э. И. Фазылова «Неизданный прото-чагатайский текст» («Un text inédit en proto-çagatay») даны факсимиле, транскрипция, французский перевод и глоссарий, а также краткий текстологический и грамматический комментарий к восьмистраничной рукописи из Башкирской Государственной библиотеки. Публикуемая рукопись является почти полным текстом поэмы Мухаммеда Яра «Нур-и садур», написанной в XVI в.

Статья Гизелы Сулитоню «N'demez, древний обычай коллективной работы у татар Добруджи» («Le n'demez, une ancienne coutume de travail collectif chez les tatars de Dobroudja») посвящена описанию и характеристике обычая n'demez у населения татарской деревни Татару (Добруджа). Автор отмечает, что обычаи татар Добруджи не привлекали до сих пор внимания исследователей, в то время как изучение обычаев, в частности обычая n'demez, очень древнего, восходящего к домусульманскому периоду, представляет большой интерес. Г. Сулитоню подробно описывает ритуальную сторону обряда и характеризует n'demez как обычай, являющийся отголоском древнего деления патриархальной общины по возрастной и половой категориям.

В статье Ассаддулаха Сурена Меликян-Ширвани «К вопросу об истоках османского искусства. Погребальные стелы Айасолука» («Recherches sur les sources de l'art ottoman, les steles funéraires d'Ayasoluk») описывается ряд погребальных стел Западной Анатолии, датируемых XIV в. Изучение содержания и стиля надписей, орнамента и архитектуры стел, по мнению автора, проливает определенный свет на проблему генезиса османской культуры в крайних западных областях анатолийских владений османского государства. Надписи на стелах, представляющие интерес для историков религии, языка, литературы и османского искусства, свидетельствуют, как отмечает А. Меликян-Ширвани, о влиянии на османское искусство иранской, сирийской, а в ряде случаев и греческой культур.

Мишель Лезюр в статье «Заметки и документы по вопросу венецианско-османских отношений, 1570—1573» («Notes et documents sur les relations vénéto-ottomane, 1570—1573») вводит в научный обиход целый ряд интересных документов времени венецианско-османской войны (1570—1573), написанных венецианским послом в Стамбуле Марком Антонио Барбаро.

Автор статьи приводит многочисленные выдержки из посланий Барбаро венецианскому сенату и писем, написанных им во время его пребывания в Стамбуле. В своих посланиях сенату Барбаро описывает основные события своей дипломатической миссии в Турции и рисует общую картину состояния Османской империи. М. Лезюр особо выделяет источники информации Барбаро.

Интересны сведения, приводимые автором статьи на основании писем Барбаро, о противоречиях среди османской верхушки в период войны Османской империи с Венецией, что, по мнению М. Лезюра, важно для характеристики политики османского правительства.

Статья Шюкрю Элчина «Гюндешлиоглу, народный туркменский поэт Анатолии» («Gündeşlioğlu, poète populaire turkmene d'Anatolie») рассказывает о жизни и творчестве народного поэта одной из ветвей большого туркменского племени Зюлькадыр, жившего в конце XVII — начале XVIII вв.

Ш. Элчин подчеркивает полулегендарный характер дошедших до нашего времени сведений о жизни поэта, подлинные факты которой остаются во многом невыясненными. Он отмечает, что Гюндешлиоглу относился к тому широко распространенному среди кочевых и полукочевых туркменских племен Анатолии типу народных поэтов, основной темой творчества которых являлось прославление военных набегов племени, его кочевого быта, обычаев и легенд.

В разделе «Хроника» И. Меликова сообщает о первом заседании Международного комитета по исследованию доосманского и османского периодов, созданного в 1971 г. в г. Экс-ан-Прованс. На заседании комитета, проходившем 19—23 сентября 1972 г. в г. Бруса (Турция), был предложен проект статута комитета, избран его председатель, обсуждены направления предполагаемых исследований, составлена программа работы и установлены даты и место будущего заседания (1974 г., Италия), темой которого будет: «Источники для проведения доосманских и османских исследований, их использование и публикация».

Выпуск заключают пять рецензий: Дежана Богдановича — на работу Недима Филиповича «Принц Муса и шейх Бедреддин» (Сараево, 1971 г.); Жана Обэна — на исследование Поля Себага «Неизданная реляция о захвате Туниса турками в 1574 г.» (Тунис, 1971 г.); Ш. И. Констэнтэна — на книгу «Насреддин Ходжа у чувашей» (М., 1971 г.); Жан-Поля Ру — на исследование М. Николя «Народные турецкие верования и обычаи, связанные с рождением (район Бергамы)», т. I (Париж, 1972).

С. Г. Кляшторный,
И. Е. Фадеева

«TURCICA. REVUE D'ÈTUDES TURQUCS», TOME V

PARIS, 1975.

Пятый том ежегодника «Turcica» включает 13 статей и 5 рецензий с традиционной тематикой.

Статья М. Мокри «Фирман султана Хусейна Байкары о покровительстве османскому послу в Хоросане в 879/1474 году» (Mohammad Mokri. Un farmân de sultân Husayn Bâyqarâ recommandant la protection d'une ambassade ottomane en Khorâsân en 879/1474, стр. 68—79) посвящена исследованию фирмана правителя Хоросана Хусейна Байкары, хранящегося в архиве музея дворца Топкапы в Стамбуле под № E. 12305.

В статье описывается внешний вид документа, характеризуется его язык (персидский), приводятся транскрипция текста, фотокопия фирмана и перевод на французский язык. Автор рассматривает также терминологию документа, дает обзор исторических событий, происходивших в державе тимуридов и Османской империи того времени.

В статье М. Тайиба Гёкбильгина «Лист расходов Баязида II во время кампании при Лепанто в 1499 г.» (M. Tayyib Gökbilgin. Un registre de dépenses de Bâyazîd II durant la campagne de Lépante de 1499, стр. 80—93), доложенной на алтаистической конференции в 1971 г., говорится о документе, хранящемся в архиве совета министров в Стамбуле (Başvekâlet arşivi, Ali Emirî, Selim II, № 8). Автор приводит фотокопию документа, его латинскую транскрипцию и комментирует текст. В регистре указаны денежные средства, выданные султаном чиновникам, частным лицам или просителям в качестве вознаграждений или вспомоществований в течение шести месяцев и 22 дней на сумму 152.401 акче. В регистре зафиксированы и другие виды расходов, в том числе на строительство и ремонт мостов во время военной кампании, возглавлявшейся самим султаном. Автор особо останавливается на финансовой терминологии, сохранившейся почти без изменений и в более поздних документах.

В статье Р. Мантрана «Право вхождения кораблей в Стамбульский порт в середине XVII века (оценочная пошлина)» [Robert Mantran. Droits d'entrée sur les navires à Istanbul au milieu du XVIIe siècle (rüsumatî ihtisabiye), стр. 94—107] анализируется документ, также хранящийся в архиве совета министров в Стамбуле [Baş Vekâlet arşivi, Kâmil Kepecioğlu fihristi, Baş mukataa Kalemi, № 5026, s. 8—13, 1067 г. х. (1656/57 г.)]. Документ позволяет судить об оценочной пошлине (rüsumatî ihtisabiye), взимавшейся с кораблей, привозивших в Стамбул предметы первой необходимости. Размер пошлины зависел не от количества привезенных продуктов, а от величины корабля. В документе указаны многочисленные пункты, откуда доставлялись продукты в Стамбул: анатолийские порты Эгейского моря, речные порты, связанные водными путями с Мраморным и Черным морями, — от Болгарии в Европе до Гиресуна в Азии. Документ содержит также сведения о сельскохозяйственных культурах, производимых в Османской империи. Наиболее отдаленными пунктами, откуда привозились продукты в Стамбул, были Египет, Триполи в Сирии и Крым. В документе приводятся одиннадцать названий различных типов турецких судов, сведения об их размерах. Общая сумма собранной в 1656 г. оценочной пошлины составила 280.000 акче, в среднем по 140 акче с судна. Для обеспечения столицы продовольствием в ее гавань прибывало в год до 2.000 кораблей, то есть по пять-шесть в день. Автор дает французский перевод документа и прилагает его фотокопию.

Малоизвестным страницам истории Турции посвящена статья Пауля Дюмона «Умиротворение юго-восточной Анатолии в 1865 г.» (Paul Dumont. La pacification du Sud-Est Anatolien en 1865, стр. 108—130). Автор описывает борьбу кланов независимых местных деребеев Кючюк-Али-оглу и Козан-оглу против центральной власти и попытки Порты (с начала XIX в.) подчинить их себе. После успешной военной экспедиции «дивизиона умиротворения» в 1865 г. Порта начала насаждать в этом районе новые порядки, характерные для эпохи зарождающегося капитализма, направленные на оживление местной эконо-

мики: широкое разведение экспортных культур хлопка и злаковых, строительство портов и дорог. Автор заключает статью описанием изменений после 1865 г. в экономике района и в образе жизни его населения (борьба с кочевничеством, освоение новых земель кавказскими эмигрантами).

Истории театра Карагез в независимой Греции посвящена статья Эммануэля Закос-Папазахарии «Элементы и османские традиции в системе греческого театра теней» (Em. Zakhos-Papazahariou. Les origines et survivances ottomanes au sein du théâtre d'ombres grec, стр. 32—39). К статье приложены фотографии кукол греческого театра и другие иллюстрации. Автор отмечает, что театр Карагез возник в Греции вскоре после завоевания ею независимости. В афинских газетах, начиная с 1841 г., печатались объявления о спектаклях. Судя по всему, полиция преследовала этот «непристойный азиатский театр», представления которого давались в портах, в удобных для этого бараках. Греческие историки и публицисты единодушны во мнении, что в первые сорок лет после своего появления в Греции театр Карагез оставался турецким и процесс приспособления его к новому греческому обществу протекал довольно медленно. Э. Закос-Папазахария высказывает другую точку зрения. По его мнению, причиной популярности театра Карагез у греков было то, что он был театром «низших слоев», то есть специфика его носила скорее классовый, нежели национальный характер.

В статье дается обзор репертуара театра Карагез в Греции как в первые сорок лет, так и в последующие годы, прослеживаются трансформация персонажей этого театра на греческой почве, изменения в его репертуаре, начиная с 80-х гг. XIX в., в связи с приобретением им национальных особенностей.

В статье М. Николя «Амулеты и девизы турецких шоферов» (Michèle Nicolas. Portebonheur et devises du chauffeur turc, стр. 40—46 с илл.) описываются «защитные меры» шоферов в Турции против «дурного глаза» (амулеты, специальные украшения и надписи в кабинах, на кузовах и т. п.).

А. Попович, автор библиографии трудов югославских востоковедов, в статье «Изучение Османской империи и востоковедение в балканских странах (Опыт югославской библиографии)» (Alexandre Popovic. Étude de l'Empire Ottoman et l'orientalisme dans les pays balkaniques. Essai d'un répertoire bio-bibliographique et analytique de l'orientalisme yougoslave, стр. 154—159) пишет о том, что восемьдесят процентов востоковедных публикаций в Югославии посвящено тому периоду, когда страна находилась под турецким владычеством. Такое же положение характерно и для других государств — бывших европейских провинций Османской империи. Большая часть этих работ из-за языкового барьера остается мало известной специалистам из других стран. Это и побудило автора составить библиографию югославского востоковедения, существующего уже более века. Трудности, связанные с освоением этой весьма интересной и важной научной продукции, испытываются как на Западе, так и в самой Турции. Однако автор статьи считает, что эти трудности возникают не столько из-за незнания языка, сколько из-за разбросанности публикаций по различным изданиям, в том числе и периодическим. Некоторые журналы, издававшиеся в период с середины XIX в. до 1945 г., трудно доступны даже в самой Югославии, к тому же нет ни одного их общего обзора. Югославская востоковедная библиография, составленная А. Поповичем и двумя его сотрудниками, охватывает публикации с середины XIX в. (период появления первых научных журналов в Югославии) до наших дней, посвященные изучению так называемого «мусульманского мира»: турок, арабов и персов. Основным критерием отбора работ для включения в библиографию было прежде всего (но не исключительно) использование авторами источников на восточных языках. Библиография включает введение (очерк истории востоковедения в Югославии) и биобиблиографию. Биографические сведения об югославских авторах даны для ориентации иностранных востоковедов. Каталог снабжен индексами авторов и названий трудов, а также систематическим указателем. Работа начата составителем с мая 1966 г. Как сбор материалов, так и его публикация отдельными выпусками связаны со значительными трудностями. В настоящее время опубликована лишь небольшая часть собранного материала, в том числе: «La littérature ottomane des musulmans yougoslaves, essai de bibliographie raisonnée». — «Journal Asiatique», 259, 1971, стр. 309—376). К статье приложен перечень обзоров и библиографий по югославскому востоковедению, подготовленных и изданных другими составителями с 1927 по 1973 г. (одиннадцать названий).

В статье С. Скилляйтер «Британские центры тюркологических исследований» (Susan Skilliter. British centres of Turkish studies, стр. 148—153) дается краткий обзор истории английской тюркологии с конца XIX в. до наших дней и приводятся сведения о шести тюркологических центрах в Лондоне, Дархеме, Эдинбурге, Оксфорде, Кембридже, Манчестере, в том числе о составе преподавателей, программах обучения и тематике научных исследований.

В ежегодник включена рецензия Г. Ливе (Georges Livet, стр. 160—165) на сборник инструкций, которыми министерство иностранных дел Франции снабжало своих послов в Османскую империю (1648—1789), составленный П. Дюпаром (La France et l'Empire Ottoman sous l'Ancien Régime. Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et Ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Revolution francaise. Tome XXIX: Turquie, par Pierre Duparc, Paris, CNRS, 1969, 512 p.). В рецензии отмечается научная ценность источников, проливающих свет на международное положение страны в указанный период,

и содержательность введения, написанного П. Дюпаром.

А. Рона-Таш в статье «К новому изданию волжско-булгарских надписей» (A. Róna-Tas. Towards a new edition of the Volga Bulgarian inscriptions, стр. 14—18), повторяющей сообщение, сделанное на XXIV конгрессе востоковедов в Париже, подробно останавливается на истории открытия и изучения этих надписей. Автор отмечает, что, несмотря на всю важность изучения волжско-булгарских надписей для истории алтайско-тюркских и финно-угорских языков (Волжского района), а также русского и венгерского языков, до настоящего времени не осуществлено полное издание этих материалов, отвечающее современным требованиям[1]. В заключение А. Рона-Таш призывает специалистов к интернациональному сотрудничеству для нового издания волжско-булгарских надписей.

Ч. И. Константин, рецензируя книгу В. Г. Егорова «Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении» (Чебоксары, 1971), характеризует также и другие работы автора по чувашеведению (стр. 166—169). Достоинством рецензируемой работы Ч. И. Константин считает хорошо написанный обзор истории чувашского языкознания, который может быть использован при сравнительном изучении чувашского и других алтайских языков. Наиболее интересной, по мнению рецензента, является глава о происхождении чувашей, в которой нашли отражение материалы дискуссий по истории чувашей Центральной Азии. Автор останавливается на встречающихся в чувашском языке словах монгольского и персидского происхождения. В связи с этими заимствованиями Ч. И. Константин предполагает следующий маршрут следования предков чувашей: от междуречья Иртыша и Енисея на запад (севернее озера Балхаш) к Аральскому морю и Северному Кавказу, а оттуда известной «скифской» дорогой — к Азовскому морю и на Среднюю Волгу.

Рецензия Н. Билдичану (Nicoara Beldiceanu) посвящена диссертации И. Бури-Гутерман «Синтаксис языка османских документов от эпохи Мехмеда Фатиха до Сулеймана Кануни» (Johanna Buri-Gütermann. Der Satzbau in der Sprache der Osmanischen Urkunden aus der Zeit von Mehemmed Fatih bis Süleyman-i Qanuni, Wienne, 1972), (стр. 169—171), защищенной в Венском университете. Во введении диссертации автор останавливается на значении слова «османский» и его происхождении, на структуре исследования; во второй главе приводится список актов, изданных за периоды с 1455 по 1497 г. и с 1510 по 1566 г.; третья глава посвящена анализу языка актов и имеет следующие разделы: главное простое предложение, конструкция фразы, персидские и арабские элементы в турецком синтаксисе, формуляр акта. Завершается исследование кратким заключением и индексом приведенных автором суффиксов. Рецензент выражает сожаление, что автором используются в работе лишь 29 фирманов и несколько видов актов; остался неизученным синтаксис «канун-наме», «бератов», векселей и других документов. Кроме того, автор ограничил себя исследованием синтаксиса лишь фирманов, изданных Фр. Краеличем, и не изучил фирманы, изданные после 1922 г., в том числе постановления султанов Мехмеда II (1451—1481 гг.) и Баязида II (1481—1512 гг.), синтаксис которых испытал в ряде случаев значительное влияние арабских моделей. По мнению Н. Билдичану, книга фактически представляет собою лишь общее введение к теме, объявленной в заглавии. Рецензент выражает пожелание, чтобы автор продолжил исследование.

Статья Э. А. Умарова «Лексические варианты составных частей предложения в узбекском языке по материалам «Khazojin-ul maonij» Алишера Навои (Variantes lexicales des parties constituantes de la phrase en uzbek d'apres le Khazojin-ul-maonij d'Aliser Navoi, стр. 7—13) освещает вопросы лексической вариантности компонентов синтагм, широко представленных в рассматриваемом памятнике. Автор считает, что эти синтагмы при возникновении имели постоянные составляющие, однако с течением времени их отдельные компоненты подверглись изменениям. Так возникли лексические варианты синтагмы. Однако это не отразилось на структуре синтагмы, модель ее осталась прежней. В синтагме слова, генетически близкие или совпадающие по смыслу, заменяются. Фразеологизмы и их лексические и синонимо-лексические варианты, широко распространенные в языке памятника, встречаются и в народном языке. Автор прослеживает процесс проникновения фразеологизмов, созданных Алишером Навои, в народный язык, а также творческое использование поэтом народных фразеологизмов.

В основу статьи А. Третьяковой «Количественные исследования проявления закона гармонии гласных (на примере киргизского языка)» (Andrée Tretiakoff. Recherche quantitative sur la harmonie vocalique applicatjon au kirgiz, стр. 19—31) легло исследование киргизской грамматики А. Япарова (Фрунзе, 1953 г.). Автор дает количественную характеристику проявления закона гармонии гласных, в том числе всевозможных сочетаний и расположений гласных. К статье приложены таблицы, показывающие частоту употребления гласных.

В рецензии Ч. И. Константина на новый сборник анекдотов о Ходже Насреддине на турецком языке, составленный молодым турецким писателем и журналистом Э. Токмакчиоглу (Erdogan Tokmakçioglu. Bütün yönleriyle Nasreddin Hoca. Istanbul, 1971), (стр. 171—174), отмечается огромная популярность Ходжи Насреддина как в Турции,

[1] Этой проблеме посвящена книга: *A. Róna-Tas—Fodor S.* Epigraphica Bulgarica a Volgai Bolgár-török feliratok. Szeged, 1973 (Studia Uralo-Altaica, I).

так и на всем Ближнем и Среднем Востоке. Рецензируемому сборнику предпослано введение, содержащее интересный обзор анекдотов о Ходже Насреддине и исчерпывающую библиографию их изданий. В первой главе излагаются различные предположения о месте рождения и биографии Ходжи Насреддина. Рецензент подвергает сомнению утверждение Э. Токмакчиоглу о чисто турецко-анатолийском происхождении Ходжи Насреддина и анекдотов о нем. Так, обширная библиографическая работа, осуществленная А. Вессельским, выявила, например, европейские источники многих его анекдотов. Ходжа Насреддин, по мнению рецензента, «принадлежит всем тюркам от Балкан до Китая и юга России, популярен также у арабов и иранцев. Собственно, он не имеет точно установленной национальности». Большой интерес представляет проведенная автором тематическая классификация анекдотов о Ходже Насреддине. В библиографии, по мнению Ч. И. Константина, особого внимания заслуживают сведения о турецких изданиях анекдотов.

Статья П. Н. Боратава «Народная литература современной Турции» (Petrev Naili Boratav. La littérature populaire Turque contemporaine) (стр. 47—67) написана на основе доклада, прочитанного автором в декабре 1972 г. в Страсбургском университете. Статья посвящена характеристике современной турецкой ашугской поэзии.

Рецензия Ч. И. Константина (стр. 174—177) посвящена труду румынского тюрколога-литературоведа, переводчика и преподавателя современной турецкой литературы в Бухарестском университете В. Динеску (Viorica Dinescu. Nouvelles turques. Sous les pechers et-le vol. 1, стр. 1—236, XCVIII); Le miroir (qui est) sur la plage, vol. II, стр. 5—327), Bucarest, 1973 (dans la Biblioteca pentru toti, n°9, 727—728) «Турецкие новеллы». Рецензируемое издание является антологией произведений 31 писателя от эпохи Танзимата до наших дней. Рецензент подробно останавливается на предшествующих работах автора антологии и отмечает хорошее качество включенных в нее переводов. Первый том содержит очерк новой и новейшей литературы, хронологическую таблицу, дающую читателю соответствующее представление о месте, занимаемом османской литературой в истории культуры и литературы тюркских народов. Во введении подробно характеризуются писатели и их произведения. О каждом из авторов, включенных в антологию, дается краткая биобиблиографическая справка, Ч. И. Константин кратко характеризует источники, использованные автором антологии.

Обзор Б. Флемминг «Новые научные труды и исследования по языку, истории и культуре доосманской и османской Турции в ГДР с 1968 г.» (Neuere wissenschaftliche Arbeiten und Forchungs vorhaben zur Sprache, Geschichte und Kultur der vorosmanischen und osmanischen Turkei in der Bundesrepublik Deutschland seit 1968) (стр. 131—147) содержит перечень вышедших в свет и находящихся в печати работ по османистике и предосманскому периоду и состоит из следующих разделов: «Библиография», «Описание рукописей и документов», «Язык и литература», «История и культура». Последний раздел делится на периоды: доосманский и османский. Кроме того, в этот раздел входят также подразделы: «Османское искусство» и «Тюркские интересы Мамлюкского времени (1250—1517 гг.)». Каждый раздел включает перечень трудов, находящихся в процессе подготовки к печати, законченных диссертаций и планируемых исследований.

Н. А. Дулина,

Л. Я. Медведева

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ МУСЕ ДЖАЛИЛЮ

11—12 февраля 1976 года в Казани прошла Всесоюзная научная конференция, посвященная 70-летию со дня рождения Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии, поэта Мусы Джалиля. На конференции, организованной Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР и Союзом писателей Татарии, было заслушано 35 докладов и сообщений. В работе конференции принимали участие представители многих научных центров и городов страны.

Конференцию вступительным словом открыл секретарь Татарского обкома КПСС *М. Ф. Валеев.* С докладом «Традиции М. Джалиля и современная татарская поэзия» выступил поэт *Сибгат Хаким* (Казань), отметивший, что «тысячелетние традиции народа преобразовывались под пером Джалиля в традиции поэтические. Эти традиции бесчисленными нитями уходят в прошлое и настоящее народа, в его культуру, быт, историю, напряженную духовную жизнь». Большое место занял в докладе анализ творческого освоения принципов поэзии М. Джалиля в современной татарской литературе.

Н. Г. Юзеев (Казань) в докладе «Современное состояние и задачи джалиловедения» сказал, что «первые статьи о Джалиле появились в 20-х годах, а с 1953 года начался качественно новый этап в истории изучения жизни и творчества Джалиля, возникла новая область литературоведения, именуемая ныне „джалиловедением", основы которой были заложены известным критиком и литературоведом Гази Кашшафом». По мнению докладчика публикации о Джалиле следует разделить на две группы. К одной из них можно отнести статьи популяризирующего характера, к другой — работы исследовательские, обогатившие джалиловедение новыми фактами и материалами. Н. Г. Юзеев подчеркнул необходимость углубленного изучения таких аспектов и проблем творчества Джалиля, как, например, эволюция творческого метода, особенности художественного мышления и индивидуального стиля поэта. По его мнению, еще недостаточно раскрыты такие темы, как «Джалиль—журналист», «Джалиль—критик и теоретик литературы», «Творческий процесс у Джалиля», «Псевдонимы поэта», «Джалиль и искусство». Участники конференции в своих выступлениях поддержали предложение Н. Г. Юзеева о необходимости централизации архивных материалов, связанных с творчеством поэта, для издания полного собрания его сочинений, а также о создании литературного музея М. Джалиля.

В докладе *Р. Г. Бикмухаметова* (Москва) «Поэзия М. Джалиля и мировая гуманистическая литература» были освещены проблемы творческого преломления в поэзии Джалиля гуманистических традиций мировой поэзии.

Большой интерес вызвал доклад *В. Г. Воздвиженского* и *М. Ш. Маннуровой* (Казань) «Поэзия М. Джалиля и литература французского Сопротивления».

Докладчики подчеркнули, что М. Джалилю принадлежит особое место в поэзии периода второй мировой войны: он говорил от имени тех, кому пришлось сражаться с фашизмом в кольце вражеского окружения, на временно оккупированной фашистами земле, за колючей проволокой гитлеровских лагерей смерти. М. Джалилю, талантливейшему выразителю духа борцов с фашизмом, вторит мощный хор поэтических голосов Европы, в числе их — голоса поэтов французского Сопротивления. Общность ситуации, в которой боролись и творили поэты антифашистского подполья, узники концлагерей, общность целей, к которым они стремились, порождала прямую перекличку поэтических мотивов и тем. Докладчики показали это на материале творчества П. Элюара, Р. Десноса, А. Френо, П. Сегерса и др. Авторы вместе с тем подчеркнули коренные различия в идейной направленности и художественной форме произведений М. Джалиля, твердо стоявшего на позициях социалистического реализма, и поэтов французского Сопротивления, эстетическая программа которых была весьма неоднородной, а подчас и противоречивой.

Н. Н. Арочка (Минск) в докладе «М. Джалиль и белорусская поэзия» осве-

тил родственность творчества белорусских поэтов (Гаврилюка, Тавлая и др.) и военной лирики М. Джалиля.

В докладе *Г. З. Рамазанова, С. Г. Сафуанова* и *К. А. Ахметьянова* (Уфа) «М. Джалиль и башкирская литература» подчеркивалось, что тесная связь поэта с Башкирией и ее культурой отражалась в его горячем интересе к башкирской литературе. М. Джалиль переписывался с С. Агишем, С. Кудашем, А. Вали, привлекал башкирских писателей к работе в журналах, редактировавшихся им. Вместе с тем он следил за развитием башкирской литературы, консультировал молодых авторов, выступал с рецензиями, анализом творчества отдельных писателей.

В докладе *Х. Шодикулова* (Душанбе) «Муса Джалиль и таджикско-татарские литературные взаимосвязи» говорилось о том, что «татарскому поэту таджикский народ воздал дань уважения прежде всего за близкие и доступные ему романтические произведения, за общечеловеческую значимость созданных им стихотворений и поэм, призывающих к сближению народов... в традициях таджикско-татарских литературных взаимосвязей, заложенных еще в предшествующие эпохи». Творчество поэта с самого начала питали такие источники, как устное народное творчество, наследие великих татарских писателей, классическая таджикско-персидская и русская поэзия.

И. Х. Забиров (Ташкент) в докладе «Боевые соратники поэта-героя» отметил, что в годы борьбы против фашизма творчество М. Джалиля и его соратников-поэтов стало оружием героической подпольной пропаганды. Докладчик привел немало новых фактов и документов о боевых друзьях М. Джалиля, участниках Сопротивления.

В докладе *К. Абдылдабекова* (Фрунзе) «Поэзия М. Джалиля на киргизском языке» говорилось, что работа над переводами произведений Мусы Джалиля явилась для киргизских поэтов-переводчиков своеобразной школой поэтического мастерства. По мнению докладчика, в данном случае художественный перевод стал не только средством расширения литературных связей, но и формой творческого взаимодействия литератур. Переводы произведений М. Джалиля на киргизский язык стали в ряд с лучшими достижениями киргизской литературы.

Вопросы взаимосвязи братских литератур и литературного наследия М. Джалиля были освещены в докладах *С. Сеитова* (Алма-Ата) «Джалиль в Казахстане», *Ю. Лаурушас* (Вильнюс) «Поэзия М. Джалиля в Литве», *С.-М. Х. Акбиева* (Каспийск) «М. Джалиль в Дагестане», *Е. С. Сидоровой* (Чебоксары) «М. Джалиль и чувашская литература».

Р. А. Мустафин (Казань) свой доклад «Муса Джалиль — комсомольский работник» посвятил общественной деятельности поэта в 20-е годы. Привлечение новых материалов помогло докладчику осветить некоторые моменты довоенной биографии поэта.

С интересом были заслушаны на конференции выступления скульптора *Баки Урманче* (Казань) и драматурга *Ризы Ишмурата* (Казань) об истории создания скульптурного портрета и сценического образа поэта-героя.

Теме «М. Джалиль и искусство» был посвящен ряд докладов: *Ю. Н. Исанбета* (Казань) «Место М. Джалиля в развитии татарской музыкальной культуры», *Р. Г. Шагеевой* (Казань) «Поэт-герой в изобразительном искусстве», *К. С. Тазиевой* (Казань) «Образ М. Джалиля в советской музыке».

В программу научной конференции были включены также доклады: *И. Н. Надирова, Н. Ф. Ибрагимова* (Казань) «М. Джалиль и народное творчество», *Ф. И. Мустафина* (Казань) «Общественно-педагогическая деятельность М. Джалиля и вопросы коммунистического воспитания молодого поколения», *Х. Р. Курбатова* (Казань) «Ритмика стихов М. Джалиля», *А. Г. Махмутова* (Казань) «Философско-эстетические основы „Моабитских тетрадей"», *Т. Н. Галиуллина* (Елабуга) «Эволюция лирического героя в творчестве М. Джалиля», *Р. А. Нутфуллиной* (Елабуга) «Единство национального и интернационального в творчестве М. Джалиля», *Н. М. Мурадымова* (Ош) «Формы выражения авторского „я" в лирике М. Джалиля», *М. В. Гайнутдинова* (Казань) «Литературный процесс 20—30-х годов и М. Джалиль», *Ф. И. Ибрагимовой* (Казань) «Произведения М. Джалиля для детей», *Н. Г. Ханзафарова* (Казань) «Особенности антифашистского репертуара джалиловцев», *Г. Х. Ахатова* (Уфа) «Язык поэмы „Письмоносец"», *А. З. Нигматуллина* (Уфа) «Изучение творчества М. Джалиля в школе», *Ф. Ф. Исламова* (Казань) «Вопросы патриотического и интернационального воспитания учащихся в процессе изучения жизни и творчества М. Джалиля в школе», *И. З. Мингазовой* (Казань) «Фонд М. Джалиля в Государственном музее ТАССР».

После обсуждения докладов и сообщений с заключительным словом выступил директор Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР проф. *М. К. Мухарямов*. Он подчеркнул значение работы конференции для дальнейшего изучения жизни и творчества поэта, выразил признательность всем ее участникам.

Конференция рекомендовала издать сборник прочитанных докладов и сообщений, а также выдвинула вопрос о создании в Казани при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР музея М. Джалиля, где можно было бы сосредоточить все материалы, относящиеся к жизни и творчеству поэта.

Н. Г. Ханзафаров

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

PERSONALIA

АЛИГЕЙДАР АЛИАББАС ОГЛЫ ОРУДЖЕВ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения видного азербайджанского ученого-лексикографа, заведующего отделом словарей Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, профессора Алигейдара Алиаббас оглы Оруджева.

А. А. Оруджев родился 20 ноября 1905 года в гор. Кубе (Азербайджанская ССР), где и получил начальное образование.

Окончив в 1926 г. рабфак, он с 1931 по 1933 г. учится в Московском редакционно-издательском институте. Позднее он оканчивает экстерном филологический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова.

С февраля 1923 г. А. А. Оруджев занимается журналистской деятельностью: до 1926 года он работает ответственным секретарем редакции газеты «Гяндж ишчи» («Молодой рабочий»), а затем — заведующим отделом юношеской литературы издательства «Азернешр».

В 1928—1946 гг. А. А. Оруджев активно участвует в переводе трудов классиков марксизма-ленинизма на азербайджанский язык. Им переведены на азербайджанский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, целый ряд трудов В. И. Ленина.

С 1940 г. А. А. Оруджев совместно с другими авторами работает над созданием однотомного «Русско-азербайджанского словаря». В 1940—1946 гг. при его деятельном участии выходит в свет четырехтомный «Русско-азербайджанский словарь».

В 1947 году А. А. Оруджев защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Язык первой азербайджанской газеты „Экинчи"» («Пахарь»).

Партия и правительство высоко оценили деятельность А. А. Оруджева по созданию четырехтомного словаря. В 1948 г. ему с соавторами — видным азербайджанским ученым, академиком Г. Н. Гусейновым и Ю. А. Мирбабаевым была присуждена Государственная премия СССР.

Академик И. И. Мещанинов в своем отзыве о словаре писал: «Словарь своим объемом превзошел другие русско-национальные словари, таким образом, и по своему объему этот словарь резко выделяется. В его составление был заложен громадный труд, весьма кропотливый и вполне добросовестный. Колоссальная по своему охвату работа была выполнена в самый возможно короткий срок, без снижения качества работы»[1].

В 1956 и 1959 годах было осуществлено второе издание этого словаря в двух томах, коренным образом переработанное и дополненное при участии А. А. Оруджева.

В 1971 году под редакцией А. А. Оруджева вышел из печати первый том исправленного и дополненного третьего издания указанного словаря, а в 1975 году — его

[1] «Труды Института языка». Баку, 1947, № 1, стр. 73.

второй том. Третий том находится в производстве.

А. А. Оруджев большое внимание уделяет научной разработке вопросов, связанных с созданием и упорядочением терминологии азербайджанского языка. Он выступает с рядом докладов и статей, посвященных проблемам терминологии: «О принципах создания научной терминологии на азербайджанском языке»[2], «О лингвистической терминологии на азербайджанском языке»[3], «Некоторые замечания по поводу терминологической лексики»[4] и др.

Работы А. А. Оруджева по вопросам теории и практики создания двуязычных и толковых словарей, изданные в центральной и республиканской печати, несомненно, обогащают советскую лексикографию. Его статьи «К вопросу об отражении в русско-тюркских словарях лексико-грамматических особенностей русского языка»[5], «Новое издание „Русско-азербайджанского словаря"»[6] и другие, посвященные конкретным проблемам составления двуязычных словарей, имеют большое значение не только для азербайджанской, но и для всей тюркской лексикографии и лексикологии. В этом ряду следует особо выделить статьи: «Азербайджанская советская лексикография»[7], «Азербайджанская лексикография на новом этапе»[8].

В 1946 г. А. А. Оруджев приступает к разработке научных основ первого «Толкового словаря азербайджанского языка» и в 1949 г. публикует статью «О толковом словаре азербайджанского языка»[9].

Параллельно с разработкой научных принципов создания толкового словаря ученый продолжает работу над его составлением и в 1949 г. публикует дополненный и усовершенствованный его проект с фрагментом словаря (буква «А») для широкого обсуждения[10].

Окончательный вариант проекта словаря широко обсуждался на Всесоюзном координационном совещании в Баку в 1956 г.[11].

Проект словаря рассматривался также на заседании секции восточных языков I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте[12].

В 1962 году А. А. Оруджев защищает докторскую диссертацию, которая явилась «научно-теоретическим обобщением итогов более чем пятнадцатилетней работы автора в этой области»[13]. К защите, наряду с диссертацией, было представлено около двух третей текста I тома толкового словаря, составленного лично А. А. Оруджевым. Диссертантом были поставлены и решены такие узловые проблемы, как вопрос о словнике, омонимия в словаре, подача сложных слов и фразеологии, семантическая классификация и расположение значений слов, типы и методы толкования значений слов, иллюстративный материал в словаре, структура словаря и словарных статей.

В 1965 году была опубликована монография А. А. Оруджева «Научные основы филологического словаря азербайджанского языка», в которой исследуется связь лексикографии с другими отраслями языкознания, такими, как лексикология, грамматика, стилистика, фразеология и т. п., рассматриваются основные принципы создания словаря, вопросы иллюстраций, картотеки и т. д.

По признанию многих советских лексикографов и лексикологов, разработанные А. А. Оруджевым научные принципы «Толкового словаря азербайджанского языка» послужили образцом для составления толковых словарей других тюркоязычных народов Советского Союза.

В 1966 году вышел из печати первый том «Толкового словаря азербайджанского языка». Он охватывал буквы А, Б, В, Г, содержал 10 100 заглавных слов и 3 100 фразеологизмов.

Подготовлен к печати второй том словаря, составленный коллективом сотрудников возглавляемого А. А. Оруджевым отдела словарей, под редакцией и при участии самого ученого. В настоящее время им завершается работа по редактированию третьего тома.

Еще в 50-е годы в процессе работы над «Толковым словарем азербайджанского языка» у А. А. Оруджева возникла идея создания двуязычного фразеологического словаря. В настоящее время замысел ученого осуществлен, и «Азербайджанско-русский фразеологический словарь» сдан в производство.

---

[2] «Известия Академии наук Азербайджанской ССР». Баку, 1951, № 2.

[3] «Вопросы терминологии». М., 1961.

[4] «Нитг мәдәнијјәти мәсәләләри». Бакы, 1969.

[5] «Лексикографический сборник». М., 1963, выпуск VI.

[6] «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук». Баку, 1961, № 2.

[7] «Лексикографический сборник». М., 1957, выпуск II.

[8] «Азәрбајчан дилчилији 50 илдә». Бакы, 1969.

[9] «Известия АН СССР, ОЛЯ». М., 1949, выпуск 4.

[10] «Труды Института языка». Баку, 1949, I выпуск; 1950, II выпуск.

[11] Принципы составления «Толкового словаря азербайджанского языка». — «Тезисы докладов на Всесоюзном координационном совещании». Баку, 1956.

[12] Принципы составления «Толкового словаря азербайджанского языка». — «Тезисы докладов первой Всесоюзной конференции востоковедов». Ташкент, 1957. — «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в гор. Ташкенте». Ташкент, 1958.

[13] Теоретическое обоснование к «Толковому словарю азербайджанского языка». — Автореф. докт. дисс. Баку, 1962, стр. 57.

В отзыве на рукопись этого словаря проф. С. Н. Иванов (Ленинградский государственный университет им. Жданова) пишет: «Это — первый опыт подобного рода словаря в азербайджанском языкознании. Если иметь в виду, что и все другие тюркские языки еще сравнительно слабо разработаны с точки зрения выявления их фразеологии, то станет ясно, что рецензируемый словарь приобретает и общетюркологическое значение... Успех автора-составителя был возможен потому, что им четко обоснованы принципы, положенные в основу работы по составлению словаря».

А. А. Оруджевым отредактировано переработанное, дополненное и исправленное третье издание «Орфографического словаря азербайджанского языка» (1976 г.).

Ученый имеет большие заслуги и в области подготовки научных лексикографических кадров. Его ученики ныне успешно работают в различных областях азербайджанского языкознания.

В 1968 году А. А. Оруджев был избран членом-корреспондентом Академии наук Азербайджанской ССР. Он является членом научного совета по проблемам лексикологии и лексикографии при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, членом ученых советов: Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР, Объединенного ученого совета Института литературы им. Низами и Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, членом Главной редакции Азербайджанской Советской Энциклопедии и председателем Терминологического комитета при Президиуме Академии наук Азербайджанской ССР.

За большие научные заслуги в области лексикографии А. А. Оруджев награжден орденом «Знак Почета», медалями, двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Коллеги и сотрудники А. А. Оруджева желают ему, видному советскому лексикологу, доброго здоровья и успешного завершения всех его научных замыслов на благо азербайджанской и всей тюркской лексикографии и лексикологии.

Б. Т. Абдуллаев

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

ХРОНИКА

ВТОРОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

18 марта 1976 г. в Москве состоялось второе пленарное заседание Советского Комитета тюркологов, на котором с отчетом о работе за 1975 год выступил председатель Комитета академик *А. Н. Кононов*.

В течение отчетного периода основной задачей Советского Комитета тюркологов была подготовка к проведению Всесоюзной Тюркологической конференции в Алма-Ате 27—29 сентября с. г. Разработана и разослана по основным тюркологическим центрам, научным и учебным учреждениям страны тематика конференции по трем секциям — языкознания; литературоведения и фольклористики; истории, археологии и этнографии.

В 1975 году под эгидой Советского Комитета тюркологов были проведены: VII Тюркологическая конференция в Ленинграде (2—6 июня 1975 г.), посвященная 95-летию со дня рождения С. Е. Малова, Конференция по тюркской лексикологии и лексикографии в Москве (17—19 марта 1975 г.) и Симпозиум по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков и монголистике в Москве (24—26 ноября 1975 г.).

Советский Комитет тюркологов координирует проведение коллективной работы по созданию «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», которую ведет Комиссия по составлению атласа, возглавляемая академиком Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиевым. В настоящее время на основе «Вопросника», разработанного Сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, осуществляется сбор материала по намеченным зонам. Сбор материала закончен в южносибирской зоне, и обсуждение результатов этого этапа работы над «Атласом» состоялось в Новосибирске в начале мая 1975 г. (ответственная — Е. И. Убрятова).

Тюрко-монгольский кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (С. Г. Кляшторный) и Сектор публикации памятников Института востоковедения АН СССР (Д. Д. Васильев) продолжают подготовку к изданию «Корпуса древнетюркских (рунических) памятников».

С. Г. Кляшторный вел полевое изучение рунических памятников в Монголии, открыл три новые надписи, ревизовал несколько известных прежде надписей. Д. Д. Васильев, продолжая работать над составлением «Альбома памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея», в результате полевых работ отснял восемьдесят три известных ранее памятника и шесть вновь открытых текстов; составил и подготовил к печати комментированный список новых находок и памятников, не учтенных в предыдущих перечнях; составляется научный аппарат «Альбома» (библиографии атласов, альбомов, сборников, многочисленные указатели).

А. Н. Кононов подчеркнул, что одной из важнейших задач, стоящих перед Советским Комитетом тюркологов, является координация научно-исследовательских работ по тюркологии. В настоящее время ведется учет общетюркологической тематики, разрабатываемой в академических и учебных учреждениях страны, с тем, чтобы на основе этого определить проблематику перспективного планирования в области тюркского языкознания (исполнитель — Сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР), истории и литературоведения (исполнители — Ю. А. Петросян, Х. Г. Короглы). В ходе работы над планом координации исследований была сформулирована тематика Всесоюзной Тюркологической конференции по соответствующим секциям.

Советский Комитет тюркологов предпринял практические шаги для повышения уровня научно-исследовательской работы в республиках. В настоящее время ведущими специалистами разрабатываются примерное методическое руководство по описанию тюркских диалектов и говоров (Л. Т. Махмутова), а также примерная схема фонетико-грамматического описания памятников средневековой тюркской письменности (Э. И. Фазылов), которые по завершении предполагается опубликовать в целях широкого и всестороннего обсуждения.

Подготовлены также: а) требования по тюркологическим дисциплинам при вступительных экзаменах в аспирантуру; б) планы и программы по тюркскому языкознанию, литературоведению и фольклористике для аспирантов-тюркологов, составленные Н. А. Баскаковым и Э. В. Севортяном (языкознание) и Х. Г. Короглы (литературоведение и фольклористика).

Составлен и разослан в тюркологические научные центры проект единой фонетической транскрипции для тюркских языков на основе русского алфавита (автор — Н. А. Баскаков).

Подготовлены к печати сборники «Историко-филологические исследования (памяти академика В. А. Гордлевского)» и «Сравнительно-исторические исследования (к 70-летию Э. В. Севортяна)».

О планах работы Советского Комитета тюркологов на 1976 г. и на пятилетие доложил *Э. Р. Тенишев.* Основные усилия Советского Комитета тюркологов в 1976 г. направлены на проведение Всесоюзной Тюркологической конференции в Алма-Ате. Важно также обеспечить участие делегации советских тюркологов в XIX заседании РІАК (ПИАК, июнь 1976 г.). В 1976 г. будет продолжена коллективная работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» и «Корпусом древнетюркских (рунических) памятников». В этом году планируется завершить составление списка коллективно разрабатываемых тем по тюркскому языкознанию, учет всей тюркологической языковедческой тематики и анкетирование тюркологов-языковедов (исполнитель — Сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР), а также подготовить перечень коллективных трудов по истории и литературоведению в области тюркологии. В 1976 г. должна быть окончена работа над примерным методическим руководством по описанию тюркских диалектов и говоров и над примерной схемой фонетико-грамматического описания памятников средневековой тюркской письменности. В информационных целях намечено опубликовать в журнале «Ural-altaische Jahrbücher» **«Положение о создании Советского Комитета тюркологов».**

В плане работы Советского Комитета тюркологов на 1976—1980 гг. — подготовка и проведение совещаний, конференций, симпозиумов по крупным проблемам тюркологии (исполнитель — Бюро Советского Комитета тюркологов). Координация научно-исследовательских работ предусматривает прежде всего долгосрочное планирование коллективных трудов по тюркскому языкознанию, истории и литературоведению. В процессе учета всей тюркологической языковедческой тематики и разработки проблематики докторских и кандидатских диссертаций тюркологические коллективы должны уделять особое внимание исследованию малоизученных тюркских языков и диалектов.

На заседании подчеркивалась важность участия Советского Комитета тюркологов в подготовке научных кадров и, в частности, в организации специализированных научных центров для повышения квалификации тюркологов-лингвистов. Намечено также приступить в этом пятилетии к составлению «Словаря тюркизмов в русском языке» (коллективный труд под руководством Н. А. Баскакова).

По предложению А. Н. Кононова *С. Г. Кляшторный* (Ленинград) и *Д. Д. Васильев* (Москва) подробно рассказали о своей работе над «Корпусом древнетюркских (рунических) памятников».

Оживленно обсуждались на заседании вопросы публикации тюркологических трудов. Так, до сих пор не издан ряд сборников и коллективных работ (в их числе — «Диалекты тюркских языков Советского Союза», материалы трех конференций по тюркской лексикологии и лексикографии, VI и VII тюркологических конференций в Ленинграде). Был поставлен также вопрос об издании материалов Всесоюзной Тюркологической конференции в Алма-Ате.

А. Н. Кононов, отметив, что тезисы докладов будут напечатаны Академией наук Казахской ССР, предложил опубликовать ряд докладов в журнале «Советская тюркология» и в изданиях Академии наук Казахской ССР.

Аханов (Алма-Ата) высказался за то, чтобы «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая» и «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественные науки» посвятили Всесоюзной Тюркологической конференции по одному номеру.

По мнению *С. Г. Кляшторного,* президиумы академий наук тюркоязычных республик должны содействовать тюркологам Москвы и Ленинграда в издании сборников. А. Н. Кононов поддержал это предложение. В свою очередь *Б. О. Орузбаева* (Фрунзе) напомнила о том, что в координационных планах республиканских академий наук предусмотрено выполнение ряда работ совместно с Академией наук СССР и, следовательно, имеется возможность публикации коллективных тюркологических трудов в изданиях республиканских академий. В связи с этим *Н. А. Баскаков* предложил разделить коллективный труд «Диалекты тюркских языков Советского Союза» по зональному признаку на три или пять частей и обратиться с просьбой об их публикации в президиумы академий наук союзных республик.

Э. И. Фазылов (Ташкент) предложил запланировать привлечение к разработке примерной схемы фонетико-грамматического описания памятников средневековой тюркской письменности С. Н. Иванова (морфология), В. Г. Гузева (фонетика), Н. З. Гаджиеву (синтаксис), за самим Э. И. Фазыловым оставляется лексика. Э. И. Фазылов предложил также предусмотреть в планах работы Советского Комитета тюркологов общие доклады о состоянии тюркологии в отдельных республиках, а также критический обзор текущей работы. По мнению

Х. Г. Короглы (Москва), такие доклады и обзоры необходимы не только по тюркскому языкознанию, но и по литературоведению и фольклористике. *А. Н. Кононов* признал эти предложения полезными и реальными. Подобные обзоры, по его мнению, следует включать в индивидуальные планы работы наиболее квалифицированных сотрудников соответствующих институтов с тем, чтобы впоследствии они могли быть опубликованы.

Н. А. Баскаков (Москва) просил конкретизировать в плане предусмотренную на 1976 г. работу по «Диалектологическому атласу тюркских языков СССР». Считая одной из важнейших задач Советского Комитета тюркологов координацию научно-исследовательских работ, он предложил уделить больше внимания учету тюркологических трудов в республиках.

Г. Ф. Благова (Москва) отметила, что Советский Комитет тюркологов обращался и продолжает обращаться не только к академическим, но и к учебным учреждениям, где ведутся тюркологические исследования, с просьбой представить сведения о тематике научных работ, запланированных на 1976—1980 гг., что в интересах самих этих учреждений. Однако эта мера явно недооценивается на местах, и в Комитет присылаются заведомо устарелые сведения. Темы зачастую формулируются неточно и не отражают проблематики и применяемых методических приемов. В отдельных областях тюркского языкознания установились тематические штампы, используемые по настоящее время (например, в истории тюркских письменно-литературных языков средневековья). Тем самым ограничивается возможность самой постановки каких-либо исследовательских проблем, и работа сводится к голому описательству. Советскому Комитету тюркологов в целях координации очень важно получать проспекты республиканских академических изданий.

Г. Ф. Благова остановилась также на организационных вопросах.

Б. Ч. Чарыяров (Ашхабад), отметив, что институты республиканских академий ежегодно представляют отчеты для соответствующих отделений Академии наук СССР, предложил в целях координации и информации доводить их также до сведения Советского Комитета тюркологов.

А. Н. Кононов сказал, что такая инициатива будет весьма полезной.

С. Н. Соколов (Москва) выразил пожелание, чтобы для анкетирования тюркологов рассылались официальные запросы и типовые анкеты.

Н. З. Гаджиева (Москва) поставила вопрос о необходимости хотя бы одного штатного сотрудника для Советского Комитета тюркологов и Советского Комитета финно-угроведов.

Н. А. Баскаков рассказал о ходе работы по изучению тюркизмов русского языка. Сбор материала и накопление картотеки тюркизмов позволят со временем создать словарь.

В. И. Асланов (Баку) сообщил о том, что осенью 1977 г. в Баку предполагается провести юбилейное заседание Академии наук Азербайджанской ССР, посвященное 175-летию со дня рождения М. А. Казембека. Он отметил, что в Индии и Пакистане имеется большое количество тюркоязычных рукописей, учет и описание которых не производится, и предложил ходатайствовать перед Президиумом Академии наук СССР о командировании советских тюркологов в Индию и Пакистан для исследования этих памятников.

А. Н. Кононов отметил, что, прежде чем приниматься за описание рукописей Индии и Пакистана, следовало бы тщательно изучить неисследованные тюркоязычные рукописи хранилищ Советского Союза. До сих пор систематическая каталогизация памятников ведется только Институтом востоковедения Академии наук Узбекской ССР, причем выпускаемые им тома «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» имеют серьезные недостатки. *Э. Р. Тенишев* в этой связи предложил установить более тесные деловые контакты с Южно-Уральским отделением Археографической комиссии Академии наук СССР.

Ш. Ф. Мухаммедяров (Москва), отметив, что предложенные планы Советского Комитета тюркологов направлены на объединение усилий специалистов для решения задач первостепенной важности, подчеркнул необходимость установления тесных контактов с Советским комитетом по изучению цивилизаций Центральной Азии при ЮНЕСКО, а также с Археографической комиссией Академии наук СССР, одним из направлений работы которой в настоящее время является изучение и издание татарских ханских ярлыков. По мнению Ш. Ф. Мухаммедярова, изучение, описание и каталогизация тюркоязычных рукописей должны находиться в ведении Советского Комитета тюркологов. В этой связи чрезвычайно нужным представляется создание справочника по тюркологическим центрам, а также публикация информационного бюллетеня Советского Комитета тюркологов и официальных отчетов о его деятельности. Другое предложение Ш. Ф. Мухаммедярова касалось усиления научной работы в области алтаистики.

А. Н. Кононов подчеркнул неотложную необходимость подготовки кадров алтаистов широкого профиля, обладающих знаниями в области тюркологии, монголистики, тунгусо-маньчжуроведения, кореанистики и японистики. Поскольку центр тяжести тюркологических изысканий со временем перемещается в союзные республики, чрезвычайно важное значение приобретает повышение уровня подготовки кадров в республиканских научно-исследовательских учреждениях, которым надлежит выйти за рамки исследования языка, литературы и фольклора только одного тюркоязычного народа. А. Н. Кононов считает целесооб-

разным запланировать на 1980 г. проведение в Москве алтаистической конференции, охватывающей три дисциплины — тюркологию, монголистику и тунгусо-маньчжуроведение.

Это мнение было поддержано *Н. А. Баскаковым*, который предложил предусмотреть также созыв в Ленинграде симпозиума-семинара алтаистического направления для тюркологов из союзных республик. Н. А. Баскаковым был поставлен также вопрос о возможности издания Словаря Махмуда Кашгари на русском языке.

Е. И. Убрятова высказала пожелание, чтобы проект плана на 1976—1980 гг., представленный на обсуждение пленарного заседания Советского Комитета тюркологов, на основе высказанных замечаний и пожеланий был уточнен и дополнен.

А. Н. Кононов сообщил, что уточненный и дополненный план работы Советского Комитета тюркологов на начавшуюся пятилетку будет обсуждаться на Всесоюзной Тюркологической конференции в Алма-Ате.

В заключение заседания А. Н. Кононов информировал его участников о том, что Советский Комитет ходатайствовал перед Отделением литературы и языка Академии наук СССР о введении в состав Комитета представителей научно-исследовательских учреждений и учебных заведений союзных республик.

Г. Ф. Благова, Л. Г. Серова

«КАЗАХСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ»

19 ноября 1975 года на заседании Объединенного ученого совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Казахская народная песня», представленной старшим научным сотрудником отдела фольклора Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР, кандидатом филологических наук **Уахатовым Бекмуратом** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Сбор и изучение песенного жанра фольклора казахского народа начались еще в прошлом веке. Несмотря на определенную работу, проделанную в этой области за минувшие десятилетия, песня все еще остается недостаточно разработанным в монографическом плане жанром традиционного казахского устно-поэтического творчества. В известной мере этот пробел восполняется исследованием Б. Уахатова.

В диссертации рассматриваются проблемы возникновения, развития и обогащения казахской песни на различных этапах ее истории. Всесторонне анализируются ее жанровые особенности и функциональная роль в культурной жизни общества, предлагаются новые принципы классификации песенного жанра. Сопоставляя песенное наследие ряда тюркоязычных народов, диссертант приходит к интересным выводам о генезисе каждого типа песни, останавливается на национальной специфике песенного творчества.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов академик АН Казахской ССР М. Каратаев, члены-корреспонденты АН Казахской ССР Н. Смирнова и З. Ахметов, а также неофициальные оппоненты члены-корреспонденты АН Казахской ССР М. Балакаев и И. Дюсенбаев, д-р филол. наук, поэт А. Тажибаев и критик, поэт К. Бекхожин дали высокую оценку диссертации. Ими отмечалось, что автором глубоко изучено песенное творчество казахского народа, прослежен исторический путь, пройденный народной песней казахов с древнейших времен до наших дней, раскрыты особенности дореволюционной песенной традиции, ее развитие и трансформация в советскую эпоху.

Диссертант обращается к бытовым и историческим реалиям; жанровые разновидности песен рассматриваются им в их внутренней взаимосвязи и исторической последовательности. Работа отличается своеобразием методики изучения и постановки ряда актуальных проблем фольклористики, новизной принципов классификации и анализа текстов. В ней впервые дана историческая характеристика жанра *өлең*, определены его функции, выявлены структурные особенности казахской песни, охарактеризованы ее носители и исполнители.

Объединенный ученый совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Б. Уахатову ученой степени доктора филологических наук.

С. А. Каскабасов

«СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЗАВИСИМЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ»

12 февраля 1976 года на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником Института языкознания АН Казахской ССР **Есеновым Хаирболатом Мукановичем.**

Диссертация посвящена исследованию осложненных конструкций синтаксиса казахского языка, которые ранее рассматривались в составе предложений сложноподчиненного типа.

Х. М. Есенов делит осложненные конструкции в соответствии со способом их образования и коммуникативными функциями на два больших вида: осложненные предложения с пояснительно-добавочными синтаксическими компонентами и осложненные предложения с особыми синтаксическими оборотами. Каждый из этих видов в свою очередь расчленяется на подвиды. К первому подвиду диссертант относит предложения с обособленными приложениями, вводными и вставными конструкциями, а также с однородными членами предложения. Второй подвид осложненных конструкций характеризуется деепричастными, причастными, условными и именными оборотами.

Заслуживает внимания разработка диссертантом структурной типологии сложноподчиненных предложений, классификация придаточных предложений, образующих три группы: адвербиальные, относительные и последовательные придаточные предложения, имеющие еще внутренние разновидности. В синтаксическом плане между компонентами сложноподчиненных предложений выявляются четыре отношения: 1) одностороннее, присущее адвербиальным придаточным; 2) двустороннее, типичное для относительных; 3) обратное — для изъявительных; 4) свободное — для последовательных придаточных компонентов. Интерес представляет и структурный анализ природы усеченных сложноподчиненных предложений.

Автор обращается в своем исследовании к сравнительно-типологическому методу и основывается в своих выводах на материалах не только одного современного казахского языка, но и на фактах других тюркских и иноструктурных языков. Диссертант приходит к весьма важному заключению о том, что осложненные предложения современного казахского языка — это, наряду с простым и сложным предложениями, самостоятельная синтаксическая категория.

Научный консультант Х. М. Есенова — заслуженный деятель науки Казахской ССР, член-корреспондент АН Казахской ССР М. Б. Балакаев, официальные оппоненты д-ра филол. наук Р. Г. Сыздыкова, Н. З. Гаджиева, А. Д. Джапаров, Р. С. Амиров, а также выступившие на защите д-р филол. наук А. К. Калыбаева, д-р педагог. наук Х. А. Аргынов дали положительную оценку работе Х. М. Есенова, отметив ряд новых теоретических положений и ценных практических выводов диссертанта.

Ученый совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Х. М. Есенову ученой степени доктора филологических наук.

Е. Х. Жубанов

«ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА»

17 февраля 1976 года на заседании Совета филологического факультета по присуждению ученых степеней Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации «Основные вопросы исторической морфологии казахского языка», представленной доцентом кафедры казахского языка **Томановым Мархабатом Томановичем** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Историческая морфология впервые разрабатывается в казахском языкознании столь глубоко, с широким привлечением богатого фактического материала казах-

ского языка и данных других тюркских и нетюркских языков.

Основываясь на сравнительно-историческом методе, автор реконструировал целый ряд языковых фактов, не зафиксированных казахской письменностью.

В диссертации М. Т. Томанова рассматриваются значения казахских морфологических единиц и особенности их употребления в процессе развития. Автор пытается выяснить причины отмирания или активизации отдельных форм в определенный период развития языка. При этом из явлений, имеющих общетюркский характер, им по возможности выделяются те, которые составляют особенности развития только казахского языка. М. Т. Томанов стремится установить причины возникновения ряда фонетических процессов, происходивших в системе языка в целом и в составе корней и морфологических форм в частности. В центре внимания диссертанта — выяснение особенностей происхождения, образования, развития и изменения конкретных морфологических форм-единиц.

В первой главе «Развитие корней» рассматриваются вопросы фонетических изменений корней и их морфологического развития, а также синкретизм корней. Автор приходит к заключению, что изучаемые изменения корней во многих случаях обусловлены утратой ими лексического значения, благодаря чему они становились подвержены к различным звуковым изменениям. Процесс утраты лексической самостоятельности и возникавшие на этой почве фонетические изменения, в свою очередь, обусловливали дальнейшее развитие корней путем присоединения к ним аффиксов.

Вторая глава «Развитие именных частей речи» содержит сравнительно-исторический обзор особенностей формантов имен существительных и прилагательных.

Третья глава посвящена развитию глагола.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН Казахской ССР Г. С. Садвокасов, доктора филол. наук Р. Г. Сыздыкова и Н. О. Оралбаева, а также выступившие на защите д-р филол. наук, профессор Х. Х. Махмудов, канд. филол. наук, доцент М. Жолдасбеков и другие отметили достоинства диссертации и заслуги М. Т. Томанова в исследовании вопросов истории казахского языка вообще и его исторической морфологии в частности.

Ученый совет проголосовал за присуждение М. Т. Томанову ученой степени доктора филологических наук.

А. К. Курышжанов

«АЗЕРБАЙДЖАНСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ НАЧАЛА XX ВЕКА (1900—1920 ГОДЫ)»

25 февраля 1976 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации «Азербайджанско-русские литературные связи начала XX века (1900—1920 годы)», представленной доцентом Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина **Алмамедовым Алмамедом Мамедали оглы** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Период, которому посвящено исследование А. Алмамедова, известен своей политической сложностью и напряженностью. В этот период трех революций литература становится мощным оружием идеологической борьбы народа. Ее цели и задачи социально заостряются и конкретизируются. Азербайджанско-русские литературные связи в эти годы не только углубляются, но и расширяются, оказывая мощное воздействие на становление новой азербайджанской реалистической литературы и способствуя ее идейному и художественному развитию.

Диссертант попытался выявить общую картину азербайджанско-русских литературных связей начала XX века, идейно-художественную направленность этих связей, укрепление и дальнейшее развитие в азербайджанской литературе и литературной критике под воздействием русской реалистической литературы передовых тенден-

ций, демократических и революционных идей.

А. Алмамедову удалось убедительно доказать, что азербайджанская литература с ее гуманистическими традициями, занимающая видное место в истории мировой литературы, с начала XX века начинает активно выражать ведущие демократические и революционные идеалы современности.

Именно в этот период азербайджанская литература испытывала особенно сильное плодотворное воздействие передовой русской литературы и общественной мысли.

Лучшие представители азербайджанской реалистической литературы этого периода вели последовательную борьбу против проявлений национальной ограниченности и стремились к максимальному расширению азербайджанско-русских общественных и литературных связей.

В диссертации подробно прослеживается деятельность азербайджанских писателей — просветителей и популяризаторов русской культуры.

Официальные оппоненты — доктора филол. наук, профессора А. Ф. Заманов, Б. А. Набиев и С. Г. Асадуллаев, а также выступившие на защите доктора филол. наук, профессора П. Халилов, Х. Алимирзоев, А. Гаджиев, Ш. Садыхов, Ю. Сеидов и А. Агаев дали высокую оценку диссертационной работе А. Алмамедова и высказались за ее издание.

Члены Ученого совета приняли единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. М. Алмамедову ученой степени доктора филологических наук.

Ш. Салманов

«СТАНОВЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА»

6 апреля 1976 года на заседании Объединенного ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации. «Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система», представленной заведующим сектором истории и диалектологии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР **Насыровым Досжаном Сипатдиновичем** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

История формирования и развития каракалпакского разговорного языка и его диалектной системы, а также его взаимоотношений с другими тюркскими языками как древними и средневековыми, так и современными до сих пор в широком историко-лингвистическом плане не исследовалась. О некоторых особенностях фонетики, грамматики и лексики каракалпакского народно-разговорного языка и его диалектов в сравнении с булгарским, печенежским, огузским и кыпчако-половецким языками говорится в работах С. Е. Малова и Н. А. Баскакова.

Д. Н. Насыров на основе сравнительно-исторического изучения фонетических, грамматических и лексико-семантических особенностей диалектов каракалпакского языка и их сопоставления с соответствующими данными памятников исследовал процесс возникновения, становления и развития каракалпакского общенародного языка и его диалектной системы.

В первой главе изложена история развития каракалпакской диалектологии. Две последующие главы посвящены вопросам этногенеза каракалпаков, истокам формирования каракалпакского общенародного разговорного языка.

Четвертая глава посвящается современному каракалпакскому общенародному разговорному и литературному языку. В пятой главе рассматривается диалектное членение, структура и особенности диалектов каракалпакского языка.

Формирование и развитие каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектной системы Д. С. Насыров исследует в неразрывной связи с историческими и этногенетическими процессами формирования каракалпакского народа. Общенародный разговорный язык, возник-

ший на базе печенежско-огузских и кыпчакских племенных языков, окончательно оформился в XIV—XVI вв., став в XVI в. в процессе формирования и обособления каракалпакской народности самостоятельным.

Официальными оппонентами выступили академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, академик АН Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, д-р филол. наук, проф. Ф. А. Абдуллаев, давшие положительную оценку работе соискателя.

Объединенный ученый совет единогласно высказался за присуждение Д. С. Насырову ученой степени доктора филологических наук.

Л. В. Данилова

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1976

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. Гаджиева (Москва) . Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков 3

А. М. Щербак (Ленинград). О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках 13

Л. А. Покровская (Москва). Проницаемость порядка слов в тюркских языках . 22

Б. А. Серебренников (Москва). К проблеме происхождения аффиксов страдательного залога -l-, -yl-/-il-, -n-, -yn-/-in- в тюркских языках 29

А. К. Алекперов (Баку). Лексическое значение в семнологической структуре слова 35

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

М. И. Боргояков (Абакан) . Отношение тюркских языков Южной Сибири к языку сарыг-югуров 43

ОНОМАСТИКА

Л. Г. Гулиева (Баку). Тюркская гидронимия Кубани 50

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Гусейнзаде (Баку). О вокализации тюрко-монгольского термина unγu-boγol . 57

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Орусбаев (Фрунзе). К исследованию фонетической системы киргизского языка 65

М. Садыкова (Ташкент). Средства выражения степени действия и состояния в современном узбекском литературном языке 68

Э. Н. Наджип (Москва). О языке памятника начала XIII в. «Кысса-и Юсуф» Али 74

С. А. Орлов (Москва). Языковая реформа и лексикографическая работа в Турции 89

РЕЦЕНЗИИ

А. Дж. Шукюров (Баку). «Грамматика хакасского языка» 98

Г. К. Кулиев (Баку). Ф. Р. Зейналов. Түрк дилләринин мүгаjисәли грамматикасы 102

К. С. Сабиров, Д. Б. Рамазанова (Казань). Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә сүз тәртибе 104

Н. А. Баскаков (Москва). K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski. Hunowie europejscy, protobułgarzy, chazarowie pieczyngovie 106

С. Г. Кляшторный, И. Е. Фадеева (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome IV 107

Н. А. Дулина, Л. Я. Медведева (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome V 109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Г. Ханзафаров (Казань). Научная конференция, посвященная Мусе Джалилю 113

PERSONALIA

Б. Т. Абдуллаев (Баку). Алигейдар Алиаббас оглы Оруджев 115

ХРОНИКА

Г. Ф. Благова, Л. Г. Серова (Москва). Второе пленарное заседание Советского Комитета тюркологов 118
«Казахская народная песня» 121
«Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке» . 122
«Основные вопросы исторической морфологии казахского языка» 122
«Азербайджанско-русские литературные связи начала XX в.» 123
«Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система» 124

CONTENS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

N. Z. Gadjiyeva (Moscow). Tendencies in development of the structure of turkic languages 3
A. M. Scherbak (Leningrad). The origin of form of conditional mood in turkic languages 13
I. A. Pokrovskaya (Moscow). Permeability of word order in turkic languages . 22
B. A. Serebrennikov (Moscow). Towards the problem of origin of affixes of the passive voice: -l-, -yl-/-il-, -n-, -yn-/-in- in turkic languages 29
A. K. Alekperov (Baku). Lexical meaning in semiological structure of word . . 35

LANGUAGES IN CONTACT

M. I. Borgoyakov (Abakan). Relation of turkic languages of South Siberia to saryg yugur language 43

ONOMASTICS

L. G. Guliyeva (Baku). Turkic hydronymy of Kuban 50

DISCUSSIONS

A. Guseinzade (Baku). On the vocalization of turc-mongolian term unyu-boyol . 57

REPORTS, SURVEYS

A. Orusbayev (Frunze). Towards the investigation of phonetic system of Kirghis language 65
M. Sadykova (Tashkent). Means of expression of the degree of action and state in modern Uzbek literary language 68
E. N. Najip (Moscow). On the language of the written record of 13-th century «Kissa-i Yusuf» Ali 74
S. A. Orlov (Moscow). Language reform and lexicography work in Turkey . . 89

PEVIEWS

A. Shukyurov (Baku). «The grammar of khakass language» 98
G. K. Kuliyev (Baku). Ф. Р. Зейналов. Түрк дилләринин мүгаjисәли грамматикасы 102
K. S. Sabirov, D. B. Ramasanova (Kazan). Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә сүз тәртибе 104
N. A. Baskakov (Moscow). K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski. Hunowie europejscy, protobułgarzy, chazarowie pieczyngovie 106
S. G. Klashtorny, I. S. Fadeeva (Leningrad). «Turkica. Revue d'etudes turques», tome IV 107

N. A. Dylina, S. Ya. Medvedeva (Leningrad). «Turkica. Revue d'etudes turqucs», tome V 109

SCIENTIFIC LIFE

N. G. Khanzafarov (Kazan). Scientific conference dedicated to Musa Jalil . . 113

PERSONALIA

B. T. Abdyllaev (Baku). Aliheydar Aliabbas ogly Orudjev 115

CHRONICLE

G. F. Blagova, L. G Serova (Moscow). Second plenary session of Soviet Committee of turcology 118
«Kazakh folk song» 121
«The syntax of sentences with dependent constructions in kazakh language» . 122
«Main problems of historical morphology in kazakh language» 122
«Azerbaijan-russion literary connections» 123
«Formation of Karakalpak public spoken language and its dialect system» . . 124

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисикова*

Сдано в набор 8/VI 1976 г. Подписано к печати 3/VIII 1976 г. ФГ 12348. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4. Заказ 2782. Тираж 3150. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.